

Владимирский государственный университет

Р. Б. ГОЛОВКИН Е. Р. КРАЙНОВА В. С. МАНОХИН

**МЕХАНИЗМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА
И ЮРИДИЧЕСКИЙ КОМПЛАЕНС**

Учебное пособие

Владимир 2022

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Р. Б. ГОЛОВКИН Е. Р. КРАЙНОВА В. С. МАНОХИН

МЕХАНИЗМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКИЙ КОМПЛАЕНС

Учебное пособие

Под редакцией профессора Р. Б. Головкина

Электронное издание

Владимир 2022

ISBN 978-5-9984-1583-8

© ВлГУ, 2022

© Головкин Р. Б., Крайнова Е. Р.,
Манохин В. С., 2022

УДК 340.12
ББК 67.0

Рецензенты:

Доктор юридических наук, доцент
зав. кафедрой конституционного и муниципального права
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Владимирский филиал)
А. В. Кудрявцев

Доктор юридических наук, профессор
зав. кафедрой международного права и внешнеэкономической деятельности
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
В. В. Богатырев

Головкин, Р. Б. Механизмы цифровизации права и юридический комплаенс [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Р. Б. Головкин, Е. Р. Крайнова, В. С. Манохин ; под ред. проф. Р. Б. Головкина ; Владимир. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2022. – 170 с. – ISBN 978-5-9984-1583-8. – Электрон. дан. (1,77 Мб). – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод DVD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Способствует углублению знаний студентов в области актуальных проблем теории правового регулирования, акцентирует внимание на вопросах цифровизации и комплаенса. Включает теоретический блок и два практических блока, обеспечивающих юридическое образование по дисциплине «Актуальные проблемы теории правового регулирования». Содержится дидактический материал по закреплению знаний, приведен библиографический список. Пособие составлено с учетом ранее опубликованных авторами исследований, которые основаны на практическом опыте применения правовых конструкций материального и процессуального права.

Предназначено для студентов вузов всех форм обучения направления подготовки 40.04.01 – Юриспруденция.

Рекомендовано для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО.

Ил. 2. Библиогр.: 102 назв.

ISBN 978-5-9984-1583-8

© ВлГУ, 2022
© Головкин Р. Б., Крайнова Е. Р.,
Манохин В. С., 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Раздел 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА	
ПРАВА	10
Тема 1. История цифровизации права	10
Тема 2. Основные признаки цифровизации права	19
Тема 3. «Цифровое право» как теоретическая основа цифровизации.....	25
Тема 4. Цифровизация правоотношений.....	30
Тема 5. Цифровая правовая культура	36
Тема 6. Формирование онлайн-компетенций как способ развития цифрового правосознания	43
Тема 7. Влияние цифровых технологий на развитие юридической техники	50
Тема 8. Юридическая техника цифровизации частного права	57
Тема 9. Юридическая техника цифровизации публичного права	64
Тема 10. Будущее цифровизации права с учетом её прошлого	68
Практикум Практическое применение теории цифровизации права	76
Раздел 2. ПРАВОВОЙ РИСК И ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ФУНДАМЕНТ КОМПЛЕКСА	
Тема 1. Сущность чрезвычайного правового регулирования	79
Тема 2. Понятие и правовая сущность чрезвычайных ситуаций.....	88
Тема 3. Юридическая техника в регулировании правовых отношений в чрезвычайных условиях.....	93
Тема 4. Практика интеграции права и медицинского регулирования в современных чрезвычайных условиях	100

Раздел 3. ЮРИДИЧЕСКИЙ КОМПЛАЕНС: ТЕОРИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	113
Тема 1. Введение в юридический комплаенс	113
Тема 2. Техника экспертизы текста: юрислингвистический аспект комплаенса	120
Тема 3. Обещание в праве как внешняя часть комплаенса	129
<i>Практикум 1</i> Анализ оптимальной модели правового регулирования в целях действия комплаенса.....	137
<i>Практикум 2</i> Формирование концептуальной модели влияния неправовых социальных и несоциальных регуляторов на действие права.....	140
<i>Практикум 3</i> Создание эффективной комплаенс-системы и анализ всех правовых рисков.....	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	149
ПРИЛОЖЕНИЕ	161

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Актуальные проблемы теории правового регулирования» – это комплексный учебный курс, предназначенный для подготовки студентов по направлению 40.04.01 «Юриспруденция» («магистратура») для обучения студентов, призванный подготовить выпускников к практической деятельности по защите прав других лиц и самозащите своих прав и свобод, а также развивает способность адаптироваться в условиях стремительного изменения современного законодательства.

Комплекс знаний, умений в рамках данной учебной дисциплины имеет важное значение для формирования правосознания юристов, наполняя его теорией юридической деятельности, связанной с воплощением правовых предписаний в жизнь и реальное поведение субъектов правоотношений.

Степень эффективности подготовки студентов, их способность рационально организовывать свою работу как в учебное, так и во вне учебное время обуславливается необходимостью изучения большого массива специальной литературы, анализом внесенных изменений в современное законодательство, а также учитывать тенденции в общественной сфере. Настоящее пособие объединяет теоретическую и практическую часть.

Настоящее пособие посвящено двум стремительно развивающимся вопросам: цифровизации и комплаенсу. Они задают тенденции в развитии правового регулирования и находятся на пике научной дискуссии. В рамках данного пособия планируется углубление в вопросы цифровизации права, её истории и влияния. Юридический комплаенс, как более практическое средство и менее изученное, наполнен теорией правового риска и практическими занятиями, для решения которых необходимо будет применить актуальные средства юридической техники и обширные знания законодательства.

В целом, как представляется, учебное пособие будет действенным средством подготовки современных юристов, ориентированных на практическую деятельность.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время идет активный процесс цифровизации всех ключевых институтов общества. Все социальные сферы трансформируются для эффективного функционирования в условиях цифровой реальности

Масштабы цифровизации настолько широки, что её называют четвертой промышленной революцией. Она диктует новые условия построения общества и государства. Традиционные механизмы правового регулирования становятся малоэффективными и требуют реформирования и адаптации к цифровому пространству.

Цифровые технологии позволяют ускорить и упростить социальную деятельность. Их применение возможно и в правовой сфере.

Так, система блокчейн, позволяет создавать децентрализованные реестры, которые обладают повышенным уровнем безопасности, а также гарантируют достоверность информации, содержащейся в блоках. Блокчейн может быть применен для создания различных публичных реестров (Единый государственный реестр недвижимости или единый государственный реестр юридических лиц), либо разработкой системы «цифрового избирательного участка», голосовать на котором можно удаленно.

Технология big data позволяет обрабатывать большие массивы данных, для дальнейшего их использования и может быть широко применено при анализе правоприменительной практики и подготовке статистических отчетов, а также для упрощения оборота персональных данных граждан.

Искусственный интеллект способен заменить юристов при осуществлении рутинных шаблонизированных процессах, тем самым упростив многие аспекты юридической деятельности (например, подбор судебной практики, анализ документов на соответствие законодательства и т.д.). Помимо прочего, до сих пор ведутся дискуссии о спо-

собах законодательной регламентации сфер применения искусственный интеллект, как мощной вычислительной технологии, способной вызвать дисбаланс экономических отношений, либо нарушить цифровые границы другой страны. Определение последних также является актуальным правовым вопросом, так как он необходим для разграничения территории применения национального законодательства в сети Интернет.

Помимо указанных технологий, активно развиваются и другие: криптовалюта, смарт-контракты, дополненная и виртуальная реальность (VR), «облачные» (cloud) технологии, интернет-вещей или индустриальный интернет (Internet of things).

Согласно оценкам экспертов, внедрение цифровых технологий способно увеличить ВВП страны к 2025 году на 4,1–8,9 трлн. руб. В Китае ожидается эффект до 22% увеличения ВВП к 2025 году, а в США ожидаемый прирост стоимости, создаваемый цифровыми технологиями, к 2025 году может составить \$1,6–2,2 трлн¹.

Однако активная интеграция цифровых технологий в российскую экономику невозможна без сформированной законодательной базы.

Для определения вектора развития информационного общества в 2017 году Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 года². Она содержит в себе наиболее важные элементы, которые необходимо выполнить для создания высокоразвитого информационного общества. Одним из главных пунктов Стратегии является реформирование законодательства в целях регулирования отношений, складывающихся в цифровой среде.

Национальная программа «Цифровая экономика» закрепила направление развития цифрового законодательства. Однако общая концепция планируемых изменений так и не было представлена, в результате, принимаемые акты вызвали активные дискуссии среди юристов, на предмет их абстрактности и практической неприменимости.

¹ Цифровая Россия: новая реальность. Digital McKinsey [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf>. (дата обращения 10.03.2021)

² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 10.02.2021)

Так, с 1 октября 2019 года вступил в силу Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»¹. Этот нормативный правовой акт ознаменовал собой появление в законодательстве такого объекта гражданского права как «цифровые права» и вызвал активные дискуссии среди юристов. Многие говорят о том, что введённый термин является разновидностью именно субъективных прав², а не объектов гражданских прав. Помимо этого, не было закреплено ни понятие «цифровой юридической обязанности», ни, тем более, «цифровое правоотношение».

Возникновение «цифровых прав» как объекта гражданских прав, подняло вопрос о существовании «цифрового права» как части системы права. Однако в юридической литературе нет единого подхода, относительно понимания «цифрового права». Мажорина М.В.³ отождествляет его с «киберправом», «сетевым правом», «виртуальным правом». Другие говорят о неравнозначности перечисленных терминов⁴. В зарубежной литературе, чаще всего, ведется речь о «платформенном праве» или «интернет-праве»⁵. Формирование теории «цифрового права» должно начаться с создания определения, путем рассмотрения существующих подходов и выделения наиболее важных признаков, рассматриваемого явления.

Цифровизация не только создает новые элементы в системе, но и трансформирует все традиционные понятия права. Возникают новые «цифровые отношения», формируется «цифровая правовая культура» и «цифровое правосознание»; юридическая техника применяется для

¹ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ // Российская газета. N 60. 20.03.2019,

² Головкин Р. Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. - 2019. - № 2(51). - С. 166.

³ Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. –2019. – № 2(147). – С. 112.

⁴ Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И., Насыров Р.В., Васев И.Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах// Юрислингвистика. –2019. –№ 11. – С. 13-18.

⁵ Internet Law: Everything You Need To Know [Электронный ресурс]/ URL: <https://revision-legal.com/internet-law/internet-law-everything-you-need-to-know/> (дата обращения 21.04.2021)

адаптации языка права к цифровой форме выражения; все чаще говорят о структурном изменении правового регулирования. При этом в юридической доктрине отсутствует системное представление данного явления. Фрагментарные исследования не дают ответов об истории и дальнейшем развитии данного явления, а также о способах взаимовлияния права и технологий.

Вытекающим следствием из данного процесса является возникновение новых правовых рисков, которые угрожают всем субъектам правоотношений. В подобных условиях особое развитие получило такое явление, как «комплаенс». Это междисциплинарный термин, обозначающий соответствие чему – то. В целом ряде наук данное понятие применяется с целью обозначить добровольное следование субъектами установленных правил, с целью достижения максимальной эффективности, либо устранения вероятности наступления негативных последствий.

В рамках юриспруденции оно впервые было применено в отношениях крупных частных компаний и государства. Тогда «комплаенс» стал элементом риск-менеджмента и включал в себя комплекс мероприятий по соответствию, существующему антикоррупционному и «антиотмывочному» законодательству. В настоящее время, комплаенс выступает в качестве эффективного инструмента саморегулирование субъектов правоотношений. Всеобщая цифровизация показывает, насколько неэффективны традиционные средства правового регулирования и юридический комплаенс, может стать необходимым решением.

Раздел 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА

Тема 1. История цифровизации права

Исследование цифровизации права стоит начать с изучения истории данного явления.

В юридической доктрине отсутствуют комплексные работы, посвященные подобной теме. Чаще всего в качестве объекта исследования выступает «Информационное общество» и анализируется как информационные технологии изменили традиционный образ жизни людей и задали тенденцию к развитию нематериальных активов. Мы считаем, что цифровизация права напрямую связана с развитием информационного общества. Активное развитие информационных, телекоммуникационных, цифровых технологий оказывают прямое воздействие на все социальные регуляторы¹. Изменяются нормы морали (появились новые общественные установки, связанные с поведением в сети «Интернет»), возникают новые обычаи (при знакомстве люди начинают обмениваться контактами в социальных сетях), даже религиозные нормы не избежали трансформации (стали допустимыми проведение онлайн ритуалов и богослужений, религиозные догмы перестали быть закрытыми источниками и получили активное распространение).

Право также постепенно реформировалось в процессе развития новых технологий: появились новые средства фиксации правонарушений, изменился законотворческий процесс, возникли новые сферы общественной жизни, требующие правовой регламентации. Лишь в последние несколько лет в России стали говорить о развитии «цифрового права». Это во многом связано с принятием национального проекта «Цифровая экономика»², который и утвердил перечень цифровых технологий и необходимость создания профильного законодательства. Тем не менее некорректно исследовать историю цифровизации права

¹ Бачило И.Л. Развитие законодательства в условиях модернизации государственного управления на основе информационных технологий // Труды Института государства и права РАН. – 2011. – №1. С. 67.

² Программа "Цифровая экономика Российской Федерации", утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. N 1632-р [Электронный ресурс]// Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, (дата обращения: 03.08.2020).

лишь с момента принятия проекта, так как указанные в нем технологии являются побочным продуктом от более крупной революции, информационной.

В процессе изучения истории цифровизации права можно выделить четыре основных этапа.

Первый этап (1970 – 1991). Возникшая в 20 века информационная революция стала фундаментом для развития информационных технологий. В её основе лежал тезис о необходимости переоценке значимости информации и выработке новых правил по работе с ней. В результате стали появляться первые электронно-вычислительные машины (далее - ЭВМ). Они позволили существенно ускорить процесс создания, изменения и хранения информации, однако они длительное время не были широко распространены, выступая лишь инструментом крупных научных институтов. Все изменилось вместе с возникновением персональных компьютеров: ЭВМ стали меньше, дешевле и расширился их функционал. Из дорого узкопрофильного оборудования они превратились в разноплановый инструмент работы с информацией и стали основой для дальнейшей «цифровой революции»¹.

Следующим шагом стало создание глобальной информационной сети в 1990-е. 17 мая 1991 года, официально утвержден стандарт Всемирной паутины – www. Именно эту дату считают официальным днем рождения Интернета.

Второй этап (1991 – 2000). Данный период характеризуется увеличением интереса всего мира к информационным технологиям и возникновению исследований, посвященных цифровизации и цифровой экономике.

Впервые о них сказал информатик Николас Негропonte из Массачусетского университета в 1995 году². На фоне трансформации общественной жизни и всеобщей информатизации был сделан вывод о неизбежном переходе всех предприятий на новые бизнес-модели и

¹ Бачило И.Л. Развитие законодательства в условиях модернизации государственного управления на основе информационных технологий // Труды Института государства и права РАН. – 2011. – №1. С. 17.

² Цифровизация в России и за рубежом: немного истории [Электронный ресурс]. URL: <https://www.big-dataschool.ru/wiki/%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 11.03.2021)

применении способов производства, основанных на цифровых технологиях. Однако в тот момент бурное научное и практическое развитие «цифровизации» было остановлено по нескольким причинам:

1. Слабое развитие телекоммуникационной инфраструктуры. Получив возможность использовать телекоммуникационные сети в коммерческих целях, первым развивались именно американские сети (соответственно происходила трансформация лишь национального законодательства). В остальном мире информатизация была на невысоком уровне (в России в 2001 году только у 3,6% населения был доступ в Интернет)¹.

2. Слабое развитие информационного общества. В результате распространения персональных компьютеров и создания сети Интернет существенно ускорился процесс работы с информацией, однако отсутствовало системное понимание возникающих изменений. В условиях динамичного развития технологий, общество не успело адаптироваться и измениться, в результате чего произошло замедления процесса формирования цифровой экономики. Не были известны риски информатизации, границы поведения в сети Интернет, так как существующие общественные регуляторы (мораль, обычаи, право), не могли быть шаблонно применены к поведению людей в условиях киберпространства.

3. Переоценка цифровизации в процессе построения «цифровой экономики». Развитие телекоммуникационных технологий привело к предсказуемому росту компаний, основанных на применение информационных технологий (далее ИТ – компании). Однако в отсутствии существующей практики построения подобной бизнес-модели это привело к крупному финансовому кризису известному как «пузырь доткомов» (Dot-com bubble на англ.). Произошел он по причине того, что многие предприниматели не до конца понимали природу «цифровизации». Часть ИТ-компаний, созданных в тот период получили большие инвестиции, лишь по той причине, что они объявили о своей работе в сети Интернет, при этом не имея реального представления о способах применения информационных технологий. Это привело к фиктивному увеличению стоимости компаний, которые не производили реальных

¹ Председатель ГД предложил вынести на обсуждение ПА ОДКБ и ПАСЕ вопрос о поведении международных ИТ-компаний [Электронный ресурс] // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/51489/> (дата обращения: 01.02.2021).

благ, а держались за счет привлечения дополнительных инвестиций. В результате это привело к крупному обвалу акций многих IT-компаний и долгосрочной утрате доверия многих инвесторов к данному сектору экономики. Тем не менее в этот момент были созданы и успешные фирмы, которые в дальнейшем предопределили развитие цифровизации права и создали собственные инструменты регулирования цифровых общественных отношений (Amazon, eBay).

Перечисленные причины привели к замедлению темпа развития цифровизации, однако это не остановило трансформацию общества.

Начало третьего этапа (2000 - 2014) мы связываем с Саммитом G8, прошедшем 22 июля 2000 года, на котором был принят важный наднациональный акт, который определил вектор развития информационного общества во всем мире и заложил важный фундамент для формирования во всех государствах-участниках специального законодательства. Речь идет об Окинавской Хартии глобального информационного общества¹, которая стала ответом на возникший кризис развития «цифровизации» и определила основополагающие принципы интеграции информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни общества.

В шестом пункте Окинавской хартии глобального информационного общества² указываются конкретные направления для достижения поставленных целей, среди которых: экономические и структурные реформы, повышение доступности информационно-коммуникационных технологий для всех населений, а также развитие людских ресурсов и подготовка конкурентоспособных кадров в условиях повышенного спроса на высококвалифицированных специалистов. Стоит отметить такое направление как создание необходимой нормативной базы, которая позволит эффективно применять IT-технологии в процессе осуществления хозяйственной деятельности. Таким образом, Хартия декларировала общемировые ценности в области развития информационно-коммуникационных технологий и закрепила необходимость создания нормативной базы для регулирования цифровых общественных отношений.

¹ Окинавская хартия глобального информационного общества от 21 июля 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 19.03.2021).

² Там же.

После принятия Окинавской Хартии глобального информационного общества было предложено провести двухэтапный саммит, названный «Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества» (далее - ВВУИО), который бы способствовал дальнейшему развитию международного законодательства в сфере цифровизации.

Первый прошел в 2003 году в Женеве и в нем приняли участие делегации из 175 стран. В результате двухдневной встречи были приняты «Женевская декларация принципов построения информационного общества»¹ и План действий по развитию глобального информационного общества. Первый акт провозгласил необходимость обеспечения равного доступа в ИК-технологиям всех людей, а также закрепил неизбежность цифровизации всего мира. Практическим наполнением закреплённых принципов стал второй акт, в котором уже утверждались конкретные действия по развитию информационного общества. Прежде всего, акцент делался на максимальном распространении ИКТ среди всех слоев населения, и подготовке локальных стратегий применения ИКТ на государственном и общественном уровнях. Также, отдельно отмечалась необходимость международного сотрудничества с целью обеспечения равных возможностей по созданию телекоммуникационной инфраструктуры.

В 2005 году прошел второй саммит в Тунисе, в котором приняли участие не только делегации отдельных стран, но и представители гражданского общества, межправительственных и правительственных организаций. Принятый «План Тунисского обязательства»² подтвердил готовность всего мира способствовать развитию информационного общества и построению глобальной телекоммуникационной инфраструктуры.

В 2014 году состоялась новая встреча ВВУИО в Женеве по вопросам дальнейшего развития информационного общества. Бурное развитие цифровых технологий и активная компьютеризация населения потребовали трансформации существующего международного

¹ Декларация принципов // Женева, 2003 год. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.itu.int/net/wsis/outcome/booklet/declaration_Aru.html (дата обращения: 19.03.2021).

² Тунисское обязательство [Электронный ресурс] // Тунис, 2005 год. URL: <https://www.itu.int/net/wsis/outcome/booklet/tunisru.html> (дата обращения: 19.03.2021)

права. В результате была принята «Концепция ВВУИО на период после 2015 года», которая закрепила 11 положений развития информационного общества. Помимо традиционного призыва к построению эффективной телекоммуникационной инфраструктуры и обеспечения доступности информации, особое внимание было уделено созданию благоприятной среды и выработке новых этических правил поведения.

Таким образом, третий этап характеризуется активным развитием международных актов в сфере цифровизации права. Развитие глобального информационного общества является своеобразным отражением постепенной цифровизации права: так опубликование нормативных правовых актов на Интернет-ресурсах государственных органов было бы невозможно без должной компьютеризации и информатизации всего общества. Развитие цифровых технологий возможно лишь при их массовом распространении и необходимости изменения традиционного правового регулирования. Общее число пользователей Интернетом уже составляет 4,66 миллиарда, что составляет более половины жителей планеты¹². Международные акты установили общемировой вектор развития информационного общества, закрепив принципы доступности и открытости цифрового пространства.

В России также уделяли особо внимание построению информационного общества.³ Так, в 2008 году была разработана и принята первая «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации»⁴. Во многом она заимствовала мировые тренды развития: увеличение числа пользователей и расширение телекоммуникационной инфраструктуры, а также экономический рост в данной отрасли.

Четвертый этап (2014 – по настоящее время) связан с бурным развитием национального законодательства. Формируются и утверждаются программы и национальные проекты, что говорит об изменении

¹ Окинавская хартия глобального информационного общества от 21 июля 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 29.04.2021).

² Интернет и соцсети в начале 2021 года — главные цифры // vc.ru : [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/marketing/221601-internet-i-socseti-v-nachale-2021-goda-glavnye-cifry> (дата обращения: 10.05.2021).

³ Слоботчиков О.Н., Кирсанов К.А., Попова С.А. Становление цивилизации знания и риска и проблемы цифровизации в России // Вестник евразийской науки. 2020. №1.

⁴ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. N Пр-212 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html> (дата обращения: 28.03.2021).

правотворческого подхода государства: раньше нормативные правовые акты носили реакционный характер, теперь они формируются согласно общему плану с должной проработкой.

В 2014 году, Постановлением Правительства была утверждена программа «Информационное общество», которая закрепляла необходимость обеспечения населения современными телекоммуникационными услугами. В рамках программы предусматривалась активная интеграция информационных технологий в государственное управление, снижение инфраструктурного неравенства среди субъектов федерации, а также повышенное внимание к возможным киберугрозам.

В 2017 году была принята новая «Стратегия развития информационного общества 2017-2030»¹, которая действует до сих пор. Она впервые закрепила необходимость развития экономики с использованием цифровых технологий, а также разработку соответствующей законодательной базы. В России это один из первых актов, утвердивших вектор развития цифровой экономики. Все предшествующие программы были направлены на постепенный переход от применения ИК-технологий к цифровым, подготовку населения и материальных ресурсов для того, чтобы предотвратить возможные угрозы. Была подготовлена первичная законодательная база (Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон «О персональных данных», Федеральный закон «Об электронной подписи»), внесены изменения в существующие нормативные правовые акты (Введение дистанционной работы в Трудовой кодекс РФ, дистанционная продажа товаров и оказание услуг в Закон «О защите прав потребителей» и т.д.) для обеспечения дальнейшего эффективного развития цифровой экономики.

Четвертый этап характеризуется не только развитием национального законодательства, но и активным распространением цифровых технологий, которые и стали катализатором развития идей и теорий о «цифровизации».

Цифровое право непосредственно связано с технологией блокчейн (blockchain – англ.), которая стала набирать популярность после

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 10.02.2021)

создания на её основе криптовалюты.¹ По своей природе, блокчейн - это система распределенных реестров, которые могут работать как централизованно и децентрализованно. Технология, созданная в 1990 – х основывалась на военных криптографических разработках, выступая в качестве базы данных, защищенной от несанкционированных изменений. Символьной единицей в блокчейне выступает токен, он также является записью в блоке реестра. Особую популярность данная технология приобрела после разработки первой криптовалюты – биткоина в конце 2008 года. По своей сути - это децентрализованная одноранговая система электронных денежных средства, построенных на технологии блокчейн. Выступая в качестве платежного токена, криптовалюта не имеет государственной поддержки, а развивается за счет общественных инвестиций. Обладая повышенным уровнем защиты, анонимности и возможностью «майнинга» (использование вычислительных мощностей ЭВМ для расчета блоков и получения вознаграждения), данные электронные денежные средства приобрели высокую популярность. Однако с государственной точки зрения, применение таких денежных средств было угрозой, так как они представляли собой ничем не подтвержденные символы в цифровой системе, поэтому многие страны первоначально запретили биткоин. В дальнейшем была разработана криптовалюта Ethereum или «Эфир», в которую была интегрирована технология смарт-контрактов. Последние являются альтернативой классическим договорам, однако отличаются повышенной безопасностью и самоисполнимостью при верификации пользователей.

В настоящее время в мире отсутствует единый подход к правовому регулированию блокчейна и всех его производных. С одной стороны, в рамках платформ действуют собственные правила, однако они не могут считаться полноценным правовым регулированием, так как во многом не учитывают специфику отношений в разных странах. Первоначально многие государства мира запретили криптовалюту, однако дальнейшему развитию блокчейн не препятствовали. Затем, в ходе длительных обсуждений и возникновению судебной практики (уже в июне 2014 году по запросу Швеции суд Европейского союза фактически приравнял биткоины к и иным средствам платежа, на которые не

¹ Новоселова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. – 2017. – № 12. – С. 30.

распространяется исчисление НДС¹), стала возникать законодательная база регулирования криптовалюты. Это связано ещё и с тем фактом, что электронные денежные средства использовались для отмывания и легализации доходов, поэтому требовалась срочная реакция государства.

До сих пор блокчейн, криптовалюта и смарт-контракт не имеют полноценного законодательного регулирования как в нашей стране, так и во всем мире. Это лишь единичный пример конкретной технологии. Искусственный интеллект, интернет-вещей, «облачные» технологии, big data и др. уже стали частью современной действительностью и причиной трансформации правовой действительности.

Таким образом, история цифровизации права связана с развитием информационного общества и цифровых технологий. Сформировавшийся в 1990-х годах технический фундамент не мог быть использован по причине неподготовленности общества, экономики и права. Слабая цифровая культура и отсутствие законодательной базы отложили процесс цифровизации. Возникающее новое нематериальное пространство требовало развитие телекоммуникационной инфраструктуры и развития нормативных правовых актов в сфере информации. Международные акты в сфере построения глобального информационного общества определили ключевые векторы развития права в условиях цифровизации. Для эффективного применения новых технологий необходимо подготовить специализированную законодательную базу, которая бы учитывала, как накопленный международный опыт регулирования IT, так и архитектуру технологий.

¹ Ализаде, В.А. Оборот криптовалюты в Европейском союзе: на пороге правового регулирования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 2(37). – С. 323.

Тема 2. Основные признаки цифровизации права

Определение признаков цифровизации права является необходимым элементом формирования дефиниции исследования. Отсутствие в юридической доктрине единства по данному вопросу говорит об особой актуальности этой темы. С одной стороны, рассматривается правовое воздействие на общественные отношения в условиях цифровой трансформации (средства правового регулирования остаются традиционным, изменяется формат их применения). С другой стороны, некоторые ученые пишут о необходимости¹ разработки совершенно новых средств правового регулирования, так как цифровые правоотношения сильно отличаются от традиционных. На это указывает о формировании совершенно новых социальных явлений, для которых необходимо выработать собственный механизм правового регулирования. Формулирование дефиниции «цифровизации права» позволит четко определить круг исследуемых явлений и детально проследить их во взаимодействии.

В процессе исследования «цифровизации права» можно выделить следующие признаки определяемого явления:

а) Изменение формы представления правовых норм. Это связано, прежде всего, с дефиницией «цифровизация», под которой традиционно понимается переход с аналоговой формы передачи информации на соответствующую цифровую форму. То есть речь идет о трансформации данных в дискретную форму, которую способна воспринимать любая ЭВМ. Это необходимо для уменьшения объема любой информации, ускорения её передачи и повышения безопасности оборота. При этом «цифровизация» не является целью технического прогресса, а выступает как средство для достижения максимального результата². Таким образом, одним из признаков «цифровизации права» является цифровая форма отображения правовых норм, которая позволяет с одной стороны расширить область правового регулирования, а с другой ускорить процесс правоприменения.

¹ Танимов О.В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – №2 (111). С. 12.

² Там же. С. 13.

б) Регламентация отношений, возникающих в цифровой среде. Стоит отметить, что многие цифровые технологии реализуются непосредственно в цифровом пространстве (блокчейн, big data, Интернет-вещей). При этом, они напрямую взаимосвязаны с материальным миром. Так, технология интернет – вещей используется для создания автономных устройств, связанных посредством сети Интернет. То есть пользователь может через подключение к серверу централизованно использовать объекты материального мира вне зависимости от близости нахождения к ним. Стоит отметить, что общественные отношения в цифровом пространстве возникают и по традиционным причинам (приобретение товаров, услуг, размещение объявлений и т.д.), однако при этом трудно оценить охват аудитории и необходимость регламентации информации.

Д. Е. Добринская¹ исследует существующие точки зрения, касающиеся природы киберпространства. Она приходит к выводу, что это понятие можно рассматривать с различных позиций (философской, социологической, технической и т. д.), однако в любом случае киберпространство является новым типом пространства, в условиях которого развивается так называемое сетевое общество. В данном случае некорректно применять термин «киберпространство» по причине его обширности. Оно включает в себя как межличностное взаимодействие информационном пространстве, так и применение цифровых технологий.²

с) Формальная определенность правовых норм, регламентирующих цифровые правоотношения. Для определения уровня «цифровизации права» необходимо опираться на существующую нормативную правовую базу. В России развитие законодательства происходило поступательно, в зависимости от уровня развития информационного общества и телекоммуникационной инфраструктуры. Как было указано в предыдущем параграфе первыми законами, связанными с цифровиза-

¹ Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. – 2018. – Т. 24, № 1. – С.52-70.

² В рамках данного исследование понятия «цифровая среда» и «виртуальное пространство» используются в качестве синонимов.

цией стали «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹, Федеральный закон «О персональных данных»², а также отдельные поправки в уже существующие нормативные правовые акты. В дальнейшем принятие национальной программы «Цифровая экономика» закрепило вектор развития нормативного правового регулирования цифровой среды.

При этом стоит отдельно отметить более стремительное развитие правоприменительной практики, по сравнению с законодательством. Так, официальное закрепление и признание криптовалюты в Европейском союзе (далее – ЕС) началось после вынесения судом ЕС решения³ по обращению Швеции с заявлением о том, возможно ли оплачивать налоговые сборы и иные обязательные платежи при помощи криптовалюты. В России до принятия закона «О цифровых финансовых активах»⁴ и закрепления «Цифровых прав» как новых объектов гражданского права не существовало правового режима криптовалюты, хотя в судебной практике уже присутствовали дела, связанные с данной технологией.

Согласно отчету, RTM Group⁵ первое дело, в котором фигурировала криптовалюта датируется 19.01.2015 годом. Особо в отчете выделяется три дела: первое связано с регистрацией товарного знака «BITCOIN» и не относится к теме исследования напрямую.

Второе дело № 2-541/2016 было посвящено взысканию денежных средств в связи с невыполнением обязательства по поставке оборудования для «майнинга» (данный процесс заключается в использовании ЭВМ для разрешения математических задач в блокчейн-системе и получении вознаграждения в виде криптовалюты). Примечательно, что

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ // Российская газета. N 165. 29.07.2006 (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2021)

² О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ // Российская газета. N 165. 29.07.2006 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021)

³ Ализаде, В.А. Оборот криптовалюты в Европейском союзе: на пороге правового регулирования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 2(37). – С. 323.

⁴ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Российская газета. 06.08.2020 г. Ст. 173.

⁵ Криптовалюта глазами российских судей [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-rights.center/blog/kriptovalyuta-glazami-rossiyskikh-sudey/> (дата обращения: 10.04.2021).

суд исковое заявление удовлетворил, однако не уделил внимание правовой регламентации оказанной услуги.

Третье дело № 2-160/2017 рассматривалось в Рязском районном суде и связано со взысканием денежных средств с «онлайн-обменника», через который пользователь хотел конвертировать биткоин в рубли, однако перевод не был осуществлен. Суд в своем решении указал следующее: во – первых, в России на тот момент отсутствовало законодательное закрепление «виртуальной валюты» (в данном деле речь шла о биткоинах), а также регламентация онлайн-бирж, торговых интернет-площадок и иных посредников, работающих с криптовалютой; во – вторых, суд сделал важную оговорку о пользовательском соглашении «онлайн-обменника», в котором указано, что истец принимает на себя все финансовые риски, связанные с полным или частичным невыполнением обязательства по перечислению денежных средств; в – третьих, нахождение криптовалюты вне правового поля России ограничивает право истца использовать существующие механизмы защиты нарушенных интересов (наложение штрафа, взыскание убытков и морального вреда). Дальнейшая практика была приближена к доводам, указанным Рязским районным судом, то есть признание пробельности законодательства в сфере регулирования криптовалюты и невозможности применения механизмов защиты.

Интересным является вывод суда о том, что истец, выступая в роли пользователя площадки, приняв все условия пользовательского соглашения, фактически увеличил собственные возможные риски. Данный тезис часто применяется в спорах с различными интернет-платформами и говорит об особой ценности пользовательского соглашения, который выступает локальным актом, регламентирующим действия пользователей в рамках Интернет-ресурса. Ученые говорят о формировании «Платформенного права» (platforms law – англ.), которое заключается в развитии собственного правового регулирования в рамках цифровых платформ. В данном случае обязательно наличие документа, закрепляющего права и обязанности сторон, а также способы разрешения споров.

Таким образом, формальная определенность правовых норм, регламентирующих цифровые правоотношения возможна не только в рамках законодательства, но и в локальных цифровых актах интернет-платформ, которые не противоречат нормативной базе государства.

d) Взаимовлияние права и технологий. Цифровизация права связана не только с законодательным закреплением новых технологий, но и с применением этих разработок в процессе правового регулирования. Постепенная конвергенция двух явлений приводит к тому, что право адаптируется к новым информационным условиям.

Среди таких изменений можно считать опубликование нормативных правовых актов на сайтах государственных органов и в справочно-правовых системах (далее – СПС). В результате трансформируется одна из стадий законотворчества путем признания информации, размещенной в сети Интернет доведенной до неопределенного круга лиц.

Новые технологии позволяют автоматизировать процессы правоприменения. Так, при помощи видеофиксации возможно установление нарушителей правил дорожного движения (превышение скорости, не соблюдение требований полос) и оформление протокола с дальнейшим наложением санкции.

Помимо очевидного применения цифровых технологий и расширения пространства применения права остро стоит вопрос о «машиночитаемости» и автоматизации права. С 2017 года¹ в Сколково обсуждается вопрос о переводе права в дискретную форму, то есть которую сможет воспринимать любая ЭВМ. Алгоритмизация права позволит шаблонизировать многие обыденные процессы и применить технологию искусственного интеллекта для их решения.

Предполагается, что путем реформирования современного законодательства возможно перевести правовые нормы в математические категории с четкой последовательностью действия при наступлении тех или иных условий. Машиночитаемость права предполагает возможность его анализа искусственным интеллектом и составления дерева вероятных действий и решений. Таким образом, возможно ускорить процесс как правоприменения, так и правотворчества. Последний может быть существенно усовершенствован, в случае цифровизации юридической техники и создания шаблонов «законов», по которым искусственный интеллект сможет создавать нормативные правовые акты. Однако невозможно полностью перевести право в машиночитаемый формат, так как существуют такие нормы, правоприменение которых

¹ Способен ли искусственный интеллект заменить судью? [Электронный ресурс]. URL: https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2019/09/23/sposoben-li-iskusstvennyy-intellekt-zamenit-sudyu_3f00.aspx (дата обращения: 23.02.2021)

возможно только после толкования с учетом условий конкретного дела. Одним из таких сложных понятий является «добросовестность», так как невозможно точно установить границы установления «доброй совести» участников правоотношений и закрепить условия применения данной категории. В этом случае законодательство допускает судебское усмотрение, для правильного и справедливого разрешения дела. Подобное невозможно в рамках применения искусственного интеллекта, так как он работает с правилами, имеющими конкретные случаи применения.

Стоит отдельно упомянуть про формирование LegalTech в России. Данный термин обозначает использование цифровых технологий для усовершенствования и ускорения правового регулирования. Одним из его составляющих как раз является машиночитаемое право.

В данный момент хочется отметить, что цифровизация приводит к качественным сдвигам средств правового регулирования: возникают новые способы пресечения правонарушений, упрощается процесс опубликования нормативных правовых актов, автоматизируются рутинные юридические процессы.

Таким образом, цифровизация права – это процесс взаимодействия права и цифровых технологий, в результате которого, с одной стороны происходит формирование механизмов цифрового правового регулирования и перевод правовых норм в цифровой формат, а с другой интеграция цифровых технологий в юридическую практику с целью улучшения и автоматизации всех правовых процессов.

Тема 3. «Цифровое право» как теоретическая основа цифровизации

В процессе доктринального развития «цифровизации права» встает вопрос о месте «цифрового права» в российской правовой системе. Формирование данного понятия началось с изменения законодательства и введения нового объекта гражданских прав. Затем законодатель расширил границы «цифровых прав», вводом новых разновидностей токенов, регламентацией инвестиционных цифровых платформ, а также закреплением дефиниции «цифровые финансовые активы». В результате в юридической доктрине все чаще возникали идеи о возникновении новой отрасли права,¹ однако мы не можем согласиться с данной точкой зрения и считаем необходимым изучить существующие концепции «цифрового права» и близко связанных дефиниций.

В юридической доктрине нет единого мнения о терминологии права в условиях цифровой среды. Разность подходов объясняется централизацией научных подходов вокруг конкретной технической особенности информационных технологий. Среди возможных вариантов выделяются следующие: «киберправо», «интернет – право», «цифровое право», «сетевое право» или «виртуальное право».

Начать стоит с рассмотрения «Сетевого права» Мануэля Кастельса². Он, как социолог, связывал развитие данного явления с развитием сети Интернет, которая существенно ускоряет процесс сбора, передачи и хранения информации. Его идеи были адаптированы Т.М. Гришиной³, которая уже с юридической точки зрения, конкретизирует «сетевое право» и его место в системе права. Так, она заключает, что данная отрасль характеризуется функционированием в виртуальном пространстве, высокой скоростью правовых процессов и адресным характером применения норм. Последний признак связан с подменой материальной личности субъекта на цифровую, поэтому правовое регулирование осуществляется между адресами в сети Интернет. По её

¹ Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И., Насыров Р.В., Васев И.Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. – 2019. – № 11. – С. 15.

² Гришина Т.М. Сетевому праву - сетевое общество // Вестник Международного юридического института. – 2017. – № 2(61). – С. 7

³ Там же. С. 10.

мнению, «сетевое право» уже является новой отраслью права и необходимо продолжить процесс развития законодательной базы в данной сфере. Отдельно Т.М. Гришина указывает на термин «сетевой»¹ понимая под ним группу взаимосвязанных элементов, находящихся в едином пространстве, т. е. в данном случае право выступает регулятором общественных отношений, возникающих в нематериальном пространстве.

Стоит не согласиться с тем, что «сетевое право» является полностью сформированной отраслью права. Указанные в работе Т.М. Гришиной законодательные изменения, носят реакционный характер, то есть государство реагирует на возникающие пробелы и старается изменить существующее правовое регулирование. При этом, «сетевое пространство» находится в прямой взаимосвязи с материальным миром, поэтому подход Т.М. Гришиной мы считаем неполным, игнорирующим архитектуру сети Интернет, в части социального взаимодействия.

В.В. Архипов² один из ведущих специалистов в сфере цифровизации права и создатель теории «Интернет-права», которое он понимает, как отрасль законодательства, которая регулирует общественные отношения в связи с использованием сети Интернет. В рамках своей работы он раскрывает подходы к законодательному регулированию данного явления и выделяет системные проблемы интернет-архитектуры, которые не позволяют применить существующие механизмы правового регулирования к цифровым правоотношениям. В.В. Архипов считает «интернет-право» и «цифровое право» синонимами, явлениями одного порядка, однако с данным тезисом трудно согласиться³. Телекоммуникационные технологии выступают как фундамент для дальнейшей цифровизации общества. Однако концепция «интернет-права» привязывается непосредственно к сети Интернет, тем самым ограничивая сферу правового регулирования. По нашему мнению, «Цифровое право» регламентирует общественные отношения как в цифровой среде, так и в материальном мире.

¹ Гришина Т.М. Сетевому праву - сетевое общество // Вестник Международного юридического института. – 2017. – № 2(61). – С. 7.

² Архипов В. В. Интернет-право / В. В. Архипов. - Москва: Юрайт, 2018. – С. 12.

³ Там же. С. 34.

Концепция «Интернет-права» или Internet law распространена и за рубежом¹. В США считают, что невозможно законодательно или на уровне прецедента урегулировать все общественные отношения, возникающие в сети Интернет. Существующая законодательная база закрепляет принцип транспарентности деятельности в цифровой среде. То есть все веб-сайты и интернет – платформы, должны оповещать пользователя о том, какие персональные данные они обрабатывают и в чем особенность их правовой политики. Саморегуляция интернет-отношений контролируется многочисленными государственными органами (например, The Federal Trade Commission или Федеральная торговая комиссия). При этом не допускается безосновательное цензурирование информации.

М.В. Мажорина² в своей работе исследует различные концепты права киберпространства, которые находятся на стыке с информационными технологиями и опираются на них. Среди них она выделяет:

- Компьютерное право (computer law),
- киберправо или право киберпространства (cyber or cyberspace law),
- электронное коммерческое право (electronic commerce law),
- электронное *lex mercatoria* (e-merchant law),
- интернет-право (internet law),
- право информационных технологий (information technology law (IT law))
- Информационное право
- Сетевое право
- Платформенное право (the Law of Platform / Platform Law)

Как указывает М.В. Мажорина³, и мы с ней полностью согласны, содержание указанных дефиниций зависит от того, что именно авторы понимают под термином «сеть». При этом, если сеть понимать, как

¹ Internet Law: Everything You Need To Know [Электронный ресурс]/ URL: <https://revision-legal.com/internet-law/internet-law-everything-you-need-to-know/> (дата обращения 21.04.2021)

² Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. –2019. – № 2(147). – С. 110.

³ Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. –2019. – № 2(147). – С. 111.

только техническое явление, то в данном случае невозможно построение правовых моделей, так как право регламентирует отношения между людьми.

Одним из противников формирования концепта «киберправа» выступает американский ученый Джозеф Соммер¹. Его позиция основывается на том, что Интернет и цифровые технологии, несомненно, трансформируют общество, однако не создают условий для формирования новой отрасли права. Так, он делает сравнение с «автомобильным правом», которое, по его мнению, является абсурдным. Возникновение аварии с участием машины не требует специального права, а является хрестоматийным примером деликтного обязательства, которое изменяется с учетом средства причинения вреда. Так и все технологии, по его мнению, лишь выступают в качестве нового инструмента общества, но никак не самостоятельного предмета правового регулирования. Его централизация непосредственно на одной технологии (речь идет об «Интернете») искажает понимание общественных отношений, формирующихся в процессе цифровизации.

Для понимания «Цифрового права» и «киберправа» М.В. Мажорина отдельно² рассматривает такое явление как «Платформенное право». Данное явление существенно отличается от традиционных правовых явлений, так как выступает как объект правотворчества интернет-платформ. Т. Шульц пишет о том, что данная система выступает в качестве автономного частного права, регламентирующие общественные отношения непосредственно на цифровых площадках. То есть возникает саморегуляция в рамках цифровой среды. Объясняется это высоким уровнем динамизма сети Интернет, когда пользователи из разных точек мира могут мгновенно продать или купить какую – либо вещь. В таких условиях требуется создание универсального свода правил платформы, чтобы упростить процесс правового регулирования и не допустить возможности возникновения злоупотреблений.

М.В. Мажорина уверена,³ что цифровизация приведет к возникновению автономного «киберправа», не зависящего от национальных законодательств, а формирующихся в рамках определенных интернет-платформ, которые будут выступать в качестве «цифровых госу-

¹ Там же. С. 112.

² Там же. С. 114

³ Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. –2019. – № 2(147). – С. 118.

дарств». Данная точка зрения основывается на понимании «киберпространства» как нематериального многоуровневого пространства, в рамках которого происходит социальное взаимодействие людей с использованием информационных технологий. Оно охватывает как сеть Интернет, так и менее крупные взаимосвязанные элементы (например, локальные сети). Такое обширное понятие позволяет говорить о «киберправе» как об отдельной области юридической науки, которая изучает развитие и трансформацию права в условиях информатизации общества.

Изученные выше подходы позволяют сделать следующие выводы:

а) Цифровое право не является отраслью права, так как в настоящий момент отсутствует необходимая доктринальная и законодательная проработка данного вопроса, нет единого мнения о предмете и методе правового регулирования.

б) Существующие нормативные правовые акты в сфере цифровизации позволяют говорить о выделении новой отрасли законодательства.

с) Цифровое право в системе различных концептов «киберправа» занимает особое место, так как регламентирует общественные отношения, не только возникающие в сети Интернет, но и при применении различных цифровых технологий.

д) Саморегуляция в цифровом пространстве неизбежное явление, поэтому цифровое право должно включать в себя не только нормы-правила, но и нормы-принципы, на основании которых различные платформы должны будут создавать локальные акты.

Таким образом, цифровое право, с точки зрения системы законодательства – это отрасль, регламентирующая общественные отношения, возникающие в цифровой среде в процессе применения цифровых технологий.

Цифровое право, как область юридической науки, является совокупностью представлений, концепций и идей о месте права в процессе цифровизации и способах применения цифровых технологий для трансформации механизма правового регулирования.

В настоящий момент, формирующееся доктринальное понимание «Цифрового права» является необходимым фундаментом для дальнейшего законодательного развития цифровизации.

Тема 4. Цифровизация правоотношений

В условиях цифровизации трансформируется и такая категория как правоотношение. Его определяющие элементы в условиях цифровой среды видоизменяются, в результате чего, существующие механизмы правового регулирования оказываются неприменимы. П.У. Кузнецов отмечает, что многие классические юридические понятия и конструкции оказываются «ветхими» правовыми инструментами, поскольку они не всегда оказываются применимы в условиях новой цифровой действительности, поэтому не могут быть использованы для создания эффективного регулирования общественных отношений.

Правовое отношение как раз и является таким классическим юридическим термином, которое обозначает обеспечиваемое силой государственного принуждения общественное отношение, урегулированное правом и закрепляющее взаимное поведение его участников посредством установления субъективных прав и юридических обязанностей. В состав правоотношения входят следующие элементы: субъекты, объект, содержание (субъективные права и юридические обязанности).¹ Также, существуют юридические предпосылки возникновения правоотношений: норма права, правосубъектность и юридический факт. В условиях цифровой среды классический подход подвергается существенной трансформации, в связи с особенностями социального взаимодействия в киберпространстве. Так, возникают новые объекты, ставится вопрос об идентификации субъектов, формируется новое содержание. В рамках данного исследования необходимо проанализировать цифровизацию элементов цифровых правоотношений и трансформацию предпосылок их возникновения.

Танимов О.В.² говорит о возникновении новых общественных отношений, в которых люди выступают в качестве виртуальных «личностей». Связано это с архитектурой сети Интернет, в которой происходит «оцифровка» субъектов правоотношений. В результате возникает

¹ Головкин Р.Б. Теория государства и права // Федер. Служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2015. – С. 281.

² Танимов О.В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – №2 (111). С. 13.

проблема их идентификации, так как люди получают возможность свободно редактировать свои данные и придумывать различные «никнеймы» (nickname с англ.). Это приводит к созданию «фейк»-аккаунтов, которые используются для злоупотребления правами и организации мошеннических схем, направленных на введение в заблуждение обычных пользователей и краже их денежных средств или персональных данных. Также, это затрудняет процесс привлечения к ответственности, так как в некоторых случаях невозможно точно определить человека, скрывающегося за «никнеймом». Таким образом, для определения конкретного субъекта цифровых правоотношений, необходимо произвести идентификацию пользователя. Подобное предлагается производить за счет биометрических технологий или путем создания «цифрового паспорта».

Первое, заключается в оцифровке лица человека, отпечатков пальцев и голоса (подобное применяется в современных смартфонах, планшетах и персональных компьютеров, для разблокировки гаджетов). При этом предполагается создание единой системы верификации, которая будет допускать граждан в сети Интернет после проверки их личности. Данная система имеет ряд недостатков. Прежде всего, безопасность биометрических данных пользователей должны быть гарантирована центром обработки и хранения информации, который должен являться государственным органом, с целью недопущения возможных злоупотреблений. В настоящий момент это представляется трудновыполнимым, так как отсутствуют технические возможности формирования подобной системы. В сети Интернет люди выступают в качестве виртуальных «личностей».

«Цифровой паспорт» стоит отличать от электронных паспортов. Последние выступают как электронный аналог документа и упрощает процесса его хранения и предоставления в различные органы. «Цифровой паспорт» подразумевается в качестве документа, идентифицирующего пользователя на интернет-платформах. То есть человек, заполняет данные о себе в специальную формулу, а затем использует «цифровой паспорт» для удостоверения своей личности и участия в гражданском обороте в сети Интернет. Это минимизирует возможность порока субъекта в процессе социального взаимодействия и доказывает наличие полной правосубъектности, а также упрощает процесс пресечения правонарушений. Подобная система представляется наиболее

удобной с точки зрения технической реализации, а также упрощает процесс законодательной регламентации. Обязанность по контролю за «цифровыми паспортами» передать Министерству юстиции и определить признаки Интернет-ресурсов, для которых такая система будет обязательна. В настоящее время схожая технология применяется при формировании электронных кошельков в разных платежных системах (Webmoney, PayPal).

Другой проблемой субъектов правоотношений выступает развитие искусственного интеллекта. Более подробно это явление будет рассматриваться в следующей главе, сейчас остановимся на его месте в формировании цифровых субъектов.

Активное развитие робототехники и программного обеспечения привели к возникновению технологии, способной имитировать человеческий разум. В юридической доктрине возникла дискуссия по поводу возможности выступления ИИ в качестве субъекта правоотношений, так как он способен самостоятельно оценивать различные ситуации и принимать решения независимо от воли создателей. Однако в данном случае встает вопрос о границах развития ИИ и способности его интеграции в общество, а также о наличии ответственности разработчиков программы за её действия и возможности установления ограничений. В целом, законодательная регламентация данного вопроса во всем мире существенно расходится: в Европе преобладает позиция о частичной зависимости ИИ от создателей и необходимости разделения ответственности; в России существующая нормативная правовая база представлена в основном подзаконными актами и идет по пути закрепления искусственного интеллекта в качестве средства, а не отдельного субъекта.

Следующим изменяющимся элементом в условиях цифровизации выступает объект – это материальные и нематериальные блага, по поводу которых возникает правоотношение. В условиях развития Цифровой экономики получили бурное развитие нематериальные активы, которые становятся новыми объектами. Однако динамизм цифрового пространства, как указывалось ранее, приводит к тому, что законодательство просто не успевает за новыми технологиями. Если в 2019 году основным трендом являлись «токены» и в частности «криптовалюта», то уже сегодня все внимание сосредоточено на NFT-токенах. Цифро-

вые финансовые активы только недавно были введены в нашу правовую систему в очень ограниченном состоянии. Тем не менее это не препятствует их дальнейшему обороту.

Описанная ранее технология криптовалюты представляет собой любопытную ситуацию: платежные токены, существующие в рамках блокчейна могут быть конвертированы в любую существующую валюту. При этом эта электронная платежная система является полностью частной и поддерживается за счет внутреннего интереса, выступая в качестве рискованной инвестиции. Иные разновидности токенов могут даже применяться в совокупности с объектами материального мира: удостоверить право на владение недвижимостью, предметом искусства или его частью, выступать в качестве акций компаний. Даже существует такой процесс как ICO (Initial coin offering – первичное размещение монет, перевод с англ.), которая является альтернативой IPO, проводится на специальных крипто-биржах и заключается в переводе акций компании в форму токенов. Это приводит к существенной трансформации традиционных общественных отношений и возможности их правовой регламентации.

Стоит сказать и о таких объектах, как аккаунты и предметы виртуальных игр. Первые реализуются в рамках специальных маркетплейсов и используется, чаще всего хакерами для реализации украденных данных. Многие цифровые платформы в своих соглашениях прописывают недопустимость продажи или перепродажи аккаунтов, с целью недопущения возникновения возможности злоупотреблений. Тем не менее этот процесс порой сложно оценить. Виртуальное имущество во многопользовательских играх чаще становится объектом правоотношений. Рожкова М.А.¹ указывает на отсутствие в российской юридической доктрине конкретных предложений о правовом положении игрового имущества. Преобладает подход применения конструкции объекта гражданского права. В зарубежной литературе преобладает идея вещной или квази-вещной природы виртуальных предметов многопользовательских игр. Данная концепция считается спорной, так как она направлена непосредственно на материальные объекты и поэтому не может быть применена по аналогии. Более детально этот вопрос рас-

¹ Рожкова М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. – 2020. – № 10. С. 34.

смотрим в следующей глава, сейчас лишь уточним, что отсутствие специального законодательства не делает невозможным возникновения правоотношений по поводу игрового имущества. Проблемой выступает правоприменительная деятельность, в случае нарушения прав пользователей.

Цифровизация правоотношений приводит к трансформации содержания и возникновения «цифровых права» (мера возможного поведения субъектов правоотношения) и «цифровых обязанностей» (меры должного поведения субъектов правоотношений). Головкин Р.Б.¹ особенностью данных явлений выделяет выражение в форме цифрового кода или обозначения на основе и в рамках информационных систем, признаваемых законодательством. Его подход опирается на существующую нормативную базу, что позволяет оценить реальность правовой регламентации цифровых общественных отношений. В рамках данного параграфа мы будем рассматривать цифровые права и обязанности в условиях цифрового или виртуального пространства. При этом дефиниция «цифровые права» внесенная в качестве объекта гражданских прав не относится к содержанию цифровых правоотношений.

Цифровые права и обязанности субъектов должны иметь формальное выражение: отражены либо в законодательстве, либо в пользовательском соглашении. Последнее чаще всего применяется трансграничными цифровыми платформами, которые стараются создать собственное локальное правовое регулирование, с целью уменьшения возможных издержек, связанных с юридической работой. При этом, в рамках сети Интернет возможно технически реализовать пределы осуществления прав субъектов. При возможном нарушении своими действиями интересов других пользователей, администрация сайта может применить санкцию в виде блокировки нарушителя.

Порой специфика прав и обязанностей может зависеть от «статуса» человека в цифровом пространстве. Допустим активный пользователь платформы заработал повышенный рейтинг и получил доступ к расширенному функционалу сайта (допустим для продажи вещей). Цифровизация правоотношений позволяет создавать техническую невозможность чужих прав. Например, попытки взлома аккаунта могут

¹ Головкин Р. Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. - 2019. - № 2(51). - С. 165.

пресекаться путем установления дополнительной аутентификации пользователя, или попытка перепродажа краденного будет невозможна по причине дополнительной проверки самой платформой. Содержание меняется в зависимости от конкретной ситуации, однако стоит заметить о технической возможности в условиях цифрового пространства установления невозможности нарушения цифровых обязанностей субъектом.

Цифровизация изменяет и предпосылки возникновения цифровых правоотношений. Главным образом трансформируется юридический факт. Как указывает Головкин Р.Б.¹, одним из таких примеров выступает развитие электронно-цифровой подписи, которая может наноситься на электронный вариант сделки и тем самым порождать для сторон права и обязанности. Другой пример реализуемый на сайтах, когда пользователь ставит согласие о том, что он ознакомился с пользовательским соглашением или предоставил свои персональные данные ресурсу. В таких случаях права и обязанности возникают между человеком и администрацией сайта. Интернет существенно ускоряет возникновение юридических фактов, вызывающих правоотношения, причем чаще всего очень сложно однозначно их квалифицировать. Отношения между пользователем и разработчиком игры чаще всего квалифицируются в качестве договора оказания услуг, причем с некоторыми оговорками. При продаже предмета искусства, переведенного в формат токенов вы можете осуществлять как инвестиционную сделку, так и классический договор купли-продажи. Все это зависит непосредственно от особенностей конкретной платформы.

Таким образом, цифровизация правоотношений – это процесс перехода правоотношений из материального, преимущественно в цифровое пространство, сопровождаемое трансформацией элементов правоотношений и предпосылок их возникновения. Исходя из определения, предложенного Головкиным Р.Б., хотели бы предложить следующее определение цифровых правоотношений – это разновидность общественных отношений, возникающих на базе цифрового права, регулирующего эти отношения, в рамках цифрового пространства и с учетом его технической архитектуры.

¹ Головкин Р. Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. - 2019. - № 2(51). - С. 166.

Тема 5. Цифровая правовая культура

Цифровизация основных сфер деятельности общества приводит к накоплению информационных ценностей. Формирование цифрового пространства - необходимый и неизбежный процесс, который нужен для дальнейшего развития технологий, и, как следствие, удовлетворения потребностей общества.

Однако многие исследователи говорят о возникновении «человеческого фактора». Как уже было указано ранее, без должного развития информационного общества невозможна и цифровизация, так как в данном случае, достижения науки окажутся невостребованными людьми. Проблема формирования новой разновидности культуры связана не только с развитием телекоммуникационных технологий, но и с адаптацией населения к неизбежному прогрессу.

Цифровая среда оказывается, чаще всего, тяжело осваиваемой для людей зрелого возраста (от 40 лет и выше). Они не успевают адаптироваться к постоянно меняющимся условиям жизни. Возникновение киберпространства диктует новые правила социального взаимодействия, в результате чего становится невозможным применение поведенческих шаблонов из-за их устаревания.

Цифровизация – необходимый процесс для всего мира. Формирование новых и трансформация старых ценностей должно происходить с минимальным ущербом для людей. Государство в данном случае должно проявлять активную позицию по подготовке граждан к новым условиям жизни, повышению уровня цифровой культуры, в том числе правовой. Без должного внимания возникнет ситуация, при которой люди либо совсем не смогут реализовывать свои права в цифровом пространстве, либо это будет происходить с нарушением интересов других пользователей и государства. Также, необходимо изучить место цифровой правовой культуры в процессе формирования информационного общества и цифровизации права.

Стоит начать с полисемантического термина «правовая культура». С одной стороны, данное явление может определяться как все что создано человеком в правовой сфере, с другой, выступать характеристикой правового развития общества. В рамках данного исследования под правовой культурой будет пониматься совокупность духовных и мате-

риальных правовых ценностей, которые характеризуют уровень правового развития общества в конкретный момент времени, имеющая свое отражение в правосознании отдельных членов социума. Представленная дефиниция охватывает наиболее важные признаки определяемого явления, так как опирается на совокупность правовых ценностей, существующих в определенный момент времени, а также имеет свое выражение в правосознании и, как следствие, в правовом поведении членов общества.

Правовое воспитание важный элемент любого современного государства. Оно осуществляется на протяжении всей жизни человека и происходит как путем межличностного взаимодействия, так и ознакомления с существующим законодательством. В результате у человека формируется определенный уровень правосознания, которое находит свое выражение в качестве правового поведения человека.

Однако в условиях киберпространства общественные отношения трансформируются с высокой скоростью, что приводит к невозможности воспитания путем «личного примера»¹. Нематериальность и определенная анонимность цифрового пространства приводит к ощущению не подконтрольности со стороны общества и государства.

Интернет аккумулирует различную информацию со всего мира, в том числе негативную. Она может причинить вред ментальному развитию несовершеннолетних, поэтому в настоящее время одной из важных государственных задач становится формирование цифровой правовой культуры общества. Она способна обеспечить нормальное развитие информационного общества и высокий уровень пользовательского правового сознания граждан.

Цифровая правовая культура аккумулирует все формирующиеся ценности в условиях киберпространства. Для оценки её уровня в рамках развивающегося информационного общества стоит использовать термин «цифровое правосознание». Согласно Р.Б. Головкину², - это совокупность идей, теорий, концепций, эмоций чувств, переживаний по поводу существовавшего, существующего и будущего цифрового

¹ Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. – 2018. – Т. 24, № 1. – С.61.

² Головкин Р. Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. - 2019. - № 2(51). - С. 166.

права. В рамках данного исследования было сформулировано определение «цифрового права».

О необходимости формирования особого правосознания и пользовательской культуры было указано в Стратегии развития информационного общества¹. Данный документ осветил проблему формирования цифровой правовой культуры, существовавшей долгое время. Законодательное закрепление и развитие различных цифровых явлений невозможно без должного уровня подготовки людей.

В 2020 году аналитический центр НАФИ провел исследование уровня цифровой грамотности населения России, применив комплексный подход, предложенный в прошлом году в рамках Саммита G205, а также сравнил с данными, полученными в ходе исследования в 2018, 2019 и 2020 годах. Результаты представлены в диаграмме ниже.

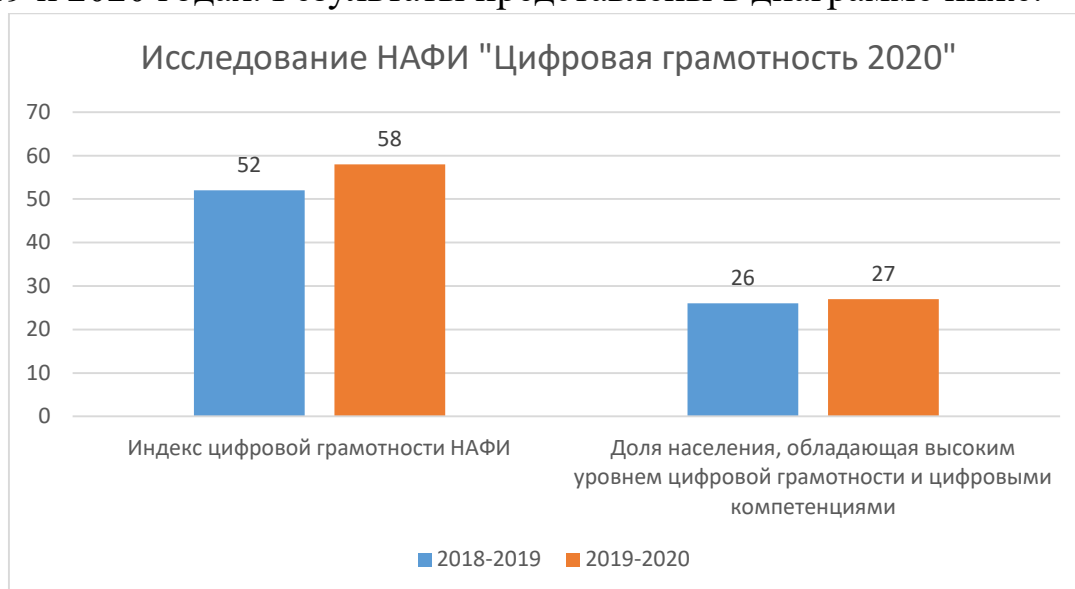

Рис. 1. Результаты исследования цифровой грамотности населения²

Исследование проводилось путем опроса 1300 человек, и на базе их ответов были составлены данные, указанные на рис. 1. Были проанализированы следующие параметры цифровой грамотности:

- информационная грамотность;

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 10.02.2021)

² Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 14.03.2021)

- коммуникативная грамотность;
- создание цифрового контента;
- цифровая безопасность;
- навыки решения проблем в цифровой среде

Анализ производился после введения повсеместного ограничения и перевода работников на дистанционный труд. НАФИ хотел выяснить¹, как достигнутый уровень цифровой грамотности скажется на переходе людей в цифровой формат. Оказалось, что по сравнению с 2018-2019 годом процент людей, обладающих высоким уровнем цифровых компетенций вырос лишь на один пункт. Однако снизился разрыв между различными возрастными группами, и можно сделать вывод о заметном росте цифровой грамотности людей старше 40 лет.

Цифровое правосознание граждан напрямую зависит от воспитания, которое должно также трансформироваться под изменяющиеся условия. Для развития данного вектора государственной политики был принят национальный проект «Образование», который одной из своих ключевых задач ставит повышение цифровой грамотности учащихся образовательных учреждений всех уровней. Для реализации данной программы предусмотрена переквалификация педагогического персонала и их обучение цифровым компетенциям. Последнее планируется официально внести в новые образовательные стандарты и сделать необходимым. Срок исполнения национального проекта – с 1 января 2019 года до 31 декабря 2024 года.

Информационная грамотность одна из первых ступеней к повышению уровня цифрового правосознания. Полученные технические знания должны коррелироваться со существующим законодательством и быть применимы на практике. Необходимо дать людям базовые знания о нормативном правовом регулировании виртуального пространства и установить фундаментальные принципы работы в нем.

¹ Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 14.03.2021)

Одним из основных законов в сфере цифровизации является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ¹.

Данный нормативный правовой акт закрепляет необходимые для правового регулирования дефиниции (информация, распространитель информации, информационные системы, интернет-страница) основополагающие принципы работы в цифровой среде, ответственность провайдеров, создателей контента, а также возможность ограничения доступа к ресурсам-нарушителям.

Право на информацию является одним из основополагающих, заложено в Конституции РФ. Как указано в первом параграфе, оно стало одним из первых в процессе цифровизации права в России. В Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. впервые были введена правовая регламентация отношений, возникающих в сети Интернет и установлена ответственность владельцев сайтов, администраторов и распространителей контента.

Как неоднократно указывалось, Федеральный закон «О персональных данных»² от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ направлен, прежде всего, на защиту одного из главных ресурсов в информационном обществе персональных данных. Все крупные цифровые платформы так или иначе собирают информацию о пользователях для составления «портрета» своей аудитории и формировании контента для её удержания. Многие цифровые платформы собирают данные пользователей и в дальнейшем продают их различным компаниям, которые уже самостоятельно решают, как использовать их. Сегодня рынок персональных данных — один из крупнейших в сети Интернет (в настоящий момент крупнейший рынок располагается в США и в 2019 году примерно составлял 15,2 млрд. долларов³).

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ // Российская газета. N 165. 29.07.2006 (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2021)

² О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ // Российская газета. N 165. 29.07.2006 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021)

³ Интернет и соцсети в начале 2021 года — главные цифры // vc.ru : [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/marketing/221601-internet-i-socseti-v-nachale-2021-goda-glavnye-tsifry> (дата обращения: 10.05.2021).

В юридической доктрине уже ведутся дискуссии о формировании нового «цифрового» поколения прав человека, одним из которых выступает право на защиту персональных данных. Это связано с увеличивающимся количеством утечек данных пользователей и их дальнейшей активной продажей в «теневого интернете».

Информационное общество невозможно без осознания ценности персональных данных. Это один из основополагающих элементов, необходимых для формирования цифрового правосознания граждан.

Помимо прочего, самым заметным объектом цифровизации права стала криптовалюта. Новый цифровой финансовый актив вынудил государства всего мира начать активную законотворческую деятельность, с целью контроля данного явления. Однако, по причине децентрализации электронной платежной системы, существующие попытки запретить криптовалюту оказываются малоэффективными.

Как уже было сказано ранее, Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей» ввел в законодательство новый объект гражданских прав — «цифровые права»¹. Они стали первым шагом на пути к формированию законодательного регулирования токенов. В дальнейшем были закреплены их разновидности (в том числе криптовалюта), а также способы их приобретения и реализации в рамках электронных инвестиционных площадок

Необходимо отдельно упомянуть развитие так называемой пользовательской культуры. В рамках данного исследования был проведен социологический опрос среди людей от 18 до 24 лет. Эта возрастная группа считается наиболее адаптированной к цифровой среде и имеющей представление о своих минимальных цифровых правах и обязанностях. Опрошенная фокус-группа составила 100 человек, получающих или получивших высшее образование. Участвовали студенты, обучающиеся по юридическим (69%), экономическим (8%) и техническим (23%) направлениям. Гипотеза исследования заключалась в том, что многие люди не читают пользовательские соглашения и не представляют его значимость, как акта, регламентирующего общественные

¹ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ // Российская газета. N 60. 20.03.2019,

отношения, а также необходимостью его законодательного регулирования. 92 процента опрошенных не читают пользовательские соглашения. По мнению респондентов, данный акт необходим для возможности легализации сбора персональных данных и для возможной правовой защиты администрации платформы (путем установления применимого в случае спора, права), а также в целях регламентирования отношений в рамках интернет ресурса. Были заданы вопросы, связанные с необходимостью законодательного регулирования пользовательских соглашений (77% высказались за, затруднились ответить 23%). В результате гипотеза исследования была подтверждена, а также аудитории было предложено ответить, что заставит их ознакомиться с содержанием пользовательского соглашения: 42% хотели бы больше узнать о том, как они применяются и для чего, 33% - если это нарушают их права и свободы; 25 % - при более наглядном изображении информации в данных актах.

Одним из примеров регламентации пользовательских соглашений выступает Кодекс этики онлайн – сервисов. Данный акт был принят в Великобритании и направлен на регламентацию оборота персональных данных детей. Это один из первых законодательных актов направленных на регламентацию пользовательских соглашений. Кодекс устанавливает обязанность цифровых платформ изменить пользовательское соглашение, адаптировав его для детской аудитории (после проверки возраста) и закрепляет штрафы для компаний, которые этого не сделают.

Таким образом, Цифровая правовая культура - это совокупность материальных и духовных цифровых правовых ценностей, характеризующих уровень развития информационного общества и находящее свое отражение в цифровом правосознании отдельных его членов. Она складывается из законодательной регламентации цифровых технологий, уровня цифровой грамотности населения и пользовательской культуры общества. Цифровое правосознание как форма отражения цифровой правовой культуры должно воспитываться с раннего возраста, при этом стоит уделять внимание основополагающим идеям регулирования сети Интернет и недопустимости посягательств на чужие права и свободы.

Информационное общество и цифровизация права два взаимосвязанных явления – одно невозможно без другого. Для дальнейшего

технического развития, необходимо способствовать трансформации общества, и созданию нового законодательства, которое будет применимо в условиях цифровой среды.

Тема 6. Формирование онлайн-компетенций как способ развития цифрового правосознания

Пандемия Covid-19 внесла свои коррективы в пространство российской системы образования. Итоги весны 2020 г. показали, что для системы образования является приоритетной задача дальнейшей цифровизации образования и перехода к комбинированной модели обучения, предполагающей сочетание очного и дистанционного формата обучения студентов. Дистанционное обучение является инновационной формой организации учебного процесса и предполагает использование различных цифровых образовательных технологий.

Одной из самых широко используемых цифровых технологий электронного обучения являются онлайн-курсы. В правовой доктрине ученые предлагают различные определения онлайн-курсов. Так, в понимании Н.В. Гречушкиной онлайн-курс - это «организованный целенаправленный образовательный процесс, построенный на основе педагогических принципов, реализуемый на основе технических средств современных информационных технологий и представляющий собой логически и структурно завершённую учебную единицу, методически обеспеченную уникальной совокупностью систематизированных электронных средств обучения и контроля»¹.

На наш взгляд, данное определение не в полной мере отражает специфику онлайн-курсов, поскольку в нем отсутствует такой важный признак, как взаимозависимость структуры и содержания отдельных элементов курса от особенностей направления подготовки обучающихся. В связи с этим предлагаем следующее определение онлайн-курса - это учебно-методический комплекс, созданный для целенаправленного образовательного процесса с применением информационных технологий и содержащий средства для обучения и для контроля обучающихся, структура и содержание элементов которого зависит от специфики соответствующего направления подготовки.

¹ Гречушкина, Н.В. Онлайн-курс: определение и классификация / Н.В. Гречушкина // Высшее образование в России. – 2018. - №6. – С. 125-134.

Классические онлайн-курсы представляет собой курсы, традиционно имеющие строгую структуру и включающие все компоненты учебного процесса: «лекции, практические задания, тесты к лекциям, портал для общения с преподавателями и студентами»¹. Онлайн курсы такого типа представлены в большинстве российских вузов. Самой распространенной образовательной площадкой для онлайн обучения является платформа Moodle. Moodle была создана в Технологическом Австралийском университете Мартином Дугиамасом в 2002 г. и успешно применяется в образовательном процессе более 200 стран мира. Россия не является исключением. Популярность ее использования объясняется простым и удобным интерфейсом, а также разнообразным обучающим контентом с использованием широкого спектра поддерживаемых форматов (текстовый формат, изображения, видеолекции, аудиозаписи и др.). Таким образом, Moodle ориентирована не только на организацию комфортного удаленного взаимодействия между преподавателем и студентами, организацию традиционных дистанционных курсов, но и для поддержки очного обучения.

Специфика онлайн-курсов для студентов, обучающихся на юридических специальностях, определяется новыми Федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция² и магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция³, относящиеся к поколению ФГОС ВО 3++. Данными стандартами были внесены существенные изменения в содержание компетенций, которые в настоящее время должны быть ориентированы на формирование знаний, умений и навыков, обучающихся в условиях цифровой трансформации. В частности, новые стандарты закрепляют в рамках общепрофессиональных компетенций способность получать юридически

¹ Голубева, А.Н. Массовые открытые онлайн-курсы: понятие, классификация и опыт применения в системе высшего образования / А.Н. Голубева // Вопросы педагогики. – 2017. - №7. – С. 25-29.

² Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» [Электронный ресурс]: Утв. приказом Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

³ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» [Электронный ресурс]: Утв. приказом Минобрнауки России от 25.11.2020 № 1451. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

значимую информацию и решать задачи профессиональной деятельности с применением информационных технологий. Помимо образовательных стандартов развитие цифровых компетенций предусматривает и федеральный проект «Кадры цифровой экономики»¹. В частности, перечень ключевых цифровых компетенций был утвержден Приказом Минэкономразвития России в январе 2020 г., к числу которых относятся: «коммуникация и кооперация в цифровой среде; саморазвитие в условиях неопределенности; креативное мышление; управление информацией и данными; критическое мышление в цифровой среде»².

Данные компетенции, на наш взгляд, являются ключевыми для формирования профессиональных навыков специалиста в юридической деятельности в цифровую эпоху.

Исходя из компетентностного подхода образовательных стандартов поколения 3++ и федерального проекта «Кадры цифровой экономики» можно разработать конкретные рекомендации к структуре и содержанию отдельных элементов онлайн-курсов для обучения по юридическим специальностям.

В первую очередь, при создании онлайн-курсов по юридическим дисциплинам должно уделяться повышенное внимание их практической составляющей. Задания курсов должны включать в себя правовые задачи по разрешению различных юридических вопросов, с которыми выпускники могут столкнуться в процессе профессиональной деятельности. Поколение образовательных стандартов 3++ диктует новые требования и к профессорско-преподавательскому составу. Так, с 2021 года 5% педагогических работников должны являться руководителями или работниками иных организаций, осуществляющими трудовую деятельность в профессиональной сфере, соответствующей профессиональной деятельности, к которой готовятся выпускники программы бакалавриата или магистратуры (речь идет о наличии стажа работы в дан-

¹ "Паспорт национального проекта "Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации" (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 N 7) //

² Приложение N 1 к Методике расчета показателя "Количество выпускников системы профессионального образования с ключевыми компетенциями цифровой экономики, Тысяча человек", утвержденной приказом Минэкономразвития России от 24.01.2020 N 41 "Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта "Кадры для цифровой экономики" национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации" [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

ной профессиональной сфере не менее трех лет). При этом, как правило, в российских государственных учреждениях высшего образования сотрудников, совмещающих преподавательскую деятельность с практической, гораздо больше 5%. Учитывая их богатый опыт профессиональной деятельности, онлайн-курсы по преподаваемым дисциплинам должны включать в себя юридические казусы, наиболее часто встречающиеся на практике, желательно, с альтернативными вариантами их решения. При этом система оценивания онлайн-курсов не должна ограничиваться лишь проставлением оценок, но и предоставлять возможность преподавателям комментировать полученный ответ студента, тем самым обеспечивая между ними онлайн-диалог. При смешанном подходе к обучению преимуществом будет являться групповое обсуждение решенных задач в аудиториях либо посредством видеоконференцсвязи. Внедрение данного элемента в онлайн-курс будет способствовать формированию общепрофессиональных компетенций у студентов-юристов, направленных на умение анализировать нестандартные ситуации правоприменительной практики, предлагать оптимальные варианты их решения и аргументировать свою правовую позицию по делу, что в особенности пригодится выпускникам при участии в состязательных процессах.

Следующим обязательным элементом онлайн-курса должны служить задания, предполагающие составление проекта письменной консультации по наиболее распространенным правовым вопросам. Навыки, полученные в процессе выполнения таких заданий, пригодятся студентам не только при прохождении различных видов практики в период обучения, но и участия в работе юридических клиник. В настоящее время юридические клиники созданы и успешно функционируют в структуре большинства юридических факультетов и институтов. Под руководством опытных преподавателей и практикующих юристов, студенты оказывают на бесплатной основе консультативную юридическую помощь населению по вопросам различных отраслей права, повышая тем самым не только свои правовые знания, но и коммуникативные навыки делового общения. Следует отметить, что в ра-

нее действующих образовательных стандартах закреплялись профессиональные компетенции (ПК-16¹ – бакалавриат и ПК-8 – магистратура²), направленные на формирование способностей давать квалифицированные юридические заключения и консультации в конкретных видах юридической деятельности. Новые стандарты перечень формирования профессиональных компетенций оставляют на самостоятельное усмотрение вузов, однако, при этом отмечается, что в рамках освоения программы бакалавриата или магистратуры выпускники готовятся к решению задач профессиональной деятельности экспертно-консультационного типа. Поэтому, с большой вероятностью при формировании собственного перечня профессиональных компетенций образовательные учреждения включают в свои образовательные программы рассмотренные компетенции в качестве обязательных.

Следующим взаимосвязанным и необходимым элементом онлайн-курсов является составление и оформление юридически значимых документов: исковых заявлений, ходатайств, различных актов, претензий, официальных обращений в органы власти и к должностным лицам, правовых договоров, доверенностей и других документов применительно к конкретной ситуации. Особенно такие задания актуальны в рамках освоения обучающимися процессуальных дисциплин. Именно знание основ юридической техники при составлении документов позволит сформировать навыки юридического письма будущих профессионалов. В настоящее время все большую популярность набирают онлайн—сервисы по составлению документов. Так, например, Wonder.Legal представляет собой онлайн-платформу для составления документов с помощью технологии искусственного интеллекта. Компания FreshDoc позиционирует себя, как конструктор готовых документов на все случаи жизни. Технологическая компания Симплоер предлагает готовые шаблоны документов, ранее сделанные для других

¹ "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)" [Электронный ресурс]: Утв. приказом Минобрнауки России от 01.12.2016 N 1511 (ред. от 11.01.2018). - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

² "Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»)" [Электронный ресурс]: Утв. приказом Минобрнауки РФ от 14.12.2010 N 1763 (ред. от 31.05.2011) - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

клиентов и др. Однако следует отметить, что данные интернет-платформы не учитывают специфики конкретной ситуации, прав, индивидуальных особенностей и интересов клиента. Кроме этого, в шаблонах не применяются профессиональные формулировки для исключения разночтений, а также не формируется необходимый пакет приложений. В свою очередь умение грамотно составить и оформить правовую документацию будущими студентами-юристами минимизируют риски правовых ошибок и дополнительных затрат на их устранение, а также эффективно скажется на разрешении конкретной проблемы клиента в соответствии с действующими законодательными нормами и требованиями.

Таким образом, традиционные и новые элементы в виде выполнения различных практических заданий в совокупности позволят оценить сформированность соответствующих компетенций студентов-юристов. При этом особое внимание при разработке и наполнении онлайн-курсов новыми элементами преподавателям необходимо уделить структурированности библиотечных и интернет-ресурсов по изучаемой студентами дисциплине; судебной практике, на основе которой будет разработан ряд задач; доктринальным подходам по дискуссионным вопросам; наглядному иллюстрированию материала в виде различных схем, таблиц, графиков. В перспективе видится наполнить электронные онлайн-курсы фрагментами видео-лекций преподавателей и вебинаров с участием практикующих юристов¹.

Подготовленные на высоком уровне электронные курсы, предполагающие использование различных форм подачи материала, будут способствовать не только более плодотворной и результативной работы преподавателей со студентами, но и повысит качество получения юридического образования:

во-первых, внедрение в электронные курсы различных обучающих средств обеспечит доступность получения необходимых для юридической профессиональной деятельности компетенций, направленных на освоение новых цифровых технологий;

во-вторых, включение в онлайн-курс различных методик будет способствовать развитию творческого потенциала преподавателей и повышения уровня их квалификации;

¹ Ершова И.В., Енькова Е.Е. "Цифровые" компетенции юристов: понятие, практика, проблемы формирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 225 - 236.

в-третьих, применение электронных курсов в обучении позволит обучающимся самостоятельно выстроить для себя образовательную траекторию на основе принципов образования в течении всей жизни.

Сдерживающим фактором при этом являются традиционные представления о формах аттестации - экзамене или зачете. По мнению большинства представителей научного и юридического сообщества, экзамен или зачет должен проводиться в форме прямого контакта со студентом, иное не гарантирует должной степени проверки уровня знаний¹. Однако на наш взгляд, на смену традиционному опыту принятия экзамена или зачета в форме ответов на вопросы в билетах, может прийти выполнение задания в виде решения нестандартной юридической ситуации в онлайн-курсе, направленного на развитие критического мышления и юридического правосознания студентов, поскольку именно на формирование указанных универсальных компетенций работодатели обращают внимание в первую очередь при приеме на работу.

Таким образом, в настоящее время мы наглядно наблюдаем как происходит изменение системы оценки профессионализма работников - переход от определения квалификации (совокупности требований к системе владения конкретными навыками, зафиксированными в требованиях к профессии) к компетенции (диапазону знаний, способности к адаптации, обладанию деловыми и личными качествами, необходимыми для достижения целей организации)². Поэтому грамотность будущего юриста зависит не только от получения качественного высшего образования, но и освоения компетенций, предусмотренных федеральными образовательными стандартами.

¹ Шевелева Н.А., Лаврикова М.Ю., Васильев И.А. Юридические онлайн-курсы: ожидания и возможности // Закон. 2018. N 5. С. 176 – 186.

² Корпоративное обучение для цифрового мира / под ред. В.С. Катъкало, Д.Л. Волкова. 2-е изд. М.: Корпоративный университет Сбербанка, 2018. С. 79.

Тема 7. Влияние цифровых технологий на развитие юридической техники

20 февраля 2019 г. в послании к Федеральному собранию Российской Федерации Президент РФ¹ указал на необходимость формирования законодательной базы «для создания правовой среды новой, цифровой экономики, которые позволят заключать гражданские сделки и привлекать финансирование с использованием цифровых технологий, развивать электронную торговлю и сервисы. Всё наше законодательство нужно настроить на новую технологическую реальность». Первым таким актом стал Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»², который ввел в новый объект гражданских прав³, дал возможность применения смарт-контрактов и подготовил основу для дальнейшей трансформации. Вскоре были приняты законы «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ и «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵, которые урегулировали вопросы применения криптовалюты, возможности её реализации, а также закрепили статус инвестиционных блокчейн систем.

Активная законотворческая деятельность вызвала дискуссию среди юристов, так как избранная государственная политика заключа-

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. // Российская газета. 2018.

² О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ // Российская газета. N 60. 20.03.2019,

³ "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 08.12.1994. г. № 238-239. с изм. и допол. в ред. от 08.12.2020

⁴ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ// Российская газета. N 172. 07.08.2019.

⁵ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Российская газета. 06.08.2020 г. Ст. 173.

лась в контроле и ограничении сфер применения «цифровых финансовых активов». При этом возникали вопросы и к юридической технике издаваемых законов.¹ Первоначально сформулированное понятие «цифровых прав» отличалось расплывчатой формулировкой, не конкретизирующей новизну объекта гражданских прав. При этом до принятия Закона о «краудфандинге» цифровые права были «мертвой» нормой, не применимой в современных условиях. Однако все эти законы заложили основу для правоприменительной и доктринальной проработки вопроса «цифровизации права».

Возникали работы, посвященные возникновению новых прав человека², созданию электронного образования (ed-tech)³ и цифрового государства⁴, развитию «цифрового права» и «цифровых правоотношений»⁵. При этом исследований, изучающих влияние на развитие юридической техники было минимально. В рамках данного исследования хотели бы проанализировать данный вопрос, поскольку считаем его одним из наиболее значимых в процессе «цифровизации права».

Среди ученых-юристов отсутствует единство в определении понятия «юридическая техника»⁶: « это совокупность средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов для обеспечения их совершенства» С.С. Алексеев⁷, «научно разработанную методику со-

¹ Головкин Р. Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. - 2019. - № 2(51). - С. 164.

² Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – №2 (254). С. 10.

³ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 96.

⁴ Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2019. – №11. – С. 27.

⁵ Любашиц В.Я., Осинский А.С. Цифровое право и информационные технологии в эпоху глобализации: проблемы теории // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – №7. С. 21.

⁶ Головкин Р.Б. Теория государства и права // Федер. Служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2015. – С. 330

⁷ Там же. С. 331.

здания, познания и эффективного применения права в целях урегулирования поведения людей» Л.Д. Воеводин¹, «совокупность правил, приемов, способов, терминов и понятий, применяемых в процессе нормотворчества, которым должен соответствовать текст правового акта» Л. В. Тихомирова и М. Ю. Тихомиров². Мы считаем наиболее функциональным определение, сформулированное Головкиным Р.Б.: это совокупность правил, приемов принципов, средств и способов необходимых для создания эффективных правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных актов.³ Юридическая техника одна из тех областей науки права, которые более всего коррелирует с «цифровизацией». Цифровые технологии позволяют ускорить процесс обработки, хранения и передачи информации. Таким образом, они могут быть использованы для ускорения многих правовых процессов: проверка закона на соответствие внешним правилам юридической техники, мониторинг правоприменения, автоматизация создания простых правоприменительных актов, воплощение юридических конструкций в цифровом формате и т.д.

Стоит вспомнить и про LegalTech, то есть про применение цифровых технологий во всех правовых процессах. Уже существующие разработки показывают возможность восприятия искусственным интеллектом⁴ особенностей российской правовой системы. Существующие LegalTech (система «Сутяжник», конструкторы договоров СПС «КонсультантПлюс») показывают способность к восприятию правовой материи. Проведенный поединок между юристом-практиком и ИИ показывает, что последний способен самостоятельно толковать правовые нормы с целью их дальнейшего применения (однако для постоянного подобного результата требуются дальнейшие разработки)⁵. Стремительное развитие технологий вынуждает изменяться и самих юристов.

¹ Там же. С. 332.

² Там же. С. 332.

³ Там же. С. 332.

⁴ Под термином «искусственный интеллект» мы понимаем взаимосвязь нескольких саморазвивающихся нейросетей, способных на самостоятельное волеизъявление в пределах, установленных разработчиками. Данное понятие отвечает задачам исследования.

⁵ Бевзенко Р. Как я победил судебного робота-юриста. И почему это будет длиться недолго [Электронный ресурс]// Закон.ру URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/21/kak_ya_pobedil_sudebnogo_robota-yurista_i_pochemu_eto_budet_dlitsya_nedolgo#comment_464408. (дата обращения: 15.04.2021)

Начать анализ стоит с исследования цифровизации юридической техники правотворчества.

Любой закон, до стадии рассмотрения законодательного органа должен пройти первичную проверку, затем, после первого чтения его направляю в профильные комитеты для проверки и предоставления заключений и поправок. Если закон проходит и второе чтение, в третьем готовится окончательная редакция и он либо принимается, либо отклоняется. В дальнейшем его рассматривает Совет Федерации и подписывает Президент РФ. Как можно заметить, процесс принятия законов сопровождается большое количество технических действий: среди профильных комитетов всегда есть антикоррупционный, финансовый и правовой, которые следят за тем, чтобы принимаемый проект не был продвинут лоббистами, был исполним с экономической точки зрения и не противоречил как существующим законам, так и в общем правовым ценностям. После принятия, происходит процесс опубликования и мониторинга правоприменения, чтобы выяснить не является ли закон «мертвым», то есть малоиспользуемым на практике.

В настоящее время, процесс опубликования в наибольшей степени подвергся процессу «цифровизации»: широко применяется практика размещения законов на сайтах федерального законодательного органа и законодательных органов субъектов. Также, активно это применяется при издании подзаконных актов. «отсутствовали исследования, рассматривающие влияние цифровизации на юридическую технику.

Для подготовки качественного закона необходимо, прежде всего, следовать принципам юридической техники:

-определенность правового регулирования, требующая четкости всех правовых положений и предотвращения как чрезмерно общих, так и слишком детализированных предписаний;

–связность нормативного правового акта общим содержанием;

– логическая последовательность изложения;

– отсутствие противоречий внутри нормативного правового акта;

– краткость и компактность изложения нормативного материала;

– точность и определенность формулировок и терминов, используемых в нормативном правовом акте;

– наличие понятного разграничение четкое разграничение внутри нормативного правового акта различных положений и норм;

– единообразие и последовательность использования технических приемов правотворчества

Большая часть принципов так или иначе опираются на правила современного русского языка и могут быть переведены в цифровой вид для того, чтобы искусственный интеллект смог проверить создаваемые законы на соответствие им. В данном случае принципы будут изменены в необходимые требования к каждому документу. Лапидарность норм несколько труднореализуемое требование для ИИ, по причине размытости требований: один акт может требовать тщательного указания всех случаев его применения, другой может иметь простые и краткие нормы. Точность и определенность формулировок и терминов выступает основным проблемным звеном цифровизации принципов юридической техники. Причина заключается в невозможности создать точные и понятные дефиниции: часто возникают такие случаи, когда судебная практика конкретизирует как тот или иной термин раскрывается в однородных ситуациях. Как уже было ранее указано, дефиниция «добросовестность» является ярким примером нормы, которую невозможно сформулировать однозначно и понятно. Она трансформируется в зависимости от ситуации и связана с особенностями человеческого поведения.

На основе заложенных принципов юридической техники возможно введение правил, которые позволят создать совершенный текст закона. Искусственный интеллект, опираясь на принципы (которые будут выступать своеобразным ограничителем), сможет анализировать проекты по существующим правилам (синтаксические, стилистические, общелингвистическим, терминологическим, логическим). Подразумевается, что ИИ будет постоянно анализировать все существующие законы и самостоятельно совершенствовать критерии анализа соблюдения правил.

Автоматизация создания и проверки законов, позволит гарантировать их высокое качество, однако стоит понимать, что не все нормативные правовые акты могут быть проверены искусственным интеллектом. Как допустим, норма «о добросовестности», поэтому в таком случае подразумевается, что данную функцию будет выполнять экспертный юрико-технический отдел.

Все описанное способно быть воплощено в жизнь в случае развития высокого уровня машиночитаемого права. То есть создания правовых актов, воспринимаемых программами как алгоритмы поведения.

Подобная трансформация является мировым трендом. В Новой Зеландии проходит тестирования экспериментального отображения законодательных актов в режиме XML (расширяемый язык разметки). Во Франции 07.10.2016 был принят Закон «О цифровой Республике»¹. Однако, как утверждает Понкин И.В. в юридической доктрине отсутствует понимание способов создания и отображение машиночитаемого права.

В пункте 4.1. разделе 6 «Дополнительная информация» Паспорта национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика РФ»» предусмотрено формирование механизмов создания и применения машиночитаемых норм². В настоящее время для исполнения данного пункта была сформирована Концепция машиночитаемого права, который заключается в анализе способов применения искусственного интеллекта созданию формального языка права и развитие логических языковых моделей.³

Рассмотрим влияние цифровизации на юридическую технику правоприменительных актов – это обязательные к исполнению акты, принимаемые в строго установленных нормами формах и в определенной последовательности управомоченными на то государственными органами и должностными лицами, в результате которых императивно регулируются общественные отношения. Одним из ярких примеров цифровизации правоприменения является установка камер фиксации нарушения Правил дорожного движения (далее – ПДД). В случае нарушения камера производит съемку и нарушителю направляется протокол, подписанный сотрудником, для привлечения к административной ответственности.

Цифровизация юридической техники правоприменительных актов позволит обеспечить соблюдение установленных процедур. В рам-

¹ Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в РегТехе, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. –2020. – №9. С. 63.

² Там же. С. 68

³ Law&Code: о проблемах автоматизации права [Электронный ресурс]. URL: <https://sk.ru/news/law-code-o-problemah-avtomatizacii-prava/> (дата обращения: 08.03.2021)

ках данной властной деятельности государственных органов и должностных лиц преобладает строгое соблюдение установленным правилам. Интеграция правил и приемов юридической техники позволит снизить «человеческий фактор» и обеспечить максимально эффективную деятельность по регулированию общественных отношений. При этом, как нам представляется, не все правоприменительные акты возможно создавать с использованием ИИ. Так, судебные решения не могут быть написаны таким способом, пока существует судья – человек, который решает дело на основе существующего законодательства, а также жизненного опыта и сложившегося мировоззрения. В таких случаях ИИ не сможет применить или проверить правоприменительный акт по формальным критериям, потому что часто судам приходится самостоятельно толковать те или иные нормы.

Переходя к правоинтерпретационным актам, хочется отметить невозможность применения к ним искусственного интеллекта обученного юридической техники. Процесс толкования одна из самых сложных сфер юридической практики. Существующие приемы интерпретации законов используются в зависимости от конкретной ситуации, на которую могут повлиять различные обстоятельства. По нашему мнению, пока законы не будут создаваться в виде машиночитаемого права, невозможно говорить о применении цифровой технологии в процессе подготовки и создания правоинтерпретационных актов.

В заключении хочется отметить, что дальнейшее развитие информационных технологий позволит существенно повысить уровень подготовки законов. Принятие Закона «О цифровой экспертизе законопроектов» смог бы закрепить порядок применения ИИ, обученного юридической технике в процессе законотворчества. В начале предлагается допустить программы лишь к анализу текста, а после создания и апробации машиночитаемого права, возможно определить сферы, в рамках которых искусственный интеллект, на основе цифровой юридической техники, смог бы создавать законы самостоятельно.

Тема 8. Юридическая техника цифровизации частного права

Юридическая техника цифровизации частного права включает в себя совокупность принципов, приемов, средств и способов, которые применяются для перевода норм частного права в цифровой формат. Одними из самых часто применяемых средств юридической техники частного права выступают:

- Юридические конструкции - это создаваемая с помощью абстрактного мышления модель общественного отношения (его типовая схема), элементы которой жестко увязаны между собой
- Фикции – это средство юридической техники, заключающееся в признании несуществующего факта существующим и приобретении обязательного характера в силу указания правовой нормы.
- Презумпции - закрепленные в нормах права предположения о наличии или отсутствии юридических фактов.

Начать стоит с изучения такой юридической конструкции, как договор. Она пронизывает все частное право и встречается в каждой отрасли: в гражданском праве закрепляются общие положения и указываются существующие разновидности, трудовой договор является центральным институтом трудового права, брачный договор как свободное волеизъявление супругов. В условиях цифровизации данное средство изменяется, приобретая новые характеристики.

Одной из главных особенностей договора как юридической конструкции является жесткая взаимосвязь его элементов, то есть обязательно соблюдение существенных условий, чтобы он считался заключенным. Цифровизация позволяет создать «цифровую конструкцию» договора, которая будет программироваться специалистами и, в случае указания и соблюдения всех условий сможет самоисполняться. Такая технология называется «смарт-контракты» и она построена на базе технологии блокчейн.

Федеральным законом от 18 марта 2019 г. N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ были внесены изменения в

¹ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ // Российская газета. N 60. 20.03.2019,

Гражданский кодекс РФ (далее ГК РФ), связанные с развитием цифровой экономики. Одна из ключевых новелл вводит в российское законодательство такую технологию как «смарт-контракт». Теперь, часть вторая статьи 309 ГК РФ¹ поясняет каким образом применяется данная технология: стороны могут включить в сделку условие об автоматическом исполнении обязательства с помощью информационных технологий. Хотя новелла и устранила существенный пробел в правовом регулировании, однако не до конца разъяснила правовую природу «умных» контрактов. В рамках данного исследования будут рассмотрены возможные дальнейшие перспективы развития правового регулирования «смарт-контрактов».

Основой большинства цифровых технологий в настоящее время является «блокчейн» или система распределенных реестров. Она создавалась с целью децентрализации многих общественных и экономических процессов, увеличения безопасности передаваемой информации и ускорению её обмена.

Технология «смарт-контракт» строится по следующему принципу: стороны заранее договариваются об условиях сделки, затем третье лицо (оператор системы) создает контракт в блокчейне и стороны подтверждают лишь свое намерение, затем криптовалюта перечисляется в счет предоставленного товара (или услуги) в автоматическом режиме. Исходя из этого можно выделить основные признаки смарт-контрактов: существование в блокчейне в качестве программного кода, автоматическое исполнение, невозможность изменения условий, подтверждение путем передачи криптовалюты или токена.

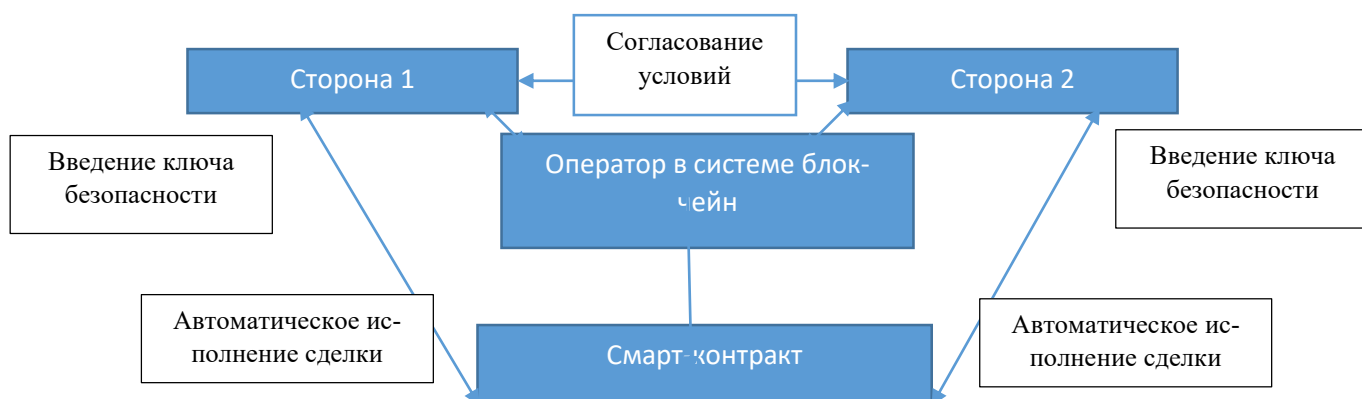

Рис. 2. Схема действия «смарт-контрактов»

¹"Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 08.12.1994. г. № 238-239. с изм. и допол. в ред. от 08.12.2020

Как можно заметить, «умный» контракт не сводится лишь к автоматическому исполнению обязательств. Это более сложное правовое явление, которое сложно охарактеризовать однозначно. Законодатель пошел по пути закрепления лишь обязательственной природы смарт-контрактов и ввел соответствующие изменения, однако это не в полной мере раскрывает потенциал смарт-контрактов.

Преимущества «умных» контрактов очевидны: автоматическое исполнение обязательств, препятствующая нарушению условий сделки одной из сторон; снижение транзакционных издержек путем минимизации промежуточных звеньев, отвечающих за согласование и исполнение договора; повышенный уровень безопасности и внесение безотзывной записи в реестр. Смарт-контракты позволяют сторонам обезопасить себя от любых нарушений и совершить сделку, которая будет исполнена без воли стороны. Тем не менее, на практике возникают вопросы о законодательном регламентировании вопросов, связанных со смарт-контрактами.

Стоит обратиться к концепциям авторов, изучающим данную тему.

А.А. Карцхия¹, Л.А. Новоселова² рассматривали смарт-контракт как соглашение, направленное на установление, изменение и прекращение прав и обязанностей, например, оплатить стоимость оказанной услуги или переданного товара. То есть с их позиции, это не дополнительное условие в уже существующей сделке, а сама форма такой сделки. В.Б. Нагородская³ говорит о договорной природе смарт-контракта, особенностью которого является автоматическое исполнение при наступлении определенных обстоятельств. А.И. Савельев⁴ рассматривает смарт-контракт как договор в форме программного кода в блокчейне, благодаря чему обеспечивается самоисполнимость и авто-

¹ Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 31.

² Новоселова Л. "Токенизация" объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 41.

³ Нагородская В.Б. К вопросу о совместимости свободных (открытых) лицензий и возможностей их использования в технологии Blockchain // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. N 11.

⁴ Савельев А.И. Договорное право 2.0: "умные" контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 34.

номность такого договора. В данном случае, приведенные точки зрения рассматривают договорную природу смарт-контрактов, а также акцентируют внимание на самоисполнимости. Однако дискуссионным остается вопрос автоматического исполнения обязательства, так как стороны договариваются о конкретных обстоятельствах наступления момента исполнения.

В.А. Якунин¹ понимает смарт-контракт как программу, условия которой невозможно изменить. Также, по его мнению, она самостоятельно производит расчеты с контрагентами и информацию об этом вносит в блокчейн. Л.А. Новоселова определяет смарт-контракт как часть программного кода на платформе блокчейн, которая осуществляет транзакции и вносит записи в блокчейн. В данном случае основой смарт-контракта выделяется его программная природа. Его рассматривают не как полноценный договор, выраженный в электронной форме, а как часть системы блокчейн, которая необходима для автоматизации процесса исполнения обязательств.

Можно отметить, что приведенные точки зрения опираются на разную правовую природу смарт-контракта: обязательственную либо договорную. Это зависит от того, на какие именно признаки делается упор: самоисполнимость, автономность, форма выражения или среда существования. Определение правовой природы вопроса играет ключевую роль в процессе законодательного регулирования и определения перспективы развития явления.

Помимо определения смарт – контракта, необходимо обозначить применяемое средство платежа. Как известно, на платформе блокчейн в качестве денежных средств используется криптовалюта. В настоящее время, был принят Федеральный закон «О Цифровых финансовых активах»², который начнет действовать с 1 января 2021 г., которые регламентирует правовой статус цифровых финансовых активов (криптовалюты), а также, в п. 2 ст. 4 закрепляет необходимость закрепления записей об обороте ЦФА в силу самоисполняемой сделки (смарт-конт-

¹ Якунин В.А. Смарт-контракт. Смарт-бухгалтерия? // Факторы успеха. Экономические науки. 2018. N 1.

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Российская газета. 06.08.2020 г. Ст. 173.

тракта). Законодатель не дает полноценного определения данного явления, а также не конкретизирует сферу применения, ограничиваясь «исполнением обязательств». Тем не менее, данный закон существенно ограничивает возможность оборота ЦФА, что соответственно ведет к невозможности массового распространения смарт-контрактов.

В целях дальнейшего развития цифровой экономики в РФ необходимо детально урегулировать правовую природу «умных» контрактов и существенно расширить сферу их применения. Предполагается разработка Федерального закона «О смарт-контрактах и внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ».

Прежде всего, стоит закрепить легальную дефиницию термина. По-нашему мнению, смарт-контракт – это особая форма сделки, существующая в рамках информационной системы (блокчейн), которая отличается самоисполнимостью и невозможностью изменения окончательных условий. То есть договор оформляется в платформе блокчейн с помощью оператора информационной системы, согласно действующему законодательству. Платежным средством выступает цифровой финансовый актив (криптовалюта), либо иной токен, имеющий имущественное выражение. То есть возможно заключение договора, когда одна сторона обязуется передать другой право требования и принять другое имущественное право. Вышеуказанное определение необходимо внести в ГК РФ.

В самом Федеральном законе, необходимо обозначить сферу применения смарт-контрактов, в частности, определить возможность использования данной системы при взаимодействии с потребителями.

Отдельно стоит урегулировать вопрос преддоговорных отношений, так как именно на данном этапе стороны обсуждают условия договора, выбирают оператора информационной системы, поэтому, как утверждает А.А. Волос¹, в этот момент возможно применение принципа добросовестности. Если в ходе исполнения смарт-контракта поведение сторон не имеет значение, то в процессе обсуждения условий должны реализовываться механизмы защиты от недобросовестного поведения другой стороны. Если одна сторона присоединяется уже к готовому смарт-контракту, то возможно применение норм о договорах присоединения.

¹ Волос А.А. Реализация принципа добросовестности применительно к отношениям сторон смарт-контракта // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 27.

Такая юридическая конструкция существенно снизит риск неисполнения обязательств одной из стороны. Юридическая техника в условиях цифровизации становится разновидностью цифровой технологии, направленной на упрощение оборота и повышения уровня безопасности.

Фикции в частном праве широко применяются для признания несуществующих фактов существующими. «Юридическое лицо» относится к данному средству, так как не выступает непосредственно в качестве материального субъекта оборота, между тем имеет органы управления и контроля. Введение подобной фикции было необходимо для контроля за формируемыми компаниями. Подобный прием предлагается использовать при законодательном регулировании искусственного интеллекта.

Стоит, прежде всего, рассмотреть доктринальные концепции по данному вопросу. Так, Габов А.В.¹ предлагает рассматривать ИИ как субъекта права и позволить самостоятельно иметь права и нести обязанности. Подобная позиция опирается на безграничное развитие и самосознание искусственного интеллекта в качестве члена общества. Ястребов О.А. предлагает рассматривать искусственный интеллект аналогично «Юридическому лицу», то есть при помощи фикции мы признаем существующим нематериальный объект. Подобный подход удобен для государства тем, что возможно будет минимально трансформировать процесс регистрации и надзора за ИИ, а также обязать создавать контрольный орган, который будет отчетываться государственному органу.

Также, существует подход, согласно которому ИИ аналогичен обычному оборотоспособному имуществу и не способен быть до конца свободен в своих волеизъявлениях.

На данный момент, преобладающей, является концепция объекта права, то есть оборотоспособного имущества, которое охраняется общими нормами и не способного самостоятельно формировать волю. От существующих доктринальных подходов зависит и вектор развития законодательства.

¹ Габов А.В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 107.

Европейской комиссией в конце апреля был опубликован Регламент о регулировании ИИ в ЕС¹. Данный акт считается прорывным в своей области, так как детально регламентирует правила допуска на рынок систем с искусственным интеллектом; ограничение применения технологии в определенных сферах (автоматическая биометрия при помощи камер); также транспарентность систем с ИИ для того, чтобы гарантировать соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Данный акт распространяется на все иностранные компании, если они используют системы с ИИ в рамках ЕС.

Мы считаем, что применение фикции «электронных лиц» (аналогичных юридическим лицам), позволит упростить процесс законодательного закрепления, надзора за деятельностью, а также предоставит возможность привлечения к ответственности контролирующее лицо (создателя или владельца) систем с ИИ.

Юридическая техника цифровизации частного права во многом проявляется в качестве изменения формы традиционных приемов. Презумпция безопасности или достоверности возможно при работе в системе «блокчейн», например, при использовании смарт-контрактов. Это позволит, в случае технических ошибок точно определять лицо, ответственное за неисполнение договора. Данный презумпции основываются на технических особенностях системы распределенного реестра, надежность которой никем не оспаривается.

В заключении, хочется сказать о необходимости формирования Концепции развития «Юридической техники цифровизации частного права», которая позволит определить требования к законодательному закреплению цифровых технологий в гражданском обороте. Данные технологии напрямую связаны с цифровой экономикой, поэтому их эффективное законодательное закрепление позволит продолжить развивать данный национальный проект.

¹ Роботам устанавливают рамки [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/02/24/es-razrabotal-pravila-vzaimootnoshenij-s-bespilotnymi-avtomobilyami.html> (дата обращения: 04.03.2021).

Тема 9. Юридическая техника цифровизации публичного права

Юридическая техника публичного права отличается особым требованием к формулированию терминов, а также точному и последовательному определению процесса правоприменения. Связано это, прежде всего, с субъектным составом участников публичных правоотношений: с одной стороны, всегда выступает представитель государства, а с другой физическое или юридическое лицо, которые в данном случае выступают слабой стороной. Юридическая техника цифровизации публичного права влияет, прежде всего, на правоприменительную деятельность: автоматизируя её и упрощая. Происходит создание нового «электронного правительства», которое отличается транспарентностью и высоким уровнем динамизма. Создается платформа для дистанционного получения государственных услуг. Все это так или иначе связано с цифровизацией публичного права и требует дополнительного исследования.

Начать стоит с изучения развития судебной правоприменительной деятельности. Трансформации электронного правосудия способствовала коронавирусная инфекция, заставившая все государство мира ввести строгие ограничительные меры вплоть до приостановления работы государственных органов и судов. После снятия ограничений, угроза заболевания коронавирусной инфекцией осталась, поэтому было предложено там, где для этого присутствует техническая возможность, проводить судебные заседания удаленно. Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821в¹ закрепило возможность, по инициативе судей, проведение ВКС (видео-конференц-связи), а следующее Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 29 апреля 2020 г. № 822² уже предоставило такое право сторонам по предварительному ходатайству. 30 октября 2020 года Вячеслав Лебедев подвел итоги и рассказал о том, что суды уже провели более 13 тысяч

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28836/ (дата обращения: 14.03.2021)

² О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 N 821: Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29.04.2020 N 822 [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28875/ (дата обращения: 11.04.2021).

заседаний в формате ВКС, что позволяет говорить о востребованности технологии в современных условиях, так как оно увеличивает доступность правосудия, в случае, если человек находится в другом городе, либо боится заражения коронавирусной инфекцией.

Возникает вопрос о возможности рассмотрения некоторых дел дистанционно, что и начало активно практиковаться в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. Для этого активно применяли «облачные технологии», то есть стороны входили в заранее созданную комнату, где и происходило судебное заседание. Платформа не была лишена проблем, однако она предоставила доступ к правосудию многих граждан.

Помимо расширения возможности применения различных технических средств в судебном процессе, в юридической доктрине указывается на возможность полной автоматизации рассмотрения «простых» дел. Под последними чаще всего понимаются бесспорные дела, по которым выносятся судебные приказы. Данная разновидность судебного решения отличается высокой скоростью принятия, а также упрощенным способом обжалования в случае несогласия. Данные дела рассматриваются в мировых судах и не требует высокой квалификации судьи: обычно это больше технические моменты подготовки и направление сторонам текста судебного приказа. Применение по данным делам искусственного интеллекта существенно разгрузит аппарат суда и позволит избежать возможных проблем, связанных с доведением до сторон судебного приказа, так как он будет их направлять в автоматическом порядке.

Другой важной частью публичного права является финансовое право. Обеспечение экономической безопасности страны и контроль за денежными потоками одна из важных функций государства. Развитие криптовалюты позволило переводить деньги в символьную форму выражения, удостоверяющую право на определенное количество токенов, которые могут быть конвертированы в реальную валюту. Их ключевой особенностью является практически полная невозможность отслеживания транзакций и высокий уровень анонимности: то есть человек может перевести свои активы в криптовалюту, а затем через зарубежные вывести средства уже под юрисдикцией другой страны. Подобный алгоритм стал часто применяться в процессах банкротства физических лиц и умышленного уменьшения налогооблагаемой базы.

При этом до 2019 года отсутствовало хоть какое – то законодательное закрепление криптовалюты и у судов не было возможности применения аналогии права или закона, так как данные общественные отношения являлись уникальными. Однако ситуация изменилась и в результате активной законотворческой деятельности, как уже указывалось ранее, в правовую систему были введены как «криптовалюта», так и «токены». При этом сфера их применения была существенно ограничена зарегистрированными в Центральном банке инвестиционными площадками (краудфандинг), на которых люди могут приобретать разновидности «токенов» с целью получения прибыли. Также, Министерство финансов сообщило о подготовке законопроекта в сфере налогообложения криптовалюты, так как по мнению регулятора, действия, связанные с оборотом платежных токенов должны облагаться налогами аналогично любым другим доходам. При этом данный подход был раскритикован многими юристами-специалистами в сфере IT, которые несогласны с выбранным направлением государственной политики, так как, по их мнению, он приведет лишь к замедлению темпов развития цифровой.

Ответом на данную критику стало опубликование Центральным банком Концепта «Цифрового рубля» - третьей формы выражения государственной валюты. Её особенности заключаются в формировании «двойных кошельков»: один будет создаваться через банк-посредник, второй на вашем смартфоне, чтобы обеспечить офлайн-доступ к кошельку. «Цифровой рубль» выступает в качестве платежного средства аналогичного наличным и безналичным денежным средством. Его основное преимущество — это существенное снижение всех транзакционных издержек и повышенный уровень безопасности. В основе новой формы представления национальной валюты лежит синергия технологий централизованного и распределенного реестров. Центральный банк будет осуществлять эмиссию и конвертацию «цифровых рублей» в форму наличных и безналичных денежных средств. Все банки, работающие с российскими клиентами, будут обязаны сформировать «цифровой кошелек», на котором и будут находиться «цифровые рубли». Также, последние не выступают в качестве средства накопления или инвестиций: они применяются только в качестве средств платежа. Как утверждают эксперты Центрального банка, предложенная концепция является альтернативой безналичной форме представления денежных

средств. При этом некоторые эксперты уверены, что для населения будет удобнее оставить традиционный вариант, чем осуществлять перевод в цифровой кошелек.

Цифровизация финансового права, как отрасли публичного права, показывает трансформацию юридической техники, возникающую по причине необходимости подготовки и принятия юридических актов, содержащих описание применимых технологий. В результате законодательный орган должен сформулировать понятные для всех дефиниции и не допустить преобладания технической терминологии.

Юридическая техника необходима и в процессе антимонопольного регулирования. В настоящее время с 2017 года ведутся активные дискуссии о принятии пятого антимонопольного пакета – поправок в федеральное законодательство, устанавливающие повышенную ответственность цифровых платформ¹, способы расчета монополизация цифрового пространства, а также ответственности интернет-ресурсов за злоупотребление доминирующим положением на рынке. Длительность обсуждения связывают с деятельностью крупных IT-компаний, которые стремятся обеспечить себе наиболее выгодные условия (в 2018 году Яндекс самостоятельно предложил альтернативные поправки)². Самыми сложными задачами для антимонопольного органа выступают формирование критериев оценки доминирующего положения в цифровом пространстве и контроль за ценообразованием.

Юридическая техника в данном случае выступает как необходимый набор приемов и правил, способных установить четкие критерии анализа «цифрового рынка». Особую сложность вызывает контроль за ценами, поэтому для этого планируется ввести «ценовой алгоритм» - программу, занимающуюся анализом, сравнением и установлением цен. Автоматизация данного процесса позволит оперативно реагировать на возникающие нарушения. Без применения юридической техники будет невозможно в качестве поправок закрепить алгоритм деятельности «ценового алгоритма», так как он может превратиться в простое техническое описание функций программы.

¹ Радченко М.Ю. Цифровое право будущего [Электронный ресурс] // Информационное общество и общество знаний. URL: <https://ifap.ru/pi/02/r09.htm> (дата обращения: 11.04.2021)

² Там же.

Таким образом, цифровизация публичного права приводит к активному взаимодействию технологий и социального регулятора. Возникают новые способы правового регулирования, контроля за общественными отношениями. Юридическая техника обязательный атрибут трансформации публичного права, необходимый для создания качественного законодательства, не нарушающего права и свободы человека и гражданина. Важным условием считается соблюдение и точное выполнение процедуры принятия правоприменительных актов. Для этого возможно создание LegalTech с интегрированными приемами и правилами юридической техники, что позволит оптимизировать некоторые шаблонные процессы.

Тема 10. Будущее цифровизации права с учетом её прошлого

1. История цифровизации права слабо изучена в российской юридической доктрине. Связано это с медленным развитием телекоммуникационной инфраструктуры и отсутствием крупного ИТ-сектора, который бы требовал развитие специализированного законодательства. Тем не менее несколько Стратегий развития информационного общества, и Национальная программа «Цифровая экономика» показывают высокий уровень заинтересованности со стороны государства в развитии цифровых технологий и нормативной правовой базы в данной сфере.

В рамках данного исследования предложена авторская периодизация возникновения и развития «цифровизации права» состоящая из 4 этапов: первый (с 1970 – 1991) характеризуется формированием информационных технологий и развитием телекоммуникационной инфраструктуры; второй (с 1991 по 2000) связан с введением понятия «цифровизации» в экономику и таким явлением как «пузырь доткомов»; третий (с 2000 по 2014) основывается на международном закреплении основополагающих принципов развития информационного общества и телекоммуникационной инфраструктуры; четвертый (с 2014 по настоящее время) продолжается по настоящий момент и сопровождается активным развитием цифрового законодательства всех стран

Анализ развития информационных технологий и международных актов показал прямую зависимость уровня развития информационного

общества и цифровых технологий. Прорыв связанный с возникновением сети Интернет привел к возникновению крупного кризиса IT – структур. Отсутствие законодательного закрепления органов надзора за деятельностью стартапов привели к возникновению «пузыря Доткомов», который подорвал доверие инвесторов. Тем не менее многие государства понимали важность дальнейшего развития технологий и провели ряд встреч, с целью закрепления основополагающих принципов информационного общества и определения векторов трансформации национального законодательства.

За время поступательного развития правовых систем расширился и перечень цифровых технологий. Одной из ключевых стал блокчейн – система распределенного реестра, который функционирует с использованием криптографии. Это позволяет гарантировать всем пользователям безопасность и достоверность данных, которые перед записью проходят многократную проверку. Символьной единицей в блокчейне является токен (утилитарные, платежные и другие). Они до сих пор развиваются, трансформируясь в зависимости от заложенных особенностей системы. Nft – новые разновидности токенов, представляющие собой переведённые в цифровой формат произведения искусства. Они стали трендом последних месяцев, получив широкую популярность в среде коллекционеров. При этом их особенность — это обязательное соблюдение авторских прав на предмет искусства. В процессе оцифровки уточняются параметры файла и в случае возникновения спора, блокируется нарушитель.

Также, широкое распространение получила криптовалюта – платежный токен, применяемый в рамках электронной платежной системы, построенной на блокчейне. Однако тот факт, что она поддерживается только за счет внутреннего потребления, делает её очень рискованной инвестицией. При этом она лишена недостатков системы SWIFT (сниженные транзакционные издержки, увеличенная скорость передачи и повышенный уровень безопасности).

Проведенное в рамках данного исследования изучение истории цифровизации права способствовало возникновению комплексной картины нового цифрового мира. В дальнейшем, предполагается углубиться и рассмотреть генезис каждой технологии.

2. Формулирование определения «цифровизации права» невозможно без выявления признаков данного явления.

Первая характерная черта связана с переводом в цифровую форму правовых норм, то есть отображения их в дискретном виде, который способен воспринимать ЭВМ. Вторым признаком исходит из позитивистского понимания права, то есть для оценки уровня развития нормативной правовой базы цифровой экономики, необходимо оценивать существующее законодательство. При этом дискуссионным остается вопрос локального правотворчества интернет-платформ, которые тоже могут установить собственные правила и прописать их в пользовательском соглашении. Тем не менее мы расцениваем это как разновидность правовых норм. Третий признак связан с изменением пространства социального взаимодействия. Речь идет о повсеместном распространении киберпространства и общем увеличении числа пользователей сети Интернет. В результате право вступает в синергию с цифровыми технологиями, с целью совершенствования цифрового правового регулирования, создания новых приемов, способов и средств регламентации общественных отношений.

Таким образом, цифровизация права – это процесс взаимодействия права и цифровых технологий, в результате которого, с одной стороны происходит формирование механизмов цифрового правового регулирования и перевод правовых норм в цифровой формат, а с другой интеграция цифровых технологий в юридическую практику с целью улучшения и автоматизации всех правовых процессов.

3. В юридической доктрине отсутствует единство в определении «цифрового права» и его места в современной правовой системе России. Существующие альтернативные понятия, по нашему мнению, отражают либо определенные области «цифровизации права», либо показывают уровень развития юридической мысли в конкретный момент времени. Так, понятие «Сетевое право», построенное на модели испанского социолога, стало не применимо в условиях цифровой трансформации, где в центре внимания стали способы применения и регламентации новых технологий.

Как указывала М.В. Мажорина, различные дефиниции зависят от понимания термина «сеть», однако оно в любом случае не должно содержать преимущественно технические характеристики, так как право направлено, прежде всего, на урегулирование общественных отношений.

«Право информационных технологий» и «Информационное право» важные стадии развития «Цифровизации права». Они возникли в период активного развития информационного общества и исследовали вопросы законодательной регламентации оборота информации, а также применения новых технологий. Тем не менее данные теории можно признать промежуточным звеном в процессе формирования представления о «цифровизации права».

Большую популярность обрела теория «интернет-права». В российской и зарубежной доктрине большое количество работ, освещающих данную тему. При этом, многие сходятся во мнении, что оно не является отдельной отраслью-законодательства, а скорее межотраслевым институтом, либо отраслью законодательства, либо совокупностью цифровых средств регулирования общественных отношений в сети Интернет.

«Цифровое право» по-нашему, мнению, с одной стороны можно воспринимать как отрасль законодательства (стремительно развивающуюся, за счет постоянного увеличения законов и подзаконных актов), так и как уровень развития юридической доктрины в сфере «цифровизации права». Подобный подход предусматривает возможность дальнейшего прогнозирования возможных изменений и наиболее релевантен как для практики, так и для доктрины.

4. Формирование «Цифрового права» сопровождается и цифровизацией правоотношений. Традиционное понятие, являющееся основой теории права, трансформируется в условиях изменения его структурных элементов и предпосылок возникновения.

Изменяется подход к определению субъектов правоотношений, так как в условиях цифровой сети актуализируется вопрос идентификации пользователя. Трансграничность и подмена человека на «цифровую личность» приводит к вопросу о существующих способах идентификации субъекта в цифровой среде. Введение обязательного паспортного контроля при доступе в Интернет невозможно в условиях развития демократического общества и свободы доступа к информации. Наиболее эффективным считается создание «цифрового паспорта», который будет применяться при посещении пользователем определенных Интернет-ресурсов (маркетплейсы, социальные сети и т.д.). Это минимизирует возможные риск подмены субъекта и предотвратит возможные мошеннические действия.

Формируются и новые объекты правоотношений, которые представляю собой преимущественно нематериальные активы. Порой это приводит к неоднозначной правовой квалификации и ошибочному применению правовых норм: является ли покупка токена на часть предмета искусства инвестиционным договором или купля-продажа; биткоин платежная единица или обязательство о наличии платежного средства. Многие подобные вопросы возможно решить только при детальном разборе технологии и существующих способов правового регулирования.

Содержание правоотношений изменяется в техническом плане: появляется возможность принудительного ограничения действий нарушителей, а также создание интернет-ресурсов с заложенными пределами прав пользователей.

Предпосылки возникновения правоотношений также подвергаются цифровизации. Юридический факт в цифровой среде чаще всего связывают с исполнением пользователем технических действий, которые подтверждают волеизъявление. В данном случае уменьшается возможность вмешательства обстоятельств, непредвиденной силы и поэтому пользователи самостоятельно отвечают за свои действия.

Цифровизация правоотношений неизбежный процесс, возникающий под влиянием цифровой экономики. Именно благодаря ней и бурном росту новых технологий, правовые отношения становятся более алгоритмизированными.

5. Как уже неоднократно повторялось, цифровизация права невозможна без активного развития информационного общества. Цифровая правовая культура отражает уровень сформированных цифровых правовых ценностей общества. Она базируются на развитии телекоммуникационной инфраструктуры (увеличение доступности интернета), а также на уровне общей цифровой грамотности населения.

Важным направлением государственной политики является интеграция в киберпространство людей от 40 лет, так как по статистике именно они в наименьшей степени адаптируются к новым условиям. Также, необходимо проводить активные мероприятия по воспитанию детей основам работы в сети Интернет, обозначению значимости соблюдения прав других пользователей и способах поиска информации с целью минимизации возможных негативных последствий. Цифровая

правовая культура должна формироваться путем распространения основных правовых принципов работы в киберпространстве и обучению особенностям правового регулирования данной сферы.

6. Юридическая техника, как совокупность приемов, способов, правил, средств и принципов, используемых для создания качественных правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных актов, становится важным инструментом перевода логики права в цифровую форму.

Одним из главных следствий цифровизации права является автоматизация правовых процессов с помощью LegalTech. Разработанные приемы и средства юридической техники позволяют обучить искусственный интеллект правовым шаблонам. При этом остается открытым вопрос о способностях толкования права ИИ, так как для этого требуется непосредственный анализ правоприменения и конкретной ситуации с использованием жизненного опыта.

Трансформируется юридическая техника построения определений, так как возникает множество явлений на границе техники и права. Формируются новые законы и подзаконные акты в данной сфере: они наполнены нормами, определяющими техническое содержание цифровых технологий.

Под влиянием цифровых технологий, юридическая техника становится важным инструментом перевода права в цифровую форму. Созданные приемы, способы и средства позволяют стандартизировать процесс правотворчества и правоприменения, интегрировав в данные процессы новые технологии.

7. Юридическая техника цифровизации частного права отличается распространением новых фикций и презумпций, а также созданием цифрового выражения такой правовой конструкции как гражданско-правовой договор. Последний реализуется при помощи технологии смарт-контракт – это автоматически исполняющийся договор, конструируемый операторами блокчейн-системы, условия которого невозможно изменить в порядке одностороннего волеизъявления, а также обладающего повышенным уровнем безопасности. Мы считаем, что смарт-контракт выступает в качестве идеальной правовой конструкции, все элементы которой находятся в сильной взаимосвязи и построены при помощи современных технических средств.

В качестве новой «фикции» предлагается введение такого понятия как «электронное лицо» - это совокупность высокотехнологических саморазвивающихся программ, способных при помощи встроенных алгоритмов выражать собственную волю. Такой подход к регламентации ИИ считается самым эффективным, так как позволит контролировать их количество и область применения. Новая фикция необходима с целью введения в правовое поле одной из самых функциональных цифровых технологий и установления надзора за её использованием с целью недопущения злоупотреблений.

Развитие блокчейн-систем приводит к необходимости утверждения презумпции безопасности и достоверности сведений распределенного реестра. Это утверждение опирается, прежде всего, на техническую особенность технологий. Данная презумпция позволит гарантировать всем участникам оборота правовую защиту, вследствие различных технических и правовых ошибок, а также создаст определенный стандарт опровержения данной презумпции (возможной только в исключительных условиях)

В целом, юридическая техника цифровизации частного права идет по пути расширения применения её приемов и средств, с целью закрепление новых объектов и принципов цифрового гражданского оборота.

8. Юридическая техника цифровизации публичного права особое внимание уделяет созданию программ для автоматизации процесса правоприменения. Так, возможно использование ИИ при составлении некоторых протоколов за нарушение ПДД, а также создание судебных приказов, выносимых по бесспорным делам. Это существенно повысит эффективность правоприменительной деятельности.

Особое внимание уделяется и юридической технике законодательного регулирования криптовалюты. Выступая в качестве частных денежных средств, она встречает противодействие со стороны многих стран мира и в результате сфера её применения существенно ограничивается. При этом данную технологию применили для формирования «цифрового рубля» - третьей формы выражения денежных средства (кроме наличной и безналичной), который обладает пониженными транзакционными издержками, а также высоким уровнем безопасности. Счет для хранения «цифрового рубля» создается с помощью частных банков, а эмиссия происходит в автоматической форме. Многие

эксперты ждут, как будет в законодательства закреплена данная система.

Таким образом, цифровизация права трансформируют процессы создания юридических актов, их применения и толкования. Традиционный механизм правового регулирования изменяется, как и правовые отношения. В подобных условиях мы предлагаем принять упорядочить законодательную и правоприменительную деятельность, создав Концепцию развития цифрового законодательства, исполнение которой будет происходить в три этапа.

Первый связан с принятием Федерального закона «О цифровой стандартизации законов», в котором планируется закрепить правила и приемы юридической техники для применения технологии искусственного интеллекта в процессе принятия законов.

Второй этап сопровождается созданием Кодекса цифровых технологий, которые закрепят основные принципы и сферы их применения. Предполагается, что данный закон будет опираться на диспозитивный метод правового регулирования и даст определенную свободу субъектам правоотношений.

Также, предлагается принять Федеральный закон «О локальных актах цифровых платформ и пользовательских соглашений». Он необходим для утверждения границ саморегулирования в сети Интернет и закрепления требований, предъявляемых к пользовательским соглашениям с российскими гражданами.

Третий этап заключается в создании искусственного интеллекта способного к самостоятельному анализу правовых норм и изданию правотворческих и правоприменительных актов. Для этого предлагается принять Федеральный закон «Об искусственном интеллекте», в котором установить границы применения правового ИИ, а также установить особый технико-правовой порядок обжалования его действий. Предполагается установить 20% порог машиночитаемости законов. Перевод остальных должен осуществляться с учетом развития технологий.

Цифровизация права ускоряет и автоматизирует процесс правового регулирования, создает новые условия для дальнейшего развития экономики и общества, а также ставит новые вопросы перед учеными

– юристами. Мы считаем, что изучение данного явления только началось и будет развиваться параллельно совершенствованию цифровых технологий.

Практикум

Практическое применение теории цифровизации права

Вопросы для обсуждения

1. Дайте определение «цифровизации права» и «право цифровизации»?
2. Сопоставьте исторические этапы развития цифровизации и возникновения ключевых нормативных правовых актов регулирующих эту сферу?
3. Определите основные подходы к законодательному регулированию цифровизации?
4. Исследовав предложенные признаки цифровизации, предложите собственные варианты, отражающие особенности современных технологий?
5. Как трансформируется общество в цифровом мире? Какое пространство является главенствующим?
6. Право, действует в определенной сфере общественных отношений, ограниченных рамками материального мира. Как данное утверждение работает в условиях цифрового пространства?
7. Как информационные законы действуют на право в цифровом мире?
8. Расскажите, как менялся подход от информационного права к цифровому? В чем ключевое отличие?
9. Предложите свой подход к пониманию цифрового права?
10. Цифровизация права работает в условиях создания цифровых законов или цифровой реализации права?
11. Как трансформируются правоотношения в условиях цифровизации?
12. Предложите свою классификацию юридических фактов цифровых правоотношений?
13. В чем особенность субъектного состава цифровых правоотношений?

14. Дайте определение цифровизации объектов правоотношений?
15. В чем заключается цифровизация публичного права?
16. Особенности цифровизации частного права?
17. Как искусственный интеллект размывает понятие «субъект права»?
18. Какие интересы в большей степени затрагивает искусственный интеллект?
19. В чем особенность «блокчейна» и его применимость к правовому регулированию?
20. Дайте понятие «токена»? Какие разновидности существуют и где они применяются?
21. В чем проблема правовой регламентации криптовалют?
22. Соотнесите понятия «деньги», «электронные деньги», «электронные средства платежа», «виртуальная валюта», «криптовалюта»?
23. Как обеспечивается курс криптовалют?
24. Как Центральный банк планирует применять собственные криптовалюты?
25. В чем большие данные нарушают конфиденциальность?

Практические задания

1. В приложении предложен Федеральный закон «О регулировании искусственного интеллекта», однако он создан на основании первичного указа Президента и Постановления Правительства в данной сфере. С учетом модернизации законодательства, составьте протокол уточнений, взяв за основу современные акты, а также предложите поправки в данный закон, которые актуализируют его в нынешних условиях?
2. Существующие подходы к определению искусственного интеллекта не учитывают его технических особенностей. В рамках краткой аналитической справки, подготовьте и разъясните формы применения ИИ в ходе правового регулирования и, какие информационные законы могут быть интегрированы в современное законодательство?
3. Проанализируйте концепт машиночитаемого права и определите основной способ создания норм, сферы возможной алгоритмизации и необходимость адаптации его для людей, с учетом накопленного общественного опыта.

4. Составьте однозначный алгоритм решения следующих правовых ситуаций:

- Как оштрафовать нарушителя ПДД
- Как приобрести автомобиль
- Как оформить пенсию по возрасту
- Как подать исковое заявление в суд общей юрисдикции
- Как привлечь к ответственности за кражу по КоАП

Оцените возможность применения для решения данных задач искусственного интеллекта.

5. Приведите пример, как реализуется механизм интернет-вещей и какие модели правового регулирования существуют? Предложите концепцию регулирования «умного дома».

Раздел 2. ПРАВОВОЙ РИСК И ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ФУНДАМЕНТ КОМПЛАЕНСА

Тема 1. Сущность чрезвычайного правового регулирования

Правовое регулирование в чрезвычайных условиях берет свое начало еще в Римской республике в V – II вв., когда в целях разрешения политических кризисов, при ведении войн, подавления смут и гражданских столкновений использовалась диктатура. Диктатор выбирался на срок 6 месяцев и «получал всю полноту государственной власти. На данный период диктатор был не ограничен в средствах и полномочиях, получал всю полноту государственной власти действие выборных магистратов и обычного законодательства приостанавливалось. На решения диктатора о применении смертной казни нельзя было подать жалобу в народное собрание. Плебейские трибуны не могли налагать вето на акты диктатора»¹. «Ординарные магистратуры вели постоянные и текущие государственные дела и обычно избирались на комициях или *concilia plebis*. Экстраординарные магистратуры совершали дела чрезвычайного характера. Обычно они не избирались, а назначались сенатом или каким-нибудь другим магистратом в чрезвычайных обстоятельствах»².

Игнатенко А.В. писал: «после сложения диктатором полномочий органы власти и законодательство стабильного времени восстанавливались в правах. В последствии диктатура стала основой для императорской власти. Диктаторы Сулла и Цезарь стали первыми правителями, претендовавшими на превращение диктаторства в постоянный политический институт Древнего Рима»³.

Позднее, в Англии для преодоления чрезвычайных обстоятельств стал использоваться институт приостановки Habeas corpus act, действовавший вплоть до начала XX века, и обеспечивавший личную непри-

¹ Скрипелев Е.А. Основы римского права. М.: Ось-89, 2005. С. 45-46.

² Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право. М.: Изд-во Зерцало, 2000. С. 18.

³ См: Игнатенко А.В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1988.

косновенность и свободу подданных путем судебного контроля за процедурой задержания и ареста¹. В 1920 году в Великобритании появляется первый закон о чрезвычайном положении. С 1964 года введение чрезвычайного положения в Великобритании становится прерогативой правительства. Таким образом, в англо-саксонской модели правового регулирования «исполнительная власть в чрезвычайных обстоятельствах получала право самостоятельно осуществлять необходимое нормативное регулирование и принимать меры для разрешения экстремальной ситуации без специального на того разрешения парламента»².

В континентальной Европе формировалось законодательство об осадном положении вследствие войны или восстания в какой-либо территории. Главным отличием континентальной модели правового регулирования явилось то, что парламент в условиях кризиса наделял полномочиями правительство, тем самым ограничивая компетенцию исполнительной власти.

Чрезвычайные режимы управления известны и отечественной истории с самых ранних её периодов. В середине XVI в. Иваном Грозным была учреждена опричнина – прямое правление царя с его исключительными полномочиями на суд и расправу на отдельных территориях, заподозренных в государственной измене. В областях, где вводилась опричнина, вся власть переходила в руки царя и его опричного войска³. При этом на остальных территориях сохранялся обычный порядок управления и действовало местное самоуправление. Благодаря введению опричнины Ивану Грозному удалось подавить сепаратистские стремления удельных князей и обеспечить единство Московской Руси⁴.

¹ См: Кострицына Н.А. Ограничение гарантий неприкосновенности личности в английском праве. – М.: Госюриздат, 1957.; Дерюжинский В.Ф. Habeas Corpus Act и его приостановка по английскому праву. – Юрьев, 1895.

² Домрин А.Н. Конституционный институт чрезвычайного положения в зарубежных странах: на примере Великобритании и Индии. Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1992. С. 18-19.

³ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М.: Изд-во «Наука», 1983. С. 110.; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб.: Наука, 1992.

⁴ Васильев А.А. Государственное учение Ивана Грозного. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 45.

До начала XVII в. законодательство, регулирующее отношения в чрезвычайных условиях, фактически отсутствовало, разрешение кризисных ситуаций осуществлялось на основе полномочий самодержца.

Монархи применяли свою чрезвычайную власть исходя из концепции русского самодержавия – неограниченного и верховного правления на основе божьей милости и народной совести. Как отмечает А.А. Васильев, «юридически безграничность и верховенство самодержавной власти царя являются условиями для эффективного разрешения кризисных ситуаций в тех случаях, которые не охватываются существующими правовыми нормами. Для обеспечения порядка, безопасности и решения других чрезвычайных ситуаций царская власть обладает экстраординарными полномочиями, вытекающими из нравственных обязанностей самодержца. Наличие юридических границ сковало бы государство и лишило его возможности оперативно устранить кризисные ситуации. В условиях социальной напряженности самодержавие оказывается наиболее целесообразной формой решения социальных конфликтов, ранее не предвиденных и не ожидаемых обществом»¹.

Говоря о самодержавной власти Н.А. Захаров пишет: «С одной стороны, ее можно понимать, как основное свойство нашей Верховной объединенной государственной власти, а с другой, как власть непосредственного волеизъявления, установленную в общих чертах в основных законах и неограниченную в этой сфере применения, или вовсе не упоминаемую, но могущую себя проявить в экстраординарную минуту жизни государства».²

На «основе народного доверия и неписаного обычая цари имели право на употребление чрезвычайной власти, не имея на то правовой основы вплоть до издания Основных государственных законов в 1832 г., когда стала складываться так называемая «правомерная монархия», основанная на законе»³.

В XIX в. в Российской империи начинает формироваться чрезвычайное законодательство. После убийства Александра II и появления

¹ Васильев А.А. Консервативная правовая доктрина: общетеоретические аспекты. М.: «Юрлитинформ», 2012. С. 180.

² Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М.: Москва, 2002. С. 305.

³ См: Серегин А.В., Васильев А.А. Монархия. Идея, история и перспективы. М.: Юрлитинформ, 2013.; Казанский П.Е. Власть Самодержавного Императора. М.: Москва, 1999.; Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. М.: Москва, 1998.

революционно-террористических организаций 14 августа 1881 г. император Александр III утверждает «Положение об охране государственного порядка и общественного спокойствия»¹. Документ предусматривал возможность отступления от либеральных законов позволял устанавливать в отдельных территориях два вида правовых режимов: усиленную охрану и чрезвычайную охрану.

Усиленная охрана вводилась в случае преступных посягательств против государственной безопасности сроком на один год и предусматривала существенное расширение полномочий генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников. Без судебного дозволения они были вправе запрещать собрания граждан, распоряжаться о закрытии различных торговых и промышленных заведений, запрещать пребывание лиц в местностях, объявленных на положении усиленной охраны и др. Дополнительные полномочия получали и местные полицейские чины: право без соблюдения судебной процедуры производить предварительный арест подозрительных лиц до 2 недель, обыски, налагать аресты на имущество. Кроме того, усиливалась ответственность административных органов и лиц.

Помимо мер, применяемых при усиленной охране, в условиях чрезвычайной охраны генерал-губернаторы приобретали полномочия на: устранение от должности чиновников всех чинов, кроме первых трех классов; приостановление и закрытие собраний сословных, городских и земских учреждений; приостановление деятельности печатных изданий; закрытие учреждений сроком на 1 год и др.

В условиях чрезвычайной охраны широко использовались две исключительных меры ограничения статуса личности – административная высылка лиц в определенные местности, применяемая на основании решения Министра внутренних дел и полицейский надзор как форма контроля за поведением потенциально опасных лиц. Данные меры применялись в превентивных целях к лицам, не совершившим никаких преступлений.

¹ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т.1. № 350. 1881-1913.

Таким образом, можно заключить, что нормы данного положения распространяются не только на особые политико-экономические обстоятельства, дестабилизирующие правопорядок в государстве. Но и на иные природные, эпидемиологические и техногенные факторы.

Данные меры оказались весьма эффективными, революционная и террористическая угроза в царствование императора Александра III была ликвидирована.¹

В начале XX в. в связи с учреждением Государственной Думы и появлением элементов парламентаризма принимается новая редакция Основных государственных законов Российской империи, в которой появляется ст. 87, посвященная чрезвычайному праву русского императора.

Статья 87 Свода Основных государственных законов гласила: «Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные Государственные Законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим Министром или Главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятый мере законопроект, или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет»².

С 1906 г. законы могли быть приняты при их обязательном рассмотрении Государственной Думой и Государственным Советом, а монарх имел право издавать указы в чрезвычайных условиях лишь при невозможности рассмотрения законопроектов в установленном порядке.

¹ Биюшкина Н.И. Политико-правовое развитие Российского государства в условиях развития охранительного внутриполитического курса в 1870-1890-е гг. Автореферат на соискание ученой степени доктора юридических наук. Нижний Новгород, 2012. С. 20.

² Свод Законов Российской Империи. Том первый. Часть I. Свод Основных Государственных законов. СПб., 1906. С. 45.

В результате революции и прихода к власти большевиков, чрезвычайные меры правового регулирования стали использоваться повсеместно, широкие полномочия получили органы обеспечения безопасности (революционные трибуналы, всероссийская чрезвычайная комиссия при СНК РСФСР по борьбе с контрреволюцией и саботажем, комбеды и т.п.)¹. 3 апреля 1925 г. ЦИК И СНК СССР было утверждено «Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного правопорядка». Данный документ предусматривал три вида чрезвычайных мер: исключительное положение, военное положение на театре военных действий, военное положение не на театре военных действий.

В 1941 году на территории СССР было введено военное положение и создан чрезвычайный орган военного управления – Комитет Обороны. Фактически власть в военное время перешла к военным органам – советам фронтов, армии, военным округам.

Чрезвычайные меры советского правительства во время гражданской, а затем Великой Отечественной Войны были весьма эффективными. Нельзя не согласиться с мнением А.А. Фомина: «Очевидно, в гигантских катаклизмах 1917 – 1922 гг. и 1941 – 1945 гг., советская государственная машина оказалась способной максимально сконцентрировать людские, материальные и другие ресурсы и направить их на решение стоящих задач. Для того чтобы советский государственный аппарат смог обеспечить мобилизацию сил страны, потребовалась реорганизация механизма управления путем создания чрезвычайных органов управления»².

Следующий этап развития правового регулирования в условиях чрезвычайных ситуаций ознаменовался принятием Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения»³, а затем Закона РСФСР «О чрезвычайном положении»⁴.

¹ Ахметова Д.И. Комитеты деревенской бедноты как элемент системы чрезвычайных органов Советской власти // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 2. С. 209-213.

² Фомин А.А. Исторические этапы развития чрезвычайного законодательства в России (конец XIX – XX вв.) // История государства и права. 2006. № 3. С. 31.

³ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 15. Ст. 250.

⁴ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 22. Ст. 773.

Данные нормативно-правовые акты предусматривали меры регулирования при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в виду чего и оказались непригодными для обеспечения общественной безопасности в условиях чеченского кризиса, появления незаконных вооруженных формирований в Осетии, Ингушетии, Дагестане. Возникновение чрезвычайных ситуаций (чернобыльская катастрофа, национальные конфликты, сепаратизм и т.п.) в этот период времени требовало соответствующих мер реагирования и правовых механизмов управления кризисными ситуациями. В период с 1988 по 1991 г. чрезвычайное положение вводилось более 25 раз.

На смену Закону РСФСР «О чрезвычайном положении» пришел Федеральный Конституционный закон «О чрезвычайном положении»¹. В 1994 году был принят Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»².

В существующей действительности, правовое регулирование в условиях чрезвычайных ситуаций складывается под влиянием научно-технической революции и активного вмешательства человека в природные процессы. Угроза нанесения вреда окружающей среде и здоровью человека зачастую непредсказуема и, как правило, не может быть предотвращена.

Войны, экономические кризисы, распространение опасных заболеваний подчеркивают необходимость теоретических обобщений и разработку механизмов правового регулирования в экстраординарных ситуациях. В XXI веке чрезвычайное правовое регулирование становится одной из важнейших частей правовых систем всех стран и должно стать эффективным средством выхода из экстремальных ситуаций, обеспечивающим безопасность общества и государства.

Правовое регулирование в чрезвычайных ситуациях – это экстраординарное воздействие на общественные отношения ординарными правовыми средствами, обусловленное особенными условиями возникновения, развития и прекращения правоотношений.

Правовое регулирование в чрезвычайных ситуациях – это правовой режим, применяемый для ликвидации чрезвычайных ситуаций антропогенного, техногенного или природного характера. Такой особый

¹ Собрание законодательства РФ. 04.06.2001. № 23. Ст. 2277.

² Собрание законодательства РФ. 26.12.1994. № 35. Ст. 3648.

порядок деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, граждан и организаций, связан с отступлением от обычного штатного механизма управления и правового регулирования и может выражаться в ограничении некоторых прав и свобод граждан и юридических лиц, а также возложении на них дополнительных обязанностей.

Таким образом, правовое регулирование в условиях чрезвычайных ситуаций предлагается понимать, как особый вид правового регулирования отношений в условиях чрезвычайной обстановки, отличающийся от обычного правового регулирования.

Причинами, опосредующими введение экстраординарного регулирования, могут быть природные катаклизмы, техногенные катастрофы, внутренние беспорядки, социальные конфликты, акты терроризма, внешняя военная угроза, экономический и политический кризисы, сепаратизм и потеря управляемости территорий государства, массовые заболевания среди людей и животных и т.д.

Медицинское регулирование - это целенаправленное воздействие на поведение человека, с помощью медико-биологических нормативов и иных средств, направленных на обеспечение индивидуального и коллективного здоровья населения.

Взаимоотношения правового и медицинского регулирования в условиях чрезвычайных ситуаций выражаются во взаимоподдержке, основанной на единстве нормативно-регулятивного воздействия на поведение, и в противоречиях, основанных на различии данных регуляторов.

Медико-юридическое регулирование – это согласованное взаимоподдерживающее регулятивное воздействие на общественные отношения с помощью правовых средств на основе медико-биологических норм, выражающееся в юридической объективации и законодательной фиксации медико-биологических регуляторов.

Юрико-медицинское регулирование – это система норм и иных регулятивных средств, установленных государством для обеспечения индивидуального и коллективного здоровья населения.

30 января 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила вспышку заболеваемости вирусом SARS-CoV-2 чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей

международное значение, а 11 марта 2020 пандемией¹. На примере борьбы с данным заболеванием и его последствиями, в третьей главе настоящего исследования мы рассмотрим законодательство, медицинские предписания и существующую правоприменительную практику в чрезвычайных условиях.

Контрольные задания

1. Укажите основные особенности экстраординарного правового регулирования в древности и средних веках.
2. Напишите эссе на тему «Развитие чрезвычайного правового регулирования в России».
3. Дайте определения понятий «правовое регулирование в условиях чрезвычайных ситуациях», «медицинское регулирование», «медико-юридическое регулирование», «юридико-медицинское регулирование».
4. Укажите причины, опосредующие введение экстраординарного правового регулирования в современной России и мире. Какие еще причины, на ваш взгляд, могут служить основаниями для введения режима чрезвычайной ситуации?

¹ См.: Заявление по итогам второго совещания Комитета по чрезвычайной ситуации в соответствии с Международными медико-санитарными правилами, в связи со вспышкой заболевания, вызванного новым коронавирусом 2019 г. (nCoV). Всемирная организация здравоохранения (30 января 2020). - [Электронный доступ]. - URL: [https://www.who.int/ru/news/item/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-\(2019-ncov\)](https://www.who.int/ru/news/item/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-(2019-ncov)). Вступительное слово Генерального директора на пресс-брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г.. Всемирная организация здравоохранения (11 марта 2020). [Электронный доступ]. - URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения 19.12.2021)

Тема 2. Понятие и правовая сущность чрезвычайных ситуаций

Согласно толковым словарям, слово «чрезвычайный» трактуется как крайняя степень какого-либо явления. Синонимами «чрезвычайный» являются: экстренный, превосходящий все обычное, необычный, специально назначенный, исключительный и др.¹

С точки зрения семантики, под «чрезвычайный» понимают что-либо экстраординарное, непредвиденное, противоположное обычному, штатному.

В юриспруденции термин «чрезвычайный» содержится более чем в шестистах федеральных законах, регулирующих различные отношения, однако во всех он подразумевает необычный, экстраординарный характер ситуаций или процедур регулирования. В частном праве синонимичными терминами являются «форс-мажор» и «чрезвычайные или непредвиденные расходы». Международное право, для того чтобы подчеркнуть особый статус дипломатического работника именуется должность «чрезвычайный и особый посол».

Для уяснения правовой сущности чрезвычайной ситуации необходимо рассмотреть основные определения понятий и классификации, которые используются в законодательстве, подзаконных и локальных актах, регулирующих ликвидацию чрезвычайных ситуаций и медицину катастроф.

Определение понятия «чрезвычайная ситуация» содержится в статье 1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»: «это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей»².

¹ См: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Оникс, Мир и Образование, 1992. – С. 657.; Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. С. 1043.; Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: АСТ, Астрель, 2007. С. 578.

² Собрание законодательства РФ. 26.12.1994. № 35. Ст. 3648.

Как видно, в данной норме не раскрывается, распространение каких именно заболеваний подразумевается в законе, однако из его анализа видно, что речь идет о заболеваниях человека.

В настоящее время в Единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций используется базовая классификация, утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 г. № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенно-го характера»¹.

По природе возникновения различают природные, техногенные, экологические, биологические, социальные, антропогенные, и комбинированные чрезвычайные ситуации.

В зависимости от числа пострадавших чрезвычайные ситуации классифицируют на локальные, муниципальные, межмуниципальные региональные, межрегиональные и федеральные. В зависимости от уровня и количества пострадавших определяется количество необходимых привлекаемых сил и средств различных ведомств, для ликвидации последствий.

В процессе ликвидации чрезвычайных ситуаций принято выделять следующие фазы: изоляции, спасения и восстановления.

Чрезвычайная ситуация для здравоохранения определяется как: «обстановка, сложившаяся на объекте, в зоне (районе) в результате аварии, катастрофы, опасного природного явления, эпидемии, эпизоотии, эпифитотии, характеризующаяся наличием или возможностью появления значительного числа пострадавших, пораженных, заболевших, резким ухудшением условий жизнедеятельности населения и требующая экстренного привлечения для медицинского обеспечения сил и средств здравоохранения, находящихся за пределами объекта (зоны, района) чрезвычайной ситуации, а также особой организации работы службы медицины катастроф, учреждений и формирований, участвующих в ликвидации ее медико-санитарных последствий».

Медицина катастроф – научно-практическое направление в системе здравоохранения, направленное на спасение жизни и сохранение здоровья населения при катастрофах, стихийных бедствиях и эпидемиях, на предупреждение и лечение поражений (заболеваний), возни-

¹ Собрание законодательства РФ, 28.05.2007, № 22, ст. 2640.

кающих в результате развития чрезвычайных ситуаций, а также на сохранение и восстановление здоровья участников ликвидации чрезвычайных ситуаций.

В медицине катастроф регламентированы следующие виды помощи: первая, первичная медико-санитарная, специализированная, скорая.

Погибшие и пострадавшие вследствие воздействия поражающих факторов чрезвычайной ситуации, а также и нарушившие свою деятельность медицинские учреждения именуется медицинскими последствиями чрезвычайной ситуации.

Поражение населения в зоне чрезвычайной ситуации – это гибель или нарушение здоровья людей в результате повреждающего воздействия на них поражающих физических, термических, химических, биологических, психологических и иных факторов.

Пострадавшие – люди, у которых в результате непосредственного или опосредованного воздействия поражающих факторов чрезвычайной ситуации возникли нарушения здоровья и потребность в получении экстренной медицинской помощи. В эту же группу относятся и те лица, которые понесли материальные убытки и моральный ущерб в ходе чрезвычайной ситуации.

Пораженные в чрезвычайной ситуации – это пострадавшие, получившие в ходе чрезвычайной ситуации поражение радиоактивными, химическими или биологическими средствами и нуждающиеся в проведении специальных мероприятий медицинского характера, в том числе и по оказанию экстренной медицинской помощи.

Безвозвратные потери – погибшие в момент возникновения чрезвычайной ситуации, умершие в ходе ее развития (в том числе и в лечебно-профилактических учреждениях) и пропавшие без вести.

Санитарные потери – пострадавшие, пораженные и заболевшие при возникновении чрезвычайной ситуации или в результате поражающих факторов чрезвычайной ситуации.

Для чрезвычайных ситуаций в мирное времена характерны следующие признаки:

- внезапность формирования массовых санитарных потерь;
- удаленность объектов здравоохранения от очага поражения;

- большое разнообразие различных поражений: ожоги, отравления, поражения, связанные с нахождением под обрушившимися конструкциями зданий, взрывами, и проявляющиеся сочетанными и комбинированными повреждениями;
- изоляция пострадавших до начала спасательных операций;
- перевод лечебно-профилактических учреждений на особый режим работы;
- ограничение возможности единовременной госпитализации всех пораженных;
- несоответствие сил и средств здравоохранения количеству санитарных потерь на месте катастрофы;
- недоступность в районе чрезвычайной ситуации своевременной квалифицированной медицинской помощи всем нуждающимся;
- отсутствие опыта проведения медицинской сортировки в ЧС у значительного числа медицинских работников;
- наличие особой группы населения с психологическими травмами, вследствие потери близких, родственников, друзей и собственности.

Процесс ликвидации медицинских последствий чрезвычайной ситуации включает в себя оказание экстренной медицинской помощи пострадавшим до полного восстановления их здоровья или оформления инвалидности и проведения похорон погибших.

Одним из основных принципов медицины катастроф является медицинская сортировка пострадавших, которая основана на необходимости оказания медицинской помощи как можно большему количеству пострадавших, имеющих шанс выжить, в максимально сжатые сроки.

Принцип медицинской сортировки был внедрен известным русским хирургом Н.И. Пироговым. Описывая безотрадную картину переполненных ранеными перевязочных пунктов в Севастополе, он писал: «Если врач в этих случаях не предположит себе главной целью прежде действовать административно, а потом уже врачебно, то он совсем потеряется и ни голова его, ни руки не окажут помощи». Гениально простой принцип «пироговской сортировки» применяется практически во всех странах мира и сохраняет свое значение не только в военное, но и в мирное время при возникновении чрезвычайных ситуаций с большим количеством пострадавших. Правильно организованная работа способствует рациональному использованию сил и средств службы медицины

катастроф, своевременному и качественному оказанию пострадавшим всех видов медицинской помощи.

Таким образом, проанализировав основные понятия и признаки чрезвычайной ситуации видно, что пандемия коронавируса безусловно относится к таковой. В марте 2020 года во всех субъектах Российской Федерации был введен режим повышенной готовности, а в части регионов, (Москва, Брянская область, Ивановская область), данная ситуация признана обстоятельством непреодолимой силы, то есть форс-мажором. Меры правового и медицинского регулирования, применяемые в настоящее время для борьбы с данным заболеванием и его последствиями, позволят выработать универсальные алгоритмы действий на случай возникновения подобных угроз в будущем.

Контрольные задания

1. Подберите пять или более синонимов к слову «чрезвычайный».
2. Напишите эссе на тему «Распространение заболеваний среди животных (панзоотия) как условие введения режима чрезвычайной ситуации».
3. Составьте опорную схему «Классификация причин возникновения чрезвычайных ситуаций».
4. Укажите, какие признаки характерны для правового регулирования чрезвычайных ситуаций в мирное время.
5. Перечислите основные термины, используемые в медицине катастроф.

Тема 3. Юридическая техника в регулировании правовых отношений в чрезвычайных условиях

Под юридической техникой прямо понимать совокупность методов, средств и приёмов, используемых при разработке и систематизации нормативно-правовых актов. Юридическая техника играет важную роль в системе права, благодаря её высокому уровню возможно устранить разночтение, сложность, громоздкость нормативно-правовых актов и юридических документов, обеспечить практичность и рационализацию правовых предписаний. Отсутствие должного уровня юридической техники неизбежно негативно сказывается на правовом регулировании общественных отношений.

Критерием классификации видов юридической техники являются стадии правового регулирования. Существуют три основные стадии: правотворчество, действие права, осуществление права. На основе этой классификации выделяют:

- правотворческую технику;
- технику опубликования и вступления в силу нормативных актов;
- интерпретационную технику;
- правосистематизирующую технику;
- правореализационную технику; правоприменительную технику.

Наиболее общими средствами, приемами, правилами юридической техники являются:

- юридическая терминология;
- юридические конструкции;
- приемы и правила изложения содержания нормативных юридических актов.

Справедливость и демократичность применяемых средств достигается путем соблюдения основных принципов построения правовых актов, регулирующих правовые отношения в условиях чрезвычайных ситуаций.

В первую очередь, законодательство правового государства, регулирующее осуществление чрезвычайных полномочий, должно предусматривать систему мер и механизмов предупреждения злоупотреблений использованием чрезвычайного регулирования, а именно

необходимо установить легальное ограничение пределов чрезвычайных полномочий и предоставление Президенту, Правительству, конкретному государственному органу столько чрезвычайной власти, сколько действительно необходимо для спасения государства и общества от угрожающей им опасности.

Во-вторых, наиболее существенные вопросы, связанные с использованием особых (чрезвычайных) полномочий, должны подвергаться детальной регламентации. Применение чрезвычайных полномочий и экстраординарных мер допустимо только при наличии действительно исключительных обстоятельств и в самых опасных ситуациях.

Правотворчество это: «специфическая, требующая особых знаний и умений интеллектуальная деятельность, связанная с созданием или изменением существующих в государстве правовых норм»¹.

Правотворчество чрезвычайных ситуациях создает возможность легально преодолевать конфликтные ситуации, которые не могут быть устранены путем обычного правового регулирования. При этом, экстренно вводимые нормы обязаны не должны использоваться в ущерб конституционному правопорядку, приводить к нарушению государственно-правовых демократических институтов.

Природа возникновения чрезвычайных ситуаций различна, они могут возникать по политическим, природным, технологическим причинам, в связи с чем возможно выявить только общие алгоритмы и правила нормотворчества и правоприменения. В любом случае, целью экстраординарного правового регулирования остаются обеспечение законности и правопорядка, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, недопущение произвола и превышения пределов полномочий со стороны государственных органов и их должностных лиц.

«Чрезвычайные ситуации нарушают, взрывают сложившееся течение жизни, порождают непредсказуемые, нестандартные условия, в рамках которых прежние механизмы управления, правовые нормы, традиции, стереотипы оказываются неадекватными, неспособными обеспечить быстрое и четкое преодоление кризиса, нормализацию обстановки. В такой ситуации должны задействоваться правовые средства, специально разработанные для прогнозирования, предупрежде-

¹ Перевалов, В.Д. Теория государства и права: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / В. Д. Перевалов. Москва, 2019. С. 41.

ния, регулирования и ликвидации чрезвычайных ситуаций. И напротив, отсутствие эффективных правовых механизмов приводит к несвоевременным и ошибочным решениям, неоправданным жертвам и чрезмерным разрушениям, длительной вражде и напряженности в обществе и в целом осложняет возврат к нормальной жизни»¹.

Безусловно, отвечающее принципам правового государства чрезвычайное законодательство – это необходимое, но недостаточное условие сохранения в экстремальной ситуации демократического, конституционного правопорядка. Сегодня как никогда справедливо звучит мысль, высказанная почти столетие назад, о том, что «трудно найти учреждение, которое с большей резкостью обнаружило бы то противоречие, которое так часто существует между определяющими государственно-правовой институт формальными нормами и фактическими приемами его применения. Практика чрезвычайного-указного права служит одной из наиболее ярких иллюстраций тому, как гибки и послушны конституционные тексты, и как они сами по себе бессильны сдерживать политические притязания борющихся между собой политических факторов»².

Совокупность инструментов ведения работы по составлению и изданию юридически значимых предписаний составляет содержание юридической техники.

Одним из таких инструментов выступают правовые средства. Правовые средства, используемые для регулирования в условиях чрезвычайных ситуаций, имеют особенности, отличающие их от средств, используемых в обычном правовом регулировании.

В первую очередь, особенностью государственного регулирования в чрезвычайных условиях является то, что, законодательство и правоприменители, как правило, к ней не готовы. Реагирование на быстро изменяющуюся обстановку в условиях нехватки информации и недостаточности обычных средств осуществляется в «ручном» режиме, когда массово создаются новые организационные и правовые средства

¹ Коротков, А.П. Правовые средства управления кризисными ситуациями: сравнительный анализ международно-правового и внутригосударственного регулирования / А. П. Коротков, Ю. Ю. Соковых // Государство и право. 1997. № 10. С. 10.

² Алексеев, А.С. Происхождение чрезвычайного-указного права и его политическое значение / А. С. Алексеев. М.: [б.и.], 1913. С.6.

регулирования. Так, в период с марта 2020 года, большинство карантинных ограничений вводились через «режим повышенной готовности», предусмотренный Федеральным законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Ограничительные меры со ссылкой на данный закон вводились во многих регионах и постепенно расширялись. Со ссылкой на данный закон с 30 марта 2020 года в Москве был введен всеобщий режим самоизоляции, однако предусматривающие данную меру изменения вступили в силу 1 апреля 2020 года. То есть формально, принимаемые ограничительные меры в целях борьбы с пандемией, формально узаконили уже после их введения.

Многие принимаемые меры не оформляются в должной правовой форме по объективным причинам. Примером такого неординарного правового регулирования стало наступление административной ответственности в так называемом «упрощенном» порядке, без получения объяснений и составления протокола об административном правонарушении и соблюдения других гарантий прав в рамках соблюдения принципа презумпции невиновности. Основанием для привлечения к ответственности за нарушение режима самоизоляции стала фото- видеofиксация допущенных нарушений, допускаемая законодательством только для фиксации административных правонарушений в области дорожного движения и в сфере благоустройства. Статья 3.18.1 Кодекса города Москвы об административных правонарушениях: «нарушение требований нормативных правовых актов г. Москвы, направленных на введение и обеспечение режима повышенной готовности на территории города Москвы»¹ к указанным категориям дел не относится, однако ответственность за её нарушение может также наступать на основе фото- видеofиксации, а также посредством фиксации нарушений с помощью мобильного приложения «Социальный мониторинг». Соблюдение принципа презумпции невиновности в данном случае ограничивается.

Характерным признаком юридической техники в чрезвычайных условиях становится высокая скорость согласования и принятия решений о введении регулирующих мер. Обычные бюрократические филь-

¹ Закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 // Вестник Мэра и Правительства Москвы, № 69. 12.12.2007.

тры для подготовки проектов нормативно-правовых актов не работают, а власть становится чрезвычайно доступной для рассмотрения различных инициатив, поступающих от граждан и организаций.

По мере реализации вводимых мер на практике они требуют экстренного уточнения и разъяснения. Так, объявление нерабочих дней потребовало значительного количества разъяснений касательно порядка исчисления сроков наступления тех или иных обязанностей. В некоторых случаях в целях исчисления сроков наступления соответствующих обязанностей «нерабочие дни» считались «рабочими», а в каких-то выходными. Например, за нарушение правил дорожного движения, предписанных дорожными знаками с указанием времени его действия только по рабочим дням, по-прежнему наступала административная ответственность посредством фото- видеофиксации. Однако впоследствии МВД России отменило данные штрафы, указав, что для целей наступления административной ответственности данные дни являются выходными¹.

Некоторые, особо важные социальные вопросы должны находиться на особом контроле первых лиц. Так, например, регулирование порядка начисления выплат медикам, непосредственно участвующим в оказании медицинской помощи гражданам, у которых выявлена коронавирусная инфекция, как и последующую корректировку порядка определения размера данной стимулирующей выплаты, контролировал лично Президент РФ.

С учетом стремительно изменяющейся ситуации управленческие решения неизбежно подвергаются многократным уточнениям и расширению. В качестве примера можно привести Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 434, которым был утвержден перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции, который дополнялся 4 раза. Указ мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» с момента принятия дополнялся 22 раза, то есть в среднем в него вносили изменения каждые 4 дня.

¹ Газета «Коммерсантъ» 06.06.2020. - [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4372208> (дата обращения 10.03.2022).

Важнейшей особенностью стало усиление исполнительной ветви власти посредством передачи с законодательного на подзаконный уровень регулирования полномочий по установлению временных правовых режимов.

Правительство Российской Федерации было наделено экстраординарными полномочиями по принятию решений о введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории Российской Федерации либо на ее части в случае угрозы возникновения и (или) возникновения чрезвычайной ситуации федерального или межрегионального характера, а также было наделено правом устанавливать обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Также Правительство Российской Федерации получило право ввести мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами; право предусматривать упрощенные правила государственной регистрации лекарственных препаратов и медицинских изделий в отдельных не терпящих отлагательства случаях; право предусмотреть особый порядок регулирования в 2020 году контрольно-надзорной и разрешительной деятельности, в том числе право продлевать просроченные разрешения и санкционировать деятельность без разрешений, получение которых предусмотрено законодательными актами; право устанавливать особенности начисления и взыскания пени за просрочку оплаты услуг ЖКХ в 2020 году; право устанавливать особенности правил налогообложения в 2020 году.

Таким образом, основными особенностями юридической техники в регулировании правовых отношений в условиях чрезвычайных ситуаций являются оперативность издания норм их уточнения и толкования, особая правовая форма и отсутствие формализма.

Оперативная интеграция правового и медицинского регулирования в условиях пандемии COVID-19 – это формируемое, экстраординарным путем медико-юридическое регулирование на основании индивидуально-правовых предписаний, которые оперативно применялись и применяются в условиях быстрой трансформации и модификации коронавирусной опасности.

Юридическая техника оперативной интеграции правового и медицинского регулирования в механизме борьбы с пандемией основывается на формировании индивидуально-правовых актов должностных лиц, наделенных государственно-властными полномочиями, с опорой на медицинские предписания, направленными на регулирование общественных отношений в сложившихся условиях, путем: введения карантинных мер и ограничений для граждан и юридических лиц; особая организация работы системы здравоохранения и обязательного медицинского страхования; определение порядка диагностики и оказания медицинской помощи заболевшим гражданам; ресурсное обеспечение системы диагностики и лечения новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Контрольные задания

1. Дайте определение понятия «юридическая техника».
2. Раскройте содержание стадий правового регулирования: правотворчество, действие права, осуществление права.
3. Укажите особенности правотворчества в чрезвычайных ситуациях.
4. Проиллюстрируйте правовые средства, используемые в современной России, на примере конкретной экстраординарной ситуации в стране и мире.

Тема 4. Практика интеграции права и медицинского регулирования в современных чрезвычайных условиях

В связи с активным распространением на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции COVID-19, органами государственной власти Российской Федерации был принят значительный по своему объему комплекс регулирующих мер. В данном параграфе рассмотрим основные нормативные правовые акты, касающиеся регулирования общественных отношений в данный экстраординарный период.

Все регулирующие меры, принятые на государственном и региональном уровнях, возможно классифицировать на законодательные акты и медицинские предписания.

Среди нормативно-правовых выделим: введение ответственности за нарушение карантинных мер и ограничений; социальную поддержку граждан в условиях снижения доходов и занятости; помощь гражданам, оказавшимся за границей Российской Федерации, в том числе организация так называемых «вывозных рейсов»; поддержку предприятиям и индивидуальным предпринимателям, пострадавшим от экономического спада и ограничений; установление режима и порядка работы организаций и особенностей ведения ими деятельности; изменение некоторых государственных и иных публичных функций и порядка оказания государственных и муниципальных услуг; внесение изменений, касающихся исполнения гражданско-правовых обязательств и наступления ответственности по некоторым видам гражданско-правовых договоров (форс-мажора).

Медицинскими предписаниями, направленными на регулирование общественных отношений в сложившихся условиях, стали: введение карантинных мер и ограничений для граждан и юридических лиц; особая организация работы системы здравоохранения и обязательного медицинского страхования; определение порядка диагностики и оказания медицинской помощи заболевшим гражданам; ресурсное обеспечение системы диагностики и лечения новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Рассмотрим меры, принятые в рамках изменения порядка исполнения государственными и иными органами публичных функций в

условиях пандемии, установления системы обязательных требований, предъявляемых к субъектам, а также ответственности за их нарушение.

Основным инструментом стало введение дистанционного взаимодействия между государством, гражданами и юридическими лицами. Большинство государственных гражданских и муниципальных служащих были переведены на дистанционный режим работы и продолжали выполнение своих обязанностей. Исключение составили случаи, когда исполнение невозможно без личного взаимодействия с гражданами, как то регистрация брака (в соответствии с нормами СК РФ личное присутствие жениха и невесты является обязательным¹) или реализация дистанционного формата является крайне затруднительной, например, проведение государственной итоговой аттестации школьников.

В зависимости от цели и технических возможностей сторон дистанционное взаимодействие было обеспечено либо посредством использования специфических электронных сервисов, либо неспецифических каналов связи (почтовой связи, электронной почты, систем электронного документооборота, программ видеоконференцсвязи).

Так, проведение судебных заседаний в судах общей юрисдикции, арбитражных судах, Суде по интеллектуальным правам с использованием систем видеоконференц-связи, вебконференции и с использованием информационной системы «Картотека арбитражных дел» позволило реализовывать процесс отправления правосудия в штатном режиме.

Электронное дистанционное взаимодействие получило широкое распространение и в негосударственном секторе. Высшие и средние учебные заведения, школы и учреждения дополнительного образования временно перешли на оказание образовательных услуг в дистанционном формате.

Практика применения дистанционного взаимодействия между государством, гражданами и юридическими лицами потребовало с одной стороны повышения уровня доверия к предоставляемым сведениям для получения необходимых услуг, а с другой – улучшения межведомственного информационного взаимодействия.

¹ См. ст.11 Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС Консультант Плюс (дата обращения 20.02.2022)

Еще одной действенной мерой в области правового регулирования стало введение отсрочек исполнения публичных обязанностей гражданами и индивидуальными предпринимателями (продление прав).

В соответствии с принятым Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»¹ Правительство Российской Федерации получило экстраординарные полномочия по регулированию разрешительной деятельности. В частности, данным нормативно-правовым актом установлено, что Правительство Российской Федерации в 2020 и 2021 годах вправе принимать решения, предусматривающие: особенности организации и осуществления видов государственного контроля (надзора) и муниципального контроля; особенности лицензирования, аккредитации, аттестации, государственной регистрации, проведения квалификационных экзаменов, государственной итоговой аттестации, вступительных испытаний в учебных заведениях; установление мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве; особенности включения в реестр проблемных объектов многоквартирных домов; установление особенностей правового регулирования трудовых отношений; особенности организации предоставления государственных и муниципальных услуг; особенности проведения общих собраний в форме очного голосования и в форме очно-заочного голосования; продление сроков совершения заявителем, правообладателем и иным лицом действий, в том числе связанных с уплатой патентных и иных пошлин.

Также Федеральным законом от 01.04.2020 № 104-ФЗ предусмотрено продление выплат некоторых социальных пособий без подачи документов и заявлений на продление выплат при истечении соответствующих сроков.

Уникальные в своем роде меры были предприняты в отношении иностранных граждан, оказывавшихся в период пандемии на террито-

¹ Федеральный закон от 01.04.2020 N 98-ФЗ (ред. от 11.06.2021) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций" // СЗ РФ, 06.04.2020, N 14 (часть I), ст. 2028.

рии Российской Федерации. В соответствии с Указом президента Российской Федерации от 18.04.2020 № 274¹, всем иностранным гражданам, находящимся на территории РФ, автоматически был продлен срок действия следующих документов: визы, разрешения на временное проживание, виды на жительство, миграционные карты, а также проставленные в ней отметки с истекающими сроками действия, удостоверения беженца, свидетельства о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на территории РФ по существу свидетельства о предоставлении временного убежища на территории РФ, свидетельства участника Государственной программы, разрешения на работу, патенты, разрешения на привлечение и использование иностранных работников.

Вполне естественным явился тот факт, что правовое регулирование в период пандемии не обошлось без ужесточения. Такими мерами в первую очередь явились карантинные ограничения и режим самоизоляции, а также установленная ответственность за нарушение таких ограничений.

Региональное законодательство об административных правонарушениях дополнилось соответствующими составами административных правонарушений за нарушение правил и требований, установленных в период действия режима повышенной готовности.

Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен статьями 207.1 и 207.2, предусматривающими уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан и публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия².

Нельзя не заметить, что не все инициативы органично внедрились в механизм правового регулирования. Так, попытка ввести ограничения на оптовую и розничную торговлю отдельными видами медицинских изделий в целях снижения торговой наценки на них не увен-

¹ Указ Президента РФ от 18.04.2020 N 274 (ред. от 02.01.2021) "О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)" // СЗ РФ, 20.04.2020, N 16, ст. 2573.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // СЗ РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

чалась успехом. По замыслу должна была быть создана система распределения отдельных видов медицинских изделий через федерального оператора «Корпорация Росхимзащита» и региональных операторов.

Особое место среди мер, направленных на борьбу с пандемией коронавируса занимает мера по ограничению посещения общественных мест. Как никогда в обществе обсуждается вопрос о правомерности и необходимости введения QR-кодов, дающих право гражданам, достигшим совершеннолетия, посещать места общественного питания, торговли, учреждения культуры и др.

Согласно части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в которой это необходимо в целях защиты здоровья. Прав и законных интересов других лиц. Российская Федерация, являясь федеративным государством, а значит часть полномочий закреплено за федеральными органами государственной власти, а часть за региональными. Некоторые вопросы находятся в совместном ведении федеральных и региональных органов власти. Согласно ст.72 Конституции Российской Федерации осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями и ликвидация их последствий относятся к совместным полномочиям федерации и регионов. В указанной статье не упоминается понятие «пандемия», однако по духу и смыслу основного закона, его можно приравнять к понятию «эпидемия», как и термин «эпизоотия», обозначающий массовое распространение инфекций среди животных.

Таким образом, меры по борьбе с пандемией находятся в совместном ведении федеральных и региональных властей. Согласно части 2 статьи 76 Конституции Российской Федерации по предметам совместного ведения издаются федеральные законы, а на их основании в регионах принимаются законы и иные нормативно-правовые акты. В соответствии с номой статьи 1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», распространение заболевания, представляющего опасность для окружающих, отнесено к чрезвычайной ситуации. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации принимают нормативно-правовые акты в области защиты населения в чрезвычайной ситуации и такие акты являются обязательными для исполнения

гражданами и организациями при введении режима повышенной готовности и чрезвычайной ситуации.

С приходом пандемии коронавируса несколько субъектов Российской Федерации объявили о введении режима повышенной готовности. В некоторых субъектах действует региональное законодательство о чрезвычайных ситуациях (например, Свердловская область).

В соответствии с нормами Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» регионы могут вводить дополнительные обязательные для исполнения правила поведения, а значит правила, устанавливающие предъявление кюар-кодов для посещения общественных мест, устанавливаемые главами субъектов Российской Федерации, соответствуют Основному закону, основания для их установления безусловно есть.

Право на свободное передвижение закреплено в статье 27 Конституции Российской Федерации: «каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства». Для понимания смысла данной нормы необходимо погрузиться в контекст принятия Конституции Российской Федерации в 1993 году. Основным закон принимался через два года после распада Советского Союза, в котором действовали жесткие ограничения и запреты на выезд граждан СССР за рубеж, а также режим прописки, означавший что каждый гражданин закреплялся за определенным местом жительства и получал разрешение властей на проживание. Находясь в территории без прописки, гражданин нарушал административное законодательство. Режим прописки был связан с определенными ограничениями прав. В советской истории были периоды, когда целые категории граждан практически полностью лишались свободы передвижения и легального выбора места жительства. Поэтому право на свободное передвижение, декларируемое статьей 27 Конституции Российской Федерации – это реакция на негативную практику и ограничение прав режимом прописки в СССР. В настоящее время (осень 2021 года) законопроект о возможности введения кюар-кодов в связи с пандемией рассматривается Государственной Думой.

Таким образом, законодательные и медицинские предписания в регулировании общественных отношений в период пандемии затронули практически все сферы, в своем содержании и изложении не допускают двойственных прочтений. Важным достоинством стала оперативность их принятия.

Рассмотрим практику применения некоторых норм, введенных в целях борьбы с пандемией и её последствиями, на примере страхования как одного из самых динамичных и быстро развивающихся институтов.

Пандемия коронавируса стала мощным стимулом к развитию рынка страхования в России. Достаточно быстро отреагировав на обстановку, уже к апрелю 2020 года страховые компании выпустили на рынок новый вид продукта – страховку от коронавирусной инфекции.

Первоначально многие юристы-теоретики и практики скептически отнеслись к новому виду специального монострахования, полагая что он является не более чем маркетинговым ходом и не будет пользоваться большой популярностью у граждан. Кроме того, предполагалось, что срок борьбы с пандемией ограничится несколькими месяцами, а значит страхование от нового и неизвестного инфекционного заболевания вскоре потеряет актуальность. Однако, уже в 2020 году граждане застраховались на 74 миллиарда рублей и получили больше 840 миллионов рублей выплат, а к середине 2021 года выплаты по договорам страхования от коронавируса превысили миллиард рублей.

По официальным данным, к концу сентября 2021 года в России выявлено более 7,5 миллионов случаев заражения¹. Кроме того, в свете массовой вакцинации населения, помимо страхования от заражения коронавирусом, на рынок страховых услуг был выведен еще один страховой продукт – страховка от осложнений при вакцинации.

Таким образом, видно, что актуальность тем, связанных с коронавирусной инфекцией в целом, и страхованием в период пандемии, в частности, не только не теряют актуальности, но и нуждаются в детальном правовом осмыслении.

Страховые правоотношения, как и любые другие гражданские правоотношения возникают, изменяются, действуют и прекращаются на основе правовых норм и включают в себя три элемента: субъект,

¹ Официальный сайт Стопкоронавирус.рф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://xn--80aesfpebagmfbcl0a.xn--p1ai/information/> (дата обращения 29.09.2021)

объект и содержание. Нормы страхового права определяют, какие субъективные права и юридические обязанности будут иметь их участники.

Субъектами страховых правоотношений всегда выступают две стороны - страховщик и страхователь.

В соответствии с абз. 1,2 п. 1 ст. 6 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации»: «Страховщики - страховые организации, иностранные страховые организации, общества взаимного страхования. Страховая организация - юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации для осуществления деятельности по страхованию и (или) перестрахованию и получившее лицензию на осуществление соответствующего вида страховой деятельности в установленном настоящим Законом порядке» [2]. Страховщик осуществляет услуги при наличии лицензии Центрального банка Российской Федерации на осуществление указанного вида деятельности.

Так, в городе Владимире, страхование от коронавируса осуществляют несколько десятков организаций, существующих в форме акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. Кроме того, на рынке данных слуг широко представлены агрегаторы, которые предлагают заключить договор страхования с множеством своих партнеров. Можно с уверенностью говорить о том, что такое количество предложений свидетельствует о наличии высокого спроса на данные услуги.

Второй стороной страховых правоотношений является страхователь. В соответствии с упомянутым законом: «Страхователями признаются юридические лица и дееспособные физические лица, заключившие со страховщиками договоры страхования, либо являющиеся страхователями в силу закона»¹. Как правило, страхователями в рассматриваемом договоре являются граждане. Вместе с тем, перспективным на наш взгляд является участие в нём юридических лиц, организаций-работодателей в отношении своих работников, поскольку помимо стра-

¹ Закон РФ от 27.11.1992 N 4015-1 (ред. от 02.07.2021) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.09.2021) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 30.10.2021)

ховщика и страхователя, в страховых правоотношениях может участвовать выгодоприобретатель (застрахованный), который вправе получить страховую выплату.

Кроме того, страховые компании ограничивают круг лиц, которые могут участвовать в договоре. Эти ограничения связаны в первую очередь с состоянием здоровья гражданина (инвалидность, наличие онкологических заболеваний, диабета, туберкулеза, заболеваний сердечно-сосудистой системы, СПИДа, нервно-психические заболевания, алкоголизм, наркозависимость и проч.). Многие страховщики отказывают в заключении договора с несовершеннолетними и лицами, достигшими пенсионного возраста. Ограничения так же могут касаться граждан определенных профессий.

Вторым элементом страховых правоотношений является объект, то есть имущественные интересы субъектов при наступлении страхового случая. Страховым случаем в рассматриваемом специальном страховании могут быть: временная нетрудоспособность, инвалидность, смерть. В настоящее время страховые программы, связанные с коронавирусом можно разделить на три вида: страхование от несчастного случая, страхование жизни и добровольное медицинское страхование.

Страховка от несчастного случая обеспечивает страховую выплату на сумму от 1 до 3 миллионов рублей, оперативную госпитализацию, также другие расходы (экспресс-тест, анализы, медицинские исследования и проч.). Помимо компенсации на лечение, некоторые страховые компании предлагают клиентам программы, направленные на восстановление здоровья в санатории или профилактории.

Добровольное медицинское страхование предусматривает получение страхователем некоторых медицинских услуг компенсацию и компенсацию расходов (вызов врача на дом, лечение в стационаре, лабораторные исследования, компьютерная томография легких и другие).

Третьим элементом страховых правоотношений является их содержание, которое представляет собой различные права и обязанности страхователя и страховщика. Например, на страховщика возлагаются обязанности по выдаче страхового полиса, по производству страховой выплаты после наступления страхового случая и так далее. При этом

он вправе проверять достоверность сообщенных страхователем данных, отказаться от выплаты страховой компенсации в определенных случаях. Так, например, договор начинает действовать через определенный период времени после его заключения (обычно 14-15 дней). Включение в договор данного условия позволяет страховой компании минимизировать риск того, что договор заключает уже заболевший страховщик.

В свою очередь, страхователь должен уплачивать страховые взносы, по наступлении страхового случая, предоставить копии документов о перенесенном заболевании и так далее.

В результате проведенного анализа страховых правоотношений в условиях борьбы с пандемией в Российской Федерации можно сказать о том, что перспективы их развития достаточно широки. В ближайшее время количество страховых продуктов, связанных с коронавирусом, несомненно увеличится, как и количество страхователей, желающих минимизировать для себя негативные финансовые последствия перенесенного заболевания. Кроме того, опыт монострахования может быть успешно использован в страховых правоотношениях в других сферах.

В результате ограничения авиасообщения с зарубежными странами, значительное число российских граждан, временно выехавших за пределы страны и желающих вернуться в Россию, оказалось в затруднительном положении. Гражданско-правовые споры, возникшие в результате организации «вывозных рейсов» активно рассматриваются в судах.

Так, гражданин Я. обратился в суд с исковым заявлением ПАО «Аэрофлот», о взыскании разницы в стоимости авиабилетов в размере 67 830 руб., неустойки за неисполнение требования потребителя, рассчитанной по день вынесения решения суда, компенсации морального вреда в размере 5000 руб., штрафа в соответствии с Законом Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» в размере 50% от суммы, присужденной судом.

В обоснование заявленных исковых требований Я. указал, что им на членов его семьи у ПАО «Аэрофлот» были приобретены три билета стоимостью 141 087 руб. на рейс с датой вылета 03.04.2020 по маршруту Бангкок-Москва. Из-за сложившейся эпидемиологической обстановки с целью предотвращения распространения COVID-19 с

16.03.2020 были полностью прекращены регулярные перелеты. Пассажирам отмененных рейсов, а также пассажирам, подпадающим под ограничения страны отправления, назначения или трансфера с билетами на рейсы Аэрофлота с датой оформления до 31.05.2020, предлагалось на выбор: оформить вынужденный возврат и получить полную стоимость за приобретенный билет по месту его приобретения не позднее 31.12.2020 независимо от срока действия билета; однократное изменение даты с вылетом не позднее 31.12.2020 с сохранением первоначальных пунктов отправления/назначения, стоимости и класса обслуживания без дополнительных сборов; однократное изменение маршрута на любые рейсы Аэрофлота и/или даты с вылетом не позднее 31.12.2020 без дополнительных сборов за переоформление, с доплатой разницы в стоимости перевозки, если она возникает. 07.05.2020 гражданином были переоформлены билеты на «вывозной рейс» на 13.05.2020.

Стоимость одного билета на «вывозной рейс» по маршруту Бангкок-Москва составляла 400 евро. Гражданин ссылаясь на то, что при оформлении билетов на «вывозной рейс» тариф не озвучивался и не был разъяснен порядок оформления (переоформления) билетов, в связи с чем Я. просил взыскать с ПАО «Аэрофлот» разницу между оплаченными билетами и стоимостью билетов на «вывозной рейс», составляющую 45 207 руб.

Отказывая в заявленных требованиях, суд указал на то, что для решения задачи по скорейшему возвращению граждан из-за границы под руководством оперативного штаба и при взаимодействии с Минтрансом, Росавиацией, Минкомсвязи, МИД России ПАО «Аэрофлот» осуществляло выполнение специальных «вывозных рейсов». Формирование списков пассажиров на «вывозные рейсы» осуществлялось на основании оформленных на сайте Госуслуги заявок пассажиров. Пассажиры, имеющие действительные неиспользованные авиабилеты российских авиакомпаний, принимались на «вывозные рейсы» без доплат на основании данных авиабилетов после их бесплатной реализации на «вывозной рейс».

В силу статьи 107.2 ВК РФ Правительство Российской Федерации при угрозе возникновения и (или) возникновении отдельных чрезвычайных ситуаций, введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории Российской Федерации

либо на ее части вправе установить на соответствующей территории особенности исполнения договора воздушной перевозки пассажира, в том числе право перевозчика в одностороннем порядке изменить условия такого договора или отказаться от его исполнения и возратить уплаченную за воздушную перевозку пассажира провозную плату в порядке и сроки, которые установлены Правительством Российской Федерации (пункт 1).

Статья 107.2 ВК РФ, наделяющая Правительство Российской Федерации полномочиями по установлению в отдельных случаях, перечисленных в этой статье, на всей территории Российской Федерации либо на ее части особенностей исполнения договора воздушной перевозки пассажира, введена в действие Федеральным законом от 08.06.2020 № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции» (статья 6).

Согласно пункту 3 статьи 24 указанного закона особенности исполнения и расторжения договоров перевозки пассажиров, предусмотренные статьей 107.2 ВК РФ, применяются к договорам перевозки пассажиров, подлежащим исполнению с 1 февраля 2020 года. Таким образом, суд пришел к выводу о том, что правовые основания для удовлетворения требования истца отсутствуют.

Осенью 2020 года группа студентов Московского государственного университета им. Ломоносова подготовила иск с требованием частично возратить денежные средства, уплаченные ими за обучение в весеннем семестре 2019 – 2020 учебного года и осеннем семестре 2020 – 2021 учебного года. Обучающиеся настаивали на том, что форма дистанционного обучения не является очной и были намерены изменить условия договора с вузом. Данный спор удалось урегулировать в досудебном порядке, что на наш взгляд подтверждает слабость позиции учащихся и очевидную бесперспективность подобного искового заявления.

Говорить о сложившейся практике применения норм, возникших в результате подобного экстраординарного правового регулирования, на данный момент слишком рано, однако тенденция на поддержку и

признание обоснованными различными ограничительных мер со стороны правоприменителя однозначно присутствует.

На данный факт указывает и позиция Конституционного суда Российской Федерации. Рассмотрев дело о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Московской области»¹, Конституционный суд указал, что введение тех или иных ограничений, обусловленных распространением опасного заболевания не является нарушением Конституции Российской Федерации, поскольку она позволяет ограничивать права и свободы с целью защиты жизни и здоровья граждан².

Контрольные задания

1. Составьте опорную схему «Основные нормативные правовые акты, касающиеся регулирования общественных отношений в период чрезвычайных ситуаций».
2. Опишите характер и роль медицинских предписаний в чрезвычайных условиях.
3. Охарактеризуйте особенности судебной практики по делам, рассматриваемым в период экстраординарного правового регулирования.
4. Напишите эссе на тему «Законодательные инициативы и явления общественной жизни, возникшие в период борьбы с пандемией коронавируса, внедренные в механизм обычного правового регулирования и общественную жизнь».

¹ Постановление Губернатора Московской области от 12.03.2020 № 108-ПГ. - [Электронный ресурс]. - URL: <https://mosreg.ru/> (дата обращения 07.12.2021).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.12.2020 № 49-П от 25.12.2020 - [Электронный ресурс]. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012290002> (дата обращения 04.12.2021)

Раздел 3. ЮРИДИЧЕСКИЙ КОМПЛАЕНС: ТЕОРИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Тема 1. Введение в юридический комплаенс

Государство и право – в целом, эффективные инструменты обеспечения жизни человека и человечества в условиях производящей экономики, с момента ее возникновения и по сей день. Общество - равновесная система отношений и институтов на которую воздействует множество факторов, которые могут нарушить равновесие данной системы. В целом, общественная система, как показывает историческая ретроспектива, достаточно устойчива и имеет ряд механизмов, обеспечивающих эту устойчивость. Среди названных механизмов наиболее проявленным, выступает механизм соответствия обеспечивающий равновесие в обществе: между уровнем развития производительных сил и производственных отношений; между государством и правом; между деянием и воздаянием за него, и т.д. Элементом равновесия в обществе и механизма соответствия обеспечивающего равновесие, выступает явление справедливости как понятия о должном - содержащее в себе требование соответствия прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания, соответствия роли различных социальных слоёв, групп и индивидов в жизни общества и их социального положения в нём .

Анализ смысловых контекстов проявлений механизмов обеспечения устойчивого существования общества, позволяет заключить, что в государственно-организованном обществе рассматриваемые механизмы имеют правовой характер. В западной правовой традиции данные механизмы получили наименование «комплаенс».

Согласно справочной литературе комплаенс (от английского термина «compliance»— согласие, соответствие) - представляет собой соответствие каким-либо внутренним или внешним требованиям, или нормам .

Из данной дефиниции следует, что комплаенс широкое, универсальное средство обеспечения различного рода соответствий в государственно-организованном обществе. Тем не менее, смысловая

нагрузка данного термина изначально касалась, прежде всего экономической сферы общественных отношений, опосредованных правовыми и корпоративными нормами.

Считается, что комплаенс как самостоятельный инструмент контроля соответствия в деятельности крупных корпораций действующему законодательству. Инициирован данный инструмент как средство преодоления коррупции. Первым шагом на пути формирования комплаенса стал Закон о зарубежной коррупции. Стремление транснациональных компаний на рынок США легальным путем стало фундаментом для создания системы внутреннего контроля и реформированию локальных актов корпораций. В результате, в 1992 году были созданы Общие правила организации внутреннего контроля, которые фактически и ввели комплаенс в оборот. В дальнейшем часть стран закрепили данный опыт в своем законодательстве, обязав компании создавать службы внутреннего контроля.

В Россию комплаенс пришел вместе с крупными компаниями, которые стали открывать дочерние фирмы по образу и подобию материнских, в том числе с использованием уже отработанной системы внутреннего контроля и шаблонных локальных актов. Однако иностранный стандарт комплаенса не нашел полной поддержки как у бизнеса, так и у государства.

В дальнейшем данное понятие начало применяться в различных сферах: риск-менеджменте, юриспруденции, экономике. При этом не было единства в определении, функциях, а также в сферах применения. Родившись как ответ частных организаций на санкции государств, комплаенс начал активно развиваться в различных направлениях, количество которых с каждым годом растет. Тем не менее, мы считаем, что данное явление в большей степени релевантно юриспруденции, однако для этого необходимо рассмотреть иные подходы.

Чаще всего, в научной литературе, встречается понятие «комплаенс» данное Ю. Бондаренко - это важная часть корпоративной культуры, выполнение которой связано с активным исполнением сотрудниками своих должностных обязанностей и которое соответствует стандартам законности и добросовестности. В дальнейшем, оно раскрывается применительно к экономике, управлению или риск менеджменту.

Так, А.П. Шихвердиев и Н.А. Оганезова рассматривает «комплаенс» как эффективный инструмент минимизации комплаенс-рисков.

Это обязательная составляющая внутреннего контроля, являющаяся частью аудита. Они рассматривают комплаенс как систему управления организацией, необходимая для формирования эффективного саморегулируемого микроэкономического субъекта. Они рассматривают его как важный современный элемент менеджмента организации.

Ч.Ф. Ахуньянова рассматривает комплаенс как необходимая защита от финансовых и репутационных потерь компании. В основном он применяется для внутреннего контроля организации на соответствие требованиям налогового, банковского, антимонопольного, трудового законодательства. Однако факультативно, комплаенс необходим для формирования имиджа фирмы, повышения доверия покупателей, инвесторов, партнеров, других организаций и т. д.

Ж.А. Кеворкова и Н.Г. Сапожникова в своей работе анализируют комплаенс как форму внутреннего контроля экономического субъекта. По их мнению, это бизнес-процесс, который необходим для минимизации возможных рисков организации, приводящих как к финансовым, так и репутационным потерям. Авторы считают, что комплаенс - это система управленческих решений, необходим для построения современной экономически успешной организации.

При этом, все вышеописанные авторы, подмечают двойственную природу комплаенс: юридическую и этическую. Первая связана с тем, что организации самостоятельно стремятся к соответствию требованиям законодательства, с целью минимизации возможных штрафов или привлечения к административной ответственности. Этическая природа привязан к имиджу компании внутреннему и внешнему. Здоровая корпоративная культура, позволяет стимулировать развитие и рост, сотрудники мотивированы и эффективно выполняют поставленные задачи, а руководство ведет открытую финансовую политику. Внешний имидж привлекает клиентов, дает возможность диалога с государственными структурами на возможность налоговых преференций, грантовой поддержки и позволяет привлекать инвесторов. Однако этическая природа формируется частично с помощью правовых способов в том числе.

Раскрывает общую природу явления определение «комплаенса» в психиатрии – это добровольное соблюдение пациентом, предписанное лечение и адекватность соблюдения врачебных рекомендаций. В.П. Соколов и Белокрылов И.В в своей статье раскрывают основные

проблемы комплаенса в психиатрии и обозначают его особую необходимость для повышения уровня ремиссии пациентов. В условиях смещения психиатрической помощи в амбулаторный сектор, повышается и личная ответственность пациента, за соблюдение всех предписанных требований.

Комплаенс в праве связывают с предпринимательским сектором, так как первоначально оно возникло в крупных предприятиях. В юридической доктрине поэтому, не сложилось единого мнения о понятии «комплаенс», так как разные авторы делали акценты на отдельные элементы комплексного явления.

Д.В. Малыхин определяет комплаенс – как возможность предпринимателя действовать в соответствии с государственными требованиями, с целью предотвращения их нарушения. Ж.Б. Иванова пишет о комплаенсе, как о соблюдении субъектом предпринимательской деятельности нормативных правовых актов, в свою очередь Н.В. Рубцова рассматривает данное явление как комплекс мер, осуществляемых юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, с целью предотвращения нарушения интересов государства, а также улучшения экономического положения хозяйствующего субъекта.

В законодательстве России комплаенс затрагивается лишь в отдельных актах. Впервые о нем было сказано в указании Банка России от 07.07.1999 № 603-У, которое и ввело обязательный внутренний контроль финансовыми организациями. В Федеральном законе от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» указываются отдельные элементы комплаенса без закрепления легального определения. Также, упоминание данного явления можно найти в Указе Президента РФ, посвященном государственной политике в сфере развития конкуренции. Кроме того, некоторые существенные характеристики данного явления отражены еще в ряде правовых актов.

Анализ названных правовых актов позволяет заключить, что содержательно комплаенс рассматривается как вариант внутреннего контроля и внутреннего аудита различных организациях, при этом текстуальные различия в законодательном содержании данных явлений минимальны. Например, в соответствии со статьей 14 Федеральный закон «Об организованных торгах» организатор торговли обязан организовать и осуществлять внутренний контроль и внутренний аудит.

Содержание внутреннего контроля и внутреннего аудита выходит за рамки закона и относится к компетенции Банка России.

Более или менее, вносит ясность в соотношении контроля и аудита Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации». В данном правовом акте осуществление контроля и аудита предусмотрено различными статьями ст. 28.1 (внутренний контроль) и ст. 28.2 (внутренний аудит). Анализ содержания данных статей свидетельствует по существу, о близости и взаимопроникновении данных процедур, об этом свидетельствует, хотя бы тот факт, что согласно ч.1 ст. 6.1 названного акта внутренний аудитор, служба внутреннего аудита проверяют и обеспечивают эффективность функционирования системы внутреннего контроля страховщика. Иными словами, согласно приведенной в пример нормы, внутренний контроль подконтролен внутреннему аудиту, следовательно, аудит - это контроль за контролем, и контроль - это часть аудита.

Представляется, что рассмотренное нормативное установление не, бесспорно. Согласно справочной литературе «аудит» - это независимая проверка бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности. Контроль – это наблюдение за состоянием управляемой системы, с целью ее оптимального функционирования. Следовательно, словарная интерпретация данных терминов говорит о том, что контроль явление более широкое, нежели аудит.

Во-первых, аудит, это как правило, финансовый контроль, контроль – это общий мониторинг деятельности организаций.

Во-вторых, аудит, это, как правило, дискретные мероприятия, проводимые с определенной периодичностью, а контроль может быть постоянным.

В-третьих, аудит - это проверка деятельности компании на предмет адекватного порядка ведения бухгалтерского учета, хозяйственной деятельности и финансовых операций, полноты и верности отражения показателей деятельности предприятий. Контроль - это универсальный инструмент обеспечения соответствия деятельности организации

Таким образом, содержание понятия «контроль» шире содержания понятия «аудит» и в большей степени корреспондирует содержанию понятия «комплаенс».

На основании рассмотренных выше определений и элементов законодательного закрепления понятия комплаенс, можно выделить ключевые признаки и сформировать общее определение понятия «юридический комплаенс».

Прежде всего, следует отметить что комплаенс – межотраслевое явление и, следовательно, его понятие имеет общие и специфические черты, присущие различным наукам и отраслям деятельности. Например, анализируя медицинский смысл термина, можно сказать, что существует дуализм комплаенса. Он состоит из двух взаимосвязанных явлений: соответствие нормативным указаниям и внутренние установки. В случае психиатрии – это требования врача и собственные действия пациента. Если обратиться к риск-менеджменту, то – это экономические или юридические требования и уровень корпоративной культуры. В юриспруденции – это наличие законодательных предписаний и правосознание субъекта.

Во-вторых, комплаенс представляет собой систему, то есть он состоит из взаимосвязанных внутренних и внешних элементов, которые должны быть четко сформированы и не вступать в противоречие. Если брать корпоративное право, то закрепленный кодекс этики, а также регулярное выполнение всеми субъектами своих должностных обязанностей и будет той самой системой.

В-третьих, определенность установленных требований. Субъект должен четко представлять то поведение, которое от него требуется. В случае с комплаенсом в контроле – это соответствие внутренней хозяйственной деятельности компании с установленными экономическими или правовыми требованиями.

В-четвертых, конкретность совершаемых действий. Комплаенс подразумевает активное следование субъектами закрепленных предписаний. Воздержание от каких – либо негативных действий и есть следствие не качественного комплаенса.

В экономике и управлении комплаенс разделен на две составные части: юридическую и этическую, как было сказано ранее. Однако мы с таким подходом не согласны, так как в определенных случаях, именно с помощью правовых инструментов можно воздействовать на сотрудников с целью формирования у них внутренней обязанности соблюдать законодательство.

Невозможно определить конкретную отрасль в которой применяется комплаенс, так как его инструменты можно найти в каждой. Конструкция, согласно которой если субъект соответствует установленным требованиям, то получает определенную выгоду (пусть даже она нематериальна), широко применяется в законодательстве. При этом стоит отметить, что комплаенс – это инструмент достижения цели, которые в полной мере раскрывается в том числе и в правовом регулировании.

С учетом, указанных обстоятельств, представляется, что «юридический комплаенс» – это отраженная в законодательстве система норм, действий и процедур обязательных правовых установок, обеспечивающих соответствие общественных отношений установленным правовым и основанных на них неправовым предписаниям. С целью обеспечения равновесия социальной системы и поддержания ее жизнедеятельности.

Субъектом комплаенса может быть любой участник правовых отношений, что расширяет границы применения этого явления и позволяет адаптировать под любую отрасль права. Наличие смежности с другими науками позволяет воспользоваться существующим инструментарием и имплементировать их максимально эффективно в юридическую сферу.

Тема 2. Техника экспертизы текста: юрислингвистический аспект комплаенса

Язык является универсальным средством общения: именно он интегрирует коммуникативное пространство человека и социума. Можно утверждать, что «язык решающим образом участвует в мысли, действии и социальных отношениях».¹ Деятельность людей в процессе общения осуществляется, в основном, посредством текста.

Текст (от лат. *textus* – *ткань, сплетение, соединение*) – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность,² – система, коммуникативная по своей сущности. Одной из важнейших категорий текста выступает его информативность, т.е. «способность» передавать самую разнообразную информацию. В связи с этим текст является объектом и предметом исследования многих гуманитарных наук: как объект исследования он выступает в своей коммуникативной сущности; предметом исследования различных научных направлений является текст в его отношениях к системе языка, к субъектам высказывания, к праву и субъектам правоотношений и др.

Прежде всего, текст является «исходной реальностью», объектом и предметом исследования *лингвистики*³ – науки о языке. В ее рамках текст признаётся и единицей речевой коммуникации, и единицей высшего – синтаксического – уровня языковой системы. Этот «дуализм» текста определяет его как объект исследования и лингвистических, и междисциплинарных наук. В лингвистической теории он [текст] представляется предметом в системе своих сущностных свойств и категорий.

В настоящее время продолжается процесс концептуализации предмета исследования, и происходит это во многих случаях на

¹ Хомский Н. Язык и мышление. Монография. М.: Изд-во Московского университета, 1972. С. 132.

² Лингвистический энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 507.

³ Лингвистика (от лат. *lingua* – *язык*) – то же, что языкознание – наука о естественном человеческом языке вообще и о всех языках мира как его представителях (Лингвистический энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 267, 618).

«стыке» разделов языкознания, разных наук, в зонах пересечения различных отраслей знания – в междисциплинарных и комплексных исследованиях. Данный факт является отражением логики языкового бытия, о котором точно сказал О.Г. Винокур: «...Но занимаемся ли мы биографической, психологической или историко-литературной интерпретацией индивидуальных явлений языка,.. мы всякий раз выходим за пределы лингвистики и имеем дело с проблемами, которые не могут считаться принадлежащими собственно языковедению».¹

Одной из таких «заинтересованных» наук стала юридическая лингвистика, сложившаяся к концу 20 века на базе юриспруденции и языкознания.

Одним из главных объектов юридической лингвистики (юрислингвистики) является текст в его коммуникативной сущности, и, в отличие от других гуманитарных наук, рассматривающих текст тоже с позиций теории коммуникации (например, социолингвистика, психолингвистика, герменевтика и др.), предметом юрислингвистики выступает текст в его отношении к праву и субъектам правоотношений.

Эту относительно молодую науку интересуют самые разнообразные проблемы лингвоправового пространства: от порождения юридического текста, трансформаций в нём естественного языка и связанных с ними особенностей юридического стиля – до вовлечения в правовую сферу высказываний спорного характера, оказывающихся в центре внимания правоведов и лингвистов, когда речь идёт о безопасности государства (тексты экстремистско-террористической направленности) и защите прав личности (например, инвективные тексты).

Собственно-юридические тексты (законы, указы, постановления, нормативные инструкции и др.) реализуют интересы индивидов, общества и государства с помощью *языка права* и отличаются от иных текстов, попадающих в юридическую сферу, предписывающим характером, признаком долженствования, т.е. *модальностью*: языковые единицы нормативных текстов имеют модальные компоненты значений *'нужно', 'должно', 'необходимо'*, что является основным средством выражения императивной сущности языка права. Юрислингвисты определяют это свойство как важнейшую функцию языка права – функцию долженствования.

¹ Винокур О.Г. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. С. 129.

Таким образом, право, основной функцией которого является регулирование общественных отношений путём установления позитивных правил поведения, через язык воздействует на сознание и поведение людей, побуждая их вести себя должным образом.

Наряду с модальностью текст правовых документов как предмет юрислингвистики обладает и другими существенными признаками: *своеобразное языковое выражение, определённая организация* (структура), *специальные принципы и правила создания*, конструирования и выражения. Всё это рассматривается в рамках правотворческой техники – техники «письма» закона, а также напрямую связано с интерпретацией текста закона. Следовательно, язык в этих ситуациях выступает как «инструмент» создания и понимания нормативного правового документа. Данными вопросами занимаются такие современные исследователи, как В.М. Баранов, Н.Д. Голев, Н.А. Власенко и др.

Юридические тексты имеют важное значение в нашей жизни, в жизни правового государства и являются «неотъемлемым элементом правовой и языковой культуры общества».¹

Итак, юридический текст является основной, важнейшей формой выражения права и в этом качестве выступает как объект и предмет юрислингвистики. В этом же качестве в процессе правотворческой практики текст становится объектом и предметом исследования юрислингвистической экспертизы нормативных правовых актов. Так, на федеральном уровне с апреля 1994 года отделом лингвистической экспертизы законопроектов (структурным подразделением Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации) проводится лингвистическая экспертиза проектов нормативных правовых актов. В части 7 статьи 121 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации дается определение: «Лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических,

¹ Щербакова Л.П. Юридические тексты: Опыт грамматико-типологического описания: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2007. С.3.

редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов».¹

Необходимость подобной экспертизы обусловлена тем, что, к сожалению, по ряду причин объективного и субъективного характера качество языка современных нормативных правовых актов остается далеко от совершенства – зачастую не соответствует требованиям, предъявляемым к этому качеству.² Основными принципами построения текста нормативного акта были и остаются следующие: соответствие формы и содержания правовых понятий и норм («буквы и духа закона»), точный выбор терминов и единство терминологии на всех уровнях законодательства, доходчивость, простота и ясность изложения правового материала.

В результате кропотливой экспертной работы отдела лингвистической экспертизы законопроектов Правового управления Аппарата Государственной Думы РФ выявлены и систематизированы основные недочеты и ошибки в текстах законопроектов (по итогам этой работы были подготовлены Методические рекомендации Государственной Думы Федерального Собрания от 6 августа 2013 г. «По лингвистической экспертизе законопроектов»):

- одни и те же понятия имеют разные дефиниции (это один из самых распространенных недочетов в текстах нормативных правовых актов одного уровня или разных иерархических уровней нашего законодательства. Например, определения понятия *акционерное общество* не совпадают в Гражданском кодексе РФ и ст. 2 ФЗ «Об акционерных обществах»; в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах РФ даны разные определения термина *арест*; в ФЗ «Об охране природной окружающей среды» *государственные природные заповедники* определяются как «охраняемые законом природные комплексы», а в ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» это же понятие определяется как «научно-исследовательские и эколого-просветительные учреждения» и др.), т.е. отсутствует единство терминологии;

¹ Методические рекомендации Государственной Думы Федерального Собрания от 6 августа 2013 г. "По лингвистической экспертизе законопроектов" / Экспертный центр при Институте судебных экспертиз и криминалистики. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70363040/>

² См., например, А.С. Пиголкин Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968. С. 149.

- даются дефиниции понятий, которые не нуждаются в толковании по причине своей общеупотребительности и «общепонятности» (например, в ст. 1 Водного кодекса РФ определяется понятие *вода* – это «химическое соединение водорода и кислорода, существующее в жидком, твердом и газообразном состоянии»);

- встречаются опечатки, ошибки технического характера, приводящие к искажению смысла нормативного высказывания (например, в ч. 2 ст. 25 Закона «О правах потребителя» вместо слов *надлежащего качества* написано *ненадлежащего качества*, в результате чего выражение приобретает прямо противоположный смысл) и др.¹

В процессе правореализующей практики в сфере юрислингвистических исследований оказываются и тексты неюридического содержания – в ситуациях, когда язык становится средством применения закона, объектом и предметом экспертной деятельности. Спорные тексты требуют комплексного решения экспертных задач в процессе анализа по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также о преступлениях экстремистской направленности. Если правонарушения такого рода совершаются посредством речи, устной или письменной, то *corpus delicti* [«состав преступления»] содержится в самом тексте: «никаких других источников доказательств по делам этой категории быть не может... всё в тексте».²

Ввиду демократизации и либерализации общества обострилась проблема использования инвективной (оскорбительной) лексики. Бранная лексика очень подвижна в своем составе, поэтому только юрислингвистическая экспертиза (анализ специалистами контекста или конкретной ситуации) поможет в трактовке эмоционально-экспрессивной окраски высказываний, ставших основаниями исков в защиту чести, достоинства и деловой репутации.

Юрислингвисты характеризуют речевой акт (устное или письменное высказывание) как оскорбление при наличии следующих признаков:

¹ См. *Исаков В.Б.* Язык права / В.Б. Исаков // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр.; под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. С. 65-80.

² См. Актуальные проблемы права и СМИ: Материалы Первой российско-американской конференции / Под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. Центр «Право и средства массовой информации». Серия «Журналистика и право». Выпуск 7. М.: Право и СМИ, 1997.

- 1) негативный характер высказывания;
- 2) его отнесенность к определенному лицу;
- 3) публичный характер;
- 4) нарушение норм морали;
- 5) неприличная форма;
- 6) негативная характеристика адресата является обобщенной;
- 7) наличие умысла на оскорбление.

Руководствуясь данными признаками, мы давали юрислингвистические заключения по запросам городской и военной прокуратуры. Например, при ответе на вопрос «Носят ли оскорбительный характер нецензурные выражения (см. Объяснение Иванова Н.В.), употребленные Сидоровой В.Б. в общественном месте в присутствии свидетелей в отношении лица (Иванова Н.В.), считающего себя оскорбленным подобными выражениями?» был проведен следующий анализ.

В представленных в объяснении Иванова Н.В. выражениях имеет место и негативный характер высказывания, и публичный характер (описанные действия происходили в клубе воинской части в присутствии свидетелей), и отнесенность к определенному лицу, и неприличная форма, и обобщенность характеристики адресата. О наличии умысла на оскорбление говорить затруднительно, поскольку экспертам неизвестен более широкий контекст и предшествующие описанной ситуации обстоятельства.

Однако в данном случае присутствует обязательный признак оскорбления – неприличная форма высказывания. Под неприличной формой понимается унижение чести и достоинства в степени, резко противоречащей общепринятым правилам общения между людьми, требованиям общечеловеческой морали. Форму речевого акта как неприличную определяют на основании двух критериев – субъективного и объективного.

Субъективный фактор предполагает, что потерпевший сам посчитал себя униженным и оценивает совершенные в отношении него действия отрицательно. Этот критерий в анализируемой ситуации наличен, так как Иванов Н.В. решил урегулировать разногласия с субъектом оскорбления в порядке административного производства (просит привлечь Сидорову В.Б. к административной ответственности по ст.5.61 КоАП РФ за оскорбление).

Объективный критерий является основополагающим. Он заключается в диагностировании неприличной формы речевого акта, т.е. в оценке действий с позиции их объективного несоответствия принятым в обществе моральным нормам. При этом использования ненормативной лексики достаточно для того, чтобы считать форму высказывания неприличной. Нецензурные выражения (а именно они имели место в высказываниях Сидоровой В.Б.) составляют ядро ненормативной лексики. О ненормативном характере подобных выражений свидетельствует их отсутствие не только в академических словарях, но и в словарях субстандартной (сниженной) и обценной лексики.

Следовательно, оба критерия, субъективный и объективный, позволяют определить форму высказываний Сидоровой В.Б. как неприличную, что является главным и обязательным признаком оскорбления.

Работая над заключением по другому запросу, мы пришли к выводу об отсутствии признаков оскорбления в представленном для анализа материале. Вопрос экспертам был сформулирован следующим образом: «Носит ли оскорбительный характер слово «дура», употребленное в SMS-переписке, в отношении лица, считающего себя оскорбленным подобным выражением?»

Слово «дура» в академических словарях (например, С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 2005. С. 156) в первом своем значении – «глупый человек» – представлено с пометой «разг.», т.е. «разговорное». А для признания лексического средства (в данном случае слова «дура») оскорбительным достаточно, по мнению специалистов, того, чтобы в словарях при данном слове были соответствующие пометы: бранное, грубое, вульгарное/обесценное, нецензурное. Следовательно, анализируемое слово не носит оскорбительного характера.

Кроме того, контекст и ситуация речи не содержат некоторых признаков (они перечислены выше), которые юрислингвистами толкуются как атрибуты оскорбления. В представленном выражении отсутствует и публичный характер, и неприличная форма – обязательный признак оскорбления. Неприличная форма, в свою очередь, предполагает употребление ненормативной, резко сниженной лексики, о чем говорит отсутствие подобных слов в словарях либо соответствующие пометы при них. Следовательно, слово «дура» в представленной ситуации не носит оскорбительного характера.

Юрислингвистическая экспертиза текстов предположительно экстремистского характера является основным способом доказывания в делах о преступлениях экстремистско-террористической направленности.

В процессе данного исследования выявлено определенное отношение автора авторов к предметам речи – обязательный компонент «экстремистских» значений, и значения эти в анализируемых высказываниях не нейтральны.

Здесь, во-первых, прослеживается эмоциональное негативное отношение к предметам речи «кавказцы» и «евреи»: «любить кавказцев нереально», «сожжем в печи их, как евреев» – ярко выраженное враждебное отношение эксплицируется с помощью лексемы «нереально», имеющей значение модальной оценки невозможности и недопустимости, и открытого призыва к насильственным действиям.

Во-вторых, в представленном поликодовом тексте выражается позитивное отношение к скрытому предмету речи – *Гитлеру*, его идеологии расизма и политике геноцида, о чем свидетельствуют вербальные и невербальные компоненты текста: надпись на третьей фотографии, следующей за портретом Гитлера на второй фотографии, «решил проблему гениально» (найденное автором/авторами решение, заимствованное у Гитлера, является «гениальным»), а также изображение печи для сожжения людей на четвертой фотографии и надписью «Сожжем в печи их, как евреев». Описанные средства свидетельствуют об оправдании указанного действия в отношении групп лиц (кавказцев и евреев): сжигание представителей враждебных народов в печи является «гениальным» решением, которое воплощал в действительность Гитлер.

В результате проведенного исследования речевых целей выявлено несколько речевых установок адресанта представленного для анализа поликодового текста: демонстрация убеждения в неполноценности групп лиц, объединяемых этнической принадлежностью («любить кавказцев нереально»); оправдание идей нацизма и фашизма, убеждение в их исключительности; побуждение к принятию мнения о необходимости насильственных действий в отношении указанных групп лиц и к совершению этих действий (призыв); убеждение аудитории в пра-

вильности и допустимости таких действий («решил проблему гениально»); информирование аудитории о том, как она должна действовать («сожжем в печи их, как евреев»).

Итак, в представленном поликодовом тексте в форме призыва говорится о насильственных действиях, направленных против групп лиц, объединяемых этнической принадлежностью, – кавказцев и евреев. Высказывание побудительного типа «Сожжем в печи их, как евреев» подтверждает нацеленность текста на формирование у адресата не только негативного (неприятного, враждебного) отношения к указанным группам лиц, но и намерения, готовности к совершению действий против них – насилию, физическому уничтожению.

Таким образом, юрислингвисты при проведении экспертизы нормативных правовых актов обязаны руководствоваться Методическими рекомендациями Государственной Думы Федерального Собрания «По лингвистической экспертизе законопроектов», а также опираться на разработанные фреймы (в нашем контексте это структуры, содержащие описание объекта в виде атрибутов и их значений) инвективности и экстремизма, которые должны стать содержательной базой рекомендаций по проведению юрислингвистической экспертизы для судебных органов. Реальным решением обозначенных проблем может быть создание алгоритмов экспертных (отчасти они уже разработаны) и судебных действий в этой сфере.

Тема 3. Обещание в праве как внешняя часть комплаенса

Один из способов межличностного общения – это взаимные обещания выполнить, какие-либо действия, передать вещь, воздержаться от действий, и т.д. Важность данных актов обусловлена необходимостью организации легкого и эффективного взаимодействия между субъектами общественных отношений. В юридической сфере отношений обещания играют еще более значительную роль. Не случайно спикер Государственной Думы Российской Федерации В. Володин выступил с законодательной инициативой – предложил юридически закрепить предвыборные обещания депутатов¹. Обещание, в справочной литературе – это выраженное внешне в устной (реже в письменной форме) заявление о намерении сделать что-либо или воздержаться от каких-либо действий². Иными словами, обещание – это способ привлечения интереса контрсубъекта общественного отношения, это, своего рода, анонс, реклама деяния (действия или бездействия), субъекта, заинтересованного в общении. В силу данного обстоятельства обещания не всегда реальны, и не всегда выполняются. Иногда обещание дается с лишь с целью получения определенной выгоды материального или идеального характера. Поэтому, думается, вполне суждения некоторых исследователей о том, что соблазн пообещать невыполнимое всегда был, есть и будет. И никто не в силах удержаться от этого соблазна³.

Обещание как одна из распространенных форм социальных связей находит отражение и в правовых отношениях. Обещания в правоотношениях как разновидности межличностного общения основанных на субъективных правах и юридических обязанностях, и проявляются внешне, в различных формах, в зависимости от предмета, метода правового регулирования, статуса участников правоотношений. При этом, обещание как способ взаимодействия в правоотношениях должно иметь юридическое оформление. То есть, иными словами, не всякое обещание имеет правовой характер, а лишь то обещание, которое публичной властью наделяется юридическими свойствами.

¹ В Госдуме предложили юридически закрепить предвыборные обещания депутатов. <http://duma.gov.ru/news/50852/> (обращение к ресурсу:01.03.2021).

² Обещание. Словари и энциклопедии на Академике. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2924/%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5>(обращение к ресурсу: 03.03.2021).

³ Бузиашвили Ю. Пустые обещания //Российская газета от 21.10.2020.

Для установления юридических свойств обещаний, обратимся прежде всего к истории. Представляется, что одним из первых своеобразных юридически значимых обещаний, выступала стипуляция в Римском частном праве. Стипуляция – это формальный абстрактный устный контракт, устанавливающий определенное обязательство, заключался в виде строгой словесной формулы в рамках которой инициатор заключения контракта спрашивает другую сторону обещает ли эта сторона выполнить какие-либо действия или передаст какую-либо вещь, в пользу инициатора контракта¹.

Представляется, что и в современном праве присутствуют элементы обещания в форме стипуляции в рамках консенсуальных договоров². Согласно действующему законодательству консенсуальные договоры заключаются посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной³. Думается, что принятие предложения представляет собой особый статус обещания в виде принятия на себя какого-либо обязательства. Так, например, по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется (см. обещает) по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги⁴.

Действительно, если обратиться к словарному значению понятия, обозначаемого термином «обязательство», то оно трактуется как разновидность обещания, обычно в письменной форме, требующее безусловного выполнения⁵. То есть, в определенной части между понятиями в общесоциальном смысле, выражающимися терминами «обязательство» и «обещание» можно поставить знак равенства.

¹ Стипуляция. Словари и энциклопедии на Академике. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18482> (обращение к ресурсу: 03.03.2021).

² Что такое реальный и консенсуальный договоры и чем они отличаются //СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу:03.03.2021).

³ Ч.2 ст.432 "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) //СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу:03.03.2021).

⁴Ч.1 ст. 779"Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) //СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу:03.03.2021).

⁵ Обязательство. //Oxford Languages and Google.<https://www.google.com/> (обращение к ресурсу: 03.03.2021).

Вместе с тем, юридическое понимание обязательства, отраженное в правовой доктрине и в нормах - дефинициях существенно отличается от общесоциального понимания обязательства. В науке обязательство интерпретируется как разновидность правоотношения в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенные действия¹. В статье 307 ГК РФ закрепляется легальная дефиниция «понятие обязательства», где фактически отсутствует сущностная характеристика обязательства, а лишь перечисляются последствия принятия на себя обязательства одной из сторон правоотношения: «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие..., а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности². Из приведенных примеров следует, что, традиционное юридическое мировоззрение «сводит» обязательство к обязанности.

В целом, не отвергая подобную позицию необходимо отметить ряд обстоятельств, которые обуславливают понимание обязательства.

Так, согласно Национальному стандарту Российской Федерации «Терминологическая работа» набор признаков³ предмета или явления, формирующих понятие образуют содержание понятия, а предметы входящие в качестве обособленной единицы в понятие составляют объем понятия. При этом, определение нужно комбинировать с термином записи (обозначающим определяемое понятие), размещаемым в начале записи, чтобы составить предложение: когда определяемое понятие обозначается существительным, предметом является обозначение, под связкой следует понимать слова "что, это значит", а определение завершает определение сказуемого (данная словесная конструкция

¹Обязательство//Большой юридический/словарь/А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, .Я. Сухарева. М.: Инфра-. 2003.

² Ч.1 ст. 307 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020)

³«свойства предмета или общие свойства группы схожих предметов абстрагируются как признаки, объединенные в группу, формирующую понятие». П.5.4.1 ГОСТ Р ИСО 704-2010 Национальный стандарт Российской Федерации Терминологическая работа. Принципы и методы. Правила применения настоящего стандарта установлены в статье 26 Федерального закона от 29 июня 2015 г. N 162-ФЗ "О стандартизации в Российской Федерации"// СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 26.01.2021).

выражает существенные стороны предмета)¹. Следовательно, норма-дефиниция ст.307 ГКРФ вместо определяемого понятия определяет последствия принятия на себя стороной обязательства, а не само обязательство. Доктринальное определение обязательства, в большей степени отвечает правилам формирования определений, но вместе с тем, определяя обязательство как правоотношение, тем самым необоснованно расширяет объем понятия.

Кроме того, рассмотрение обязательства как формы обязанности, также не совсем корректно. Обязанность – это то, что подлежит безусловному выполнению кем-либо², то есть, тоже своего рода следствие поведения лица обязанного вследствие обещания, правонарушения, имущественного обязательства, и т.д.

В связи с изложенными обстоятельствами, представляется, что общесоциальное определение обязательства как обещания, представляется, в большей степени, отвечает правилам формирования дефиниций. Иными словами, обещание в праве проявляется во многих договорных правоотношениях.

Кроме «проявления» обещаний в праве, в отечественном и зарубежном законодательстве имеются прямые указания на обещания в праве. Например, в Англии с 1638 года судами стал рассматриваться иск о нарушении обещания, с оговоркой, если сторона в результате невыполнения обещания понесла убытки³. Рассматриваемое правоотношение возникало, в основном, из обязательства вступить в брак. Данное обещание как самостоятельный вид юридического обязательства существует и в современном зарубежном законодательстве. Так, в семейном праве Германии имеется специальная норма «Помолвка» (Verlöbnis), где закрепляется, что помолвка это договор, по которому

¹ П.5.4.3; п. 6.2; 6.3.2. ГОСТ Р ИСО 704-2010 Национальный стандарт Российской Федерации Терминологическая работа. Принципы и методы. Правила применения настоящего стандарта установлены в статье 26 Федерального закона от 29 июня 2015 г. N 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 26.01.2021).

² Словари и энциклопедии на Академике <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/897510> (обращение к ресурсу: 03.03.2021).

³ См об этом подробнее: Коломиец А.И. Правовая природа арбитражного соглашения: вопросы доктрины и практики//Право и экономика, 2017, N 5 С.45- 54.

мужчина и женщина обещают вступить в брак друг с другом¹. В параграфе 45 Всеобщего Гражданского кодекса Австрии, также предусматривается юридическое обещание в виде помолвки². Сходные нормы имеются и в ряде правовых актов других европейских государств³.

В отечественном семейном законодательстве отсутствует юридическое обещание вступить в брак, но ряд исследователей уже внесли соответствующие предложения по дополнению семейного кодекса РФ. Например, П.А. Якушев считает, что современное российское законодательство не позволяет в должной мере защитить имущественные права добросовестной стороны при отказе другой стороны от заключения брака, в связи с чем предлагает закрепить юридические обещание вступить в брак⁴.

В качестве примера юридического обещания в международном праве можно привести Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) Согласно п. B58 данного правового акта, Обещание организации при предоставлении лицензии является по своему характеру обещанием предоставить право доступа к интеллектуальной собственности организации.

При этом выдвигаются два условия реализации данного юридического обещания:

- договор требует или покупатель обоснованно ожидает от организации осуществления деятельности, которая значительным образом влияет на интеллектуальную собственность, правами на которую располагает покупатель;

¹ Гражданское уложение Германии – Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz. Перевод с немецкого. В. Бергманн и др. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 422-423.

² Kodex des Österreichischen Rechts. Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch. Wien: LexisNexis, 2012. P. 13.

³ Например, В Гражданском законе Латвийской Республики помолвка – это взаимное обещание сочетаться браком (статья 26).// Подраздел первый «Помолвка» главы первой «Брак» части первой «Семейное право» Гражданского закона Латвийской республики 1937 года (утв. Законом Латвийской Республики 25.05.1993) // Электронный ресурс: http://www.pravo.lv/likumi/05_1_gz.html. Дата обращения 04.03.2021.

⁴ Якушев П.А. Обещание вступить в брак и последствия его невыполнения: пределы правового регулирования в России и странах Европы//Семейное и жилищное право №2 2017. С.22-25.

- права, предоставляемые лицензией, напрямую подвергают покупателя любому положительному или отрицательному влиянию осуществляемой организацией деятельности, идентифицированной идентифицируемой как обещание¹.

Прямое закрепление обещания в современном отечественном законодательстве отражается в статье 1055 Гражданского кодекса РФ, где отражается публичное обещание награды. В рамках данной нормы с одной стороны предоставляется право публично объявить о выплате денежного вознаграждения или иной награды (за правомерное действие), а с другой стороны, субъект, отозвавшийся на обещание вправе потребовать письменного подтверждения обещания².

Кроме того, в гражданском законодательстве прямо закрепляется обещание дарения, которое рассматривается в законе как обязательство безвозмездно передать кому-либо вещь или имущественное право либо освободить кого-либо от имущественной обязанности (п.ст.572 ГК РФ)³.

Приведенные примеры юридического оформления обещаний можно рассматривать как *позитивное юридическое обещание*, так как, в рассмотренных случаях, декларируются правомерные действия и с помощью обещания стимулируется правоактивное поведение.

Вместе с тем, в отечественном законодательстве можно проявить примеры и негативных юридических обещаний, которые носят противоправный характер, это различного рода угрозы. Так, в ч.1 ст. 119 УК РФ закреплен уголовно-правовой запрет на угрозу убийством или при-

¹ Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 15. Выручка по договорам с покупателями" (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 27.06.2016 N 98н) (ред. от 04.06.2018)// СПС «КонсультантПлюс» (Обращение к ресурсу: 10.03.2021).

² Ст. 1055 ГК РФ. //Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ(ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020)// СПС «КонсультантПлюс» (Обращение к ресурсу: 10.03.2021).

³ П.2 ст.572 ГК РФ. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020)

чинением тяжкого вреда здоровью, при этом сущность угрозы не раскрывается¹. Устанавливать дефиницию угрозы предлагается правоприменителям с помощью обзора судебной практики Верховного Суда РФ где, тем не менее, содержательно, угроза также не определяется, а лишь указывается, что угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью может осуществляться в любой, в том числе и невербальной форме².

В соответствии с 1.2. статьи 1252 ГК угроза рассматривается как вид действий которые могут причинить вред исключительным правам на результаты интеллектуальной деятельности³.

В правовых актах о Чрезвычайных ситуациях угрозы трактуются еще шире, так, судя по Положению об оперативном дежурстве в Минэнерго России, под угрозой возникновения перечисленных ситуаций понимаются явления (происшествия) природного, техногенного и противозаконного характера, которые потенциально могут привести к нарушению функционирования объектов ТЭК⁴.

Приведенные примеры из законодательства, закономерно, свидетельствуют о том, что понятие угрозы значительно объемнее понятия «обещания». Тем не менее, как представляется, частично они пересекаются, в части субъективных угроз. Думается, что противоправное обещание может проявляться как в вербальной форме в виде письменных ли устных высказываний, а также в виде действий или жестов,

¹ Ст. 119 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021)// СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу:10.03.2021).

² П.33 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3. 2017 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017)// СПС «КонсультантПлюс» (Обращение к ресурсу: 10.03.2021).

³Ст. 1252 ГК РФ. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.01.2021)// СПС «КонсультантПлюс» (Обращение к ресурсу: 10.03.2021).

⁴ П. 3 Положения об оперативном дежурстве в Минэнерго России, утв. Приказом Минэнерго России от 10.08.2015 N 555 «Об организации работы по оповещению руководства Минэнерго России о технологических нарушениях, авариях, актах незаконного вмешательства, нештатных ситуациях, чрезвычайных ситуациях или иных событиях на объектах топливно-энергетического комплекса, которые влияют или могут повлиять на их функционирование, а также об угрозе возникновения указанных ситуаций»././Что понимается под угрозой возникновения чрезвычайной ситуации? (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2021)// СПС «КонсультантПлюс» (Обращение к ресурсу: 10.03.2021).

направленных на противоправное психическое воздействие на участников правоотношений.

В целом, проведенное исследование позволяет проявить некоторые закономерности отражения обещаний в праве.

Во-первых, отражение в праве придает обещаниям юридический характер, в свою очередь, юридизация обещаний позволяет идентифицировать их как юридические обещания.

Во-вторых, юридизация обещаний осуществляется, как правило в форме непосредственного закрепления обещания в правовых нормах путем фиксации соответствующего термина и обозначаемого им содержания, и (или) путем логического проявления юридического обещания, на основании логики инициации правоотношений.

В-третьих, юридические обещания в зависимости их функции в правом регулировании проявляются как регулятивно-позитивные обещания, как правило в частном праве, как охранительно-негативные (противоправные) обещания, которые проявляются в охранительном законодательстве.

В-четвертых, и позитивные и негативные юридические обещания могут выступать в виде юридических фактов, иницирующих возникновение, изменение, прекращение регулятивных или правоохранительных правоотношений.

В-пятых, отраженные в праве юридические обещания в отдельных случаях приобретают вид гражданско-правового договора¹.

С учетом установленных закономерностей - **юридические обещания** – это отраженное в законодательстве выраженное внешне в вербальной, либо невербальной форме намерение совершить правомерное позитивное и неправомерно – противоправное деяние как правило образующее правовые последствия в виде установления, изменения или прекращения правоотношений.

Изложенными закономерностями и авторской дефиницией обосновывается необходимость корректировки законодательства, связанного с обещаниями.

Предлагаем часть 1 статьи 307 «Понятие обязательства» Гражданского кодекса Российской Федерации сформулировать в следующей редакции:

¹ В соответствии с п. 2 ст. 572 ГК РФ обещание дарения признается договором дарения.

«Обязательство» - это официально провозглашенное обещание субъекта гражданско-правовых правоотношений принять на себя обязанности по совершению в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности».

Предлагаем дополнить Семейный кодекс Российской Федерации статьей 10.1 следующего содержания:

«Статья 10.1. Юридическое обещание вступить в брак

Юридическое обещание вступить в брак (помолвка) – официально зарегистрированное в органах записи актов гражданского состояния соглашение в виде заявления об обещании вступить в брак.

Если лицо зарегистрировавшее обещание вступить в брак откажется от заключения брака, то оно обязано возместить реальный ущерб, понесенный другой стороной юридического обещания вступить в брак, за исключением, отказа от обещания вступить в брак, в связи правонарушениями участников соглашения, а также сокрытием обстоятельств, которые имеют существенное значение для заключения брака».

Практикум 1

Анализ оптимальной модели правового регулирования в целях действия комплаенса

Методические указания

На основе теоретических знаний **сформировать оптимальную модель воздействия на правосознание для успешного действия правовых норм** по теме выпускной квалификационной работы (ВКР) обучающихся.

Модель должна включать

1) **Комплекс мер информационно-идеологического воздействия** на правосознание с использованием методов аттракций, аддикций, страхов, а также норм морали, обычаев религиозных норм и иных социальных и несоциальных регуляторов.

2) **Предположительный психологический образ действия права** формируемый на основе информационно-идеологического воздействия.

3) **Предположительный предповеденческий образ действия права**, формируемый на основе информационно-идеологического и психологического воздействия. (перечень предположительно формируемых установок и готовности действовать в правовой сфере определенным образом.

Методико-теоретические материалы

Правосознание -это одна из форм общественного сознания, представляющая собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права. То есть это субъективное восприятие правовых явлений людьми.

Будучи специфической формой сознания, правосознание имеет свой особый предмет отражения и объект воздействия. Предметом отражения правосознания являются общественные отношения, требующие правильного регулирования, само право, его функционирование, поступки людей в сфере права, а также правовые явления, возникающие в связи с действием правовых норм. Причем спецификой восприятия является то, что оно происходит на фоне сложившихся в обществе правовых реалий, на основе действующих юридических понятий о правах и обязанностях членов общества и т. п.

Правосознание не только отражает юридическую действительность, поведение людей в сфере права, но и участвует в регулировании поведения, а также в определении тех отношений, которые объективно нуждаются в правовой регламентации.

Структура правосознания: 1) *правовая психология* – совокупность правовых чувств, эмоций, настроений, переживаний людей, возникающих в результате их оценочного отношения к праву и практике его реализации, законности, системе правовых учреждений и др. Формируется в результате непосредственного влияния окружающей индивида правовой реальности и является первой, начальной эмпирической ступенью правосознания. 2) *правовая идеология* – совокупность юри-

дических идей, теорий, взглядов, принципов, кот. в концентрированном, систематизированном виде отражает правовую реальность. Правовая идеология – результат абстрактного мышления.

Ведущие идеи в правовой идеологии: - неотъемлемость прав и свобод чел; - закон – акт высшей юрой силы; - законности; - охрана права гос-ом и связанность самого гос-ва правом;

Виды правосознания: 1) *уровень:* - общественное (массовое) – включает в себя правовые взгляды, идеи и теории, которые отражают типичные свойства правовой действительности общества; - групповое – прежде чем общественное сознание проникает в разум отдельного чел., оно становится сознанием определенной группы людей; - индивидуальное – становится результатом усвоения группового и общественного правосознания на основе личного опыта чел.;

2) *адекватность оценки правовой действительности:* - обыденное – определяется личным правовым опытом чел., его представления о тех или иных жизненных ситуациях, связанных с правом; - профессиональное (юристы) – складывается в ходе спец-ой подготовки, в процессе осуществления практической юридической деятельности; - теоретическое – характерно для исследователей, научных работников, занимающихся вопросами правового регулирования общественных отношений;

3) *в зависимости от характера правовой зависимости:* - правовая идеология – представляет собой совокупность идей, концепций, взглядов, представлений, принципов, кот. в общем, виде отражают и оценивают правовую действительность; - правовая психология – совокупность чувств, привычек, настроений, стереотипов поведения, в кот. выражается эмоционально- психологическое отношение социальных групп, коллективов, и т.д.

Практикум 2

Формирование концептуальной модели влияния неправовых социальных и несоциальных регуляторов на действие права

Методические указания

Необходимо создать концептуальную модель влияния неправовых социальных и несоциальных регуляторов на действие права на отношения в рамках ВКР обучающихся.

Действие права с учетом влияния иных социальных и несоциальных регуляторов — это та цепочка взаимодействия социальных и несоциальных факторов, с помощью которых содержание конкретной правовой нормы воплощается в соответствующем этому содержанию правовом поведении людей.

Право действует под влиянием иных регуляторов не само по себе, действуют люди, мотивированные всеми регуляторами, влияющими на их поведение — в конечном счете, в соответствии с правом или нарушая его.

Концепция (от лат. conceptio «система понимания»): комплекс взглядов на что-либо, связанных между собой и образующих взаимосвязанную систему; определённый способ понимания, трактовки каких-либо явлений; основная точка зрения, руководящая идея для их освещения.

Структура концепции влияния иных неправовых регуляторов на действие права

1. *Основные* понятия и категории, отражаемые в концепции (концепция, действие права, иные социальные и несоциальные регуляторы, и т.д.)

2. *Отношения*, на которые будет действовать право под влиянием иных регуляторов, либо предмет регулирования действия права (например, информационная безопасность, охрана здоровья). Сразу надо пояснить, о чем будет идти речь, для того чтобы в дальнейшем не было двусмысленности (определить, что такое информационная безопасность, что понимается под охраной здоровья и т. п.).

3. *Влияние иных регуляторов на разные уровни действие права.* Они могут быть разноуровневые: главные, или конечные, и промежуточные. Важно, чтобы они были взаимосвязаны. Допустим, главная цель действия права на охрану здоровья — увеличение продолжительности жизни населения. Но есть и другая цель — обеспечение качества жизни людей с точки зрения их физического состояния.

Необходимо учитывать направления влияния иных регуляторов направо в контексте влияние на поведение участников правоотношений в виде: *побуждений, понуждений, принуждений, позитивного стимулирования.*

4. *Структура взаимосвязей влияния иных регуляторов на действие права.* Возможно, она будет слишком общей, и в ней будут отражаться только разделы с кратким изложением их содержания.

5. *Доказательства влияния иных регуляторов на действие права.* Здесь требуется выстроить целую сеть различных аргументов и обосновать, что право действует тем, или иным образом под воздействием иных неправовых регуляторов. Доводы могут касаться различных сфер ВКР.

6. *Выводы и предложения в правовую науку, и юридическую практику (законодательство, реализацию права).*

При формировании концепции

Необходимо учитывать направления влияния иных регуляторов направо в контексте влияние на поведение участников правоотношений в виде *побуждений, понуждений, принуждений, позитивного стимулирования.*

Побуждение — такой метод социального регулирования, когда воздействие обращено к общественному или индивидуальному сознанию, к общественной или личной психологии (чувствам, привычкам, словом, к эмоциям). Воздействие представляет собой убеждение в полезности, выгоды определенного поведения, организации и характере социальных связей, распределении и осуществлении тех или иных социальных ролей. Насилие, принуждение отсутствуют, действует авторитет (сила авторитета, а не авторитет силы). Такой метод был весьма распространен в регулятивных системах первобытного общества, в тех раннеклассовых и последующих обществах, где не было

накала классовой, национальной борьбы, где общество объединяли общенациональные ценности, идеалы.

Понуждение — такой метод регулирования, когда в основе воздействия лежит стимулирование, главным образом материальное, установленная материальная или иная выгода определяет социально-необходимое, желаемое поведение. Социальное регулирование основывается либо на поощрении в разных формах за соответствующее поведение, либо на лишении соответствующих имущественных благ, привилегий, выгодных условий жизнедеятельности.

Принуждение — это способ воздействия, когда социально необходимое или желаемое поведение достигается, обеспечивается возможностью применения насилия, причинения лицам, отклоняющимся от установленных правил поведения, физических или психических страданий. То или иное состояние общества при этом методе регулирования достигается возможностью (угрозой) государственного или общественного принуждения, а в необходимых случаях и реализацией этой угрозы.

Позитивное стимулирование - способ воздействия на поведение путем установления определенных предпочтений и других материальных и нематериальных благ для реализации желаемого поведения со стороны субъектов регулирования.

Практикум 3

Создание эффективной комплаенс-системы и анализ всех правовых рисков

Методические указания

С учетом сложностей, возникающих в процессе создания комплаенс-систем, требуется создание предварительной оценки рисков активных, а также определить выгоду от интеграции комплаенс-системы.

Риск как возможность наступления неблагоприятных последствий, существует в любом действии любого лица, однако для правомерного поведения физического лица или снижения негативных действий предприятий, необходимо понимать какие правовые риски устойчивы в своей вероятности.

Пример комплаенс-анализа

Как пример, фирма, занимающаяся транспортировкой медицинских отходов, регулярно получает штраф от «Центр гигиены и эпидемиологии» за нарушение герметичности контейнеров. При правовой оценке выясняется, что вторичность использования тары для перевозки вызвано регулярными срывами со стороны контрагентов при крупных заказах, в то время несколько мелких они доставляют в срок. С одной стороны, увеличение потребности поиска новых небольших контрагентов, с другой отказ нескольких из них не вызовет разового коллапса и может с меньшей вероятности привести к негативным последствиям.

Материалы

В рамках подготовки практического задания, студент должен изучить следующий нормативный материал:

- ГОСТ Р ИСО 31000-2019 «Менеджмент риска. Принципы и руководство»;
- ГОСТ Р ИСО/МЭК 31010-2011 «Менеджмент риска. Методы оценки риска»;
- ГОСТ Р 51897-2011 «Менеджмент риска. Термины и определения».
- Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции».
- Разъяснение ФАС России от 02.07.2021 № 20 «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 02.07.2021 № 4)

На основе данных актов необходимо предложить собственную комплаенс-систему предприятию, с предварительной оценкой возможных правовых рисков и преимущества интеграции подобной системы. Комплаенс-система должна состоять из:

- Внутреннего акта, устанавливающего основные понятия, направления деятельности, принципы, взаимосвязь локальных актов и учреждение отдельной должности
- Должностной инструкции ответственного за комплаенс-контроль предприятия и оценку правового риска

- Кодекса этики сотрудников, включающего в себя следования основным правилам компании, закрепление её миссии и принципам соблюдения закона

- Свод комплаенс-рисков для сферы деятельности предприятия (включая возможные убытки из – за просрочки контрагентов и форс-мажорных обстоятельств)

- Кодекс этики руководства. Дополнительные правила нужны по причине особого статуса и наличия специальных норм административного и уголовного права.

Подготовленная комплаенс-система будет оценивать на предмет проработанности юридической техники, применимости, целесообразности и гибкости в части реагирования на различные риски.

ИТОГОВЫЕ КОНТРОЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Дайте периодизацию «цифровизации права».
2. Проанализируйте основные нормативные правовые акты в сфере цифровизации
3. Цифровизация права и экономики
4. Признаки цифровизации права
5. Цифровизация права и право цифровизации
6. Цифровой правовой акт
7. Цифровое право – подходы к пониманию
8. Теоретическая модель цифровых правоотношений
9. Цифровизация правоотношений: субъект, объект и юридический факт
10. Цифровое правосознание и цифровая правовая культура
11. Цифровое образование: новые компетенции юристов
12. Юридическая техника цифровизации права
13. Цифровизация частного права
14. Цифровизация публичного права
15. Перспективы цифровизации
16. Блокчейн как новая платформа цифровизации
17. Киберпространство и цифровое пространство
18. Проблема аутентификации субъекта цифрового права
19. Территория цифрового правового регулирования
20. Чрезвычайное правовое регулирование
21. Правовой риск: понятие, принципы
22. Правовой риск: подходы к оценке вероятности
23. Правовой риск: прогностическая функция законодательства
24. Юрислингвистический анализ законодательства
25. Машиночитаемое право
26. Юридическая техника и правовые алгоритмы
27. Юридический комплаенс: понятие и признаки
28. Категория «должная осмотрительность» как часть юридического комплаенса
29. Внутреннее соответствие и внешняя обязанность как элементы юридического комплаенса
30. Комплаенс-контроль: понятие и практическое применение
31. Комплаенс-контроль: обязательные элементы

32. Влияние юридического комплаенса на правосознание
33. Цифровизация права и юридический комплаенс
34. Пользовательское соглашение как элемент юридического комплаенса
35. Оценка правовых комплаенс – рисков
36. Смарт-контракт как элемент юридического комплаенса
37. Особенности юридического комплаенса частного и публичного права
38. Юридическая техника цифрового комплаенса
39. Цифровой юридический комплаенс: теория и практика

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные материалы в учебном пособии представляются актуальными для профессиональной подготовки будущих юристов. Изучение сущности проблем цифровизации права и юридического комплаенса юридической техники на теоретическом уровне, их практическое воплощение в предлагаемых заданиях позволяет сформировать достаточно высокий уровень правосознания, который является важным условием формирования профессионала-юриста способного осуществлять деятельность по разработке и реализации правовых норм, обеспечению законности и правопорядка, квалифицированному проведению научных исследований в области права, и др.

Актуальные проблемы теории правового регулирования – предмет, формирующийся под влиянием тенденций современного мира. Возникающие новые технологии и исследования позволяют трансформировать предмет, используя фундаментальные базисные понятия. В результате формируется учебная дисциплина, охватывающая юридические догмы и актуализирующая их для современного юриста.

В последние годы актуализируются вопросы, связанные с развитием цифровой экономики, интеграции новых технологий в повседневные процессы и способы контроля за данными изменениями. При этом отсутствуют комплексные теоретические исследования в сфере цифровизации: авторы рассматривают явление фрагментарно, без применения существующего правового инструментария. В особенности, игнорируется юридическая техника, хотя она может выступать в качестве основного способа переноса классических способов правового регулирования в цифровой формат.

Так, параллельно с термином «юридическая техника» широко применяется термин «юридическая технология». Современные технологии основаны на достижениях научно-технического прогресса и ориентированы на производство продукта: юридическая технология создает материальный продукт. Юридическая технология - это также научная дисциплина, разрабатывающая и совершенствующая способы и инструменты создания юридических продуктов.

Можно отметить, что в рамках пособия была предложена авторская периодизация возникновения и развития «цифровизации права». Выделены четыре основных этапа истории: первый (с 1970 – 1991) ха-

рактируется формированием информационных технологий и развитием телекоммуникационной инфраструктуры; второй (с 1991 по 2000) связан с введением понятия «цифровизации» в экономику и таким явлением как «пузырь доткомов»; третий (с 2000 по 2014) основывается на международном закреплении основополагающих принципов развития информационного общества и телекоммуникационной инфраструктуры; четвертый (с 2014 по настоящее время) продолжается по настоящий момент и сопровождается активным развитием цифрового законодательства всех стран. Стоит отметить относительность предложенной периодизации: она выступает как фундамент, при этом не препятствует формированию собственного подхода к данному явлению

Стоит отметить и понятие цифровизации права – это процесс взаимодействия права и цифровых технологий, в результате которого, с одной стороны происходит формирование механизмов цифрового правового регулирования и перевод правовых норм в цифровой формат, а с другой интеграция цифровых технологий в юридическую практику с целью улучшения и автоматизации всех правовых процессов.

Основной темой дискуссий становится формирование понятие «цифрового права», вопрос его необходимости. Однако мы считаем, что плюрализм правовых мнений лишь отражает потребность научной доктрины в различных вариантах определений. Предложенное понятие, в рамках пособия выступает в качестве собирательного, отражающего сущностные характеристики изучаемого явления.

Таким образом, учебное пособие выстраивает систему цифровизации права как неизбежного явления и закладывает основу для дальнейших исследований.

Одним из решений правовых проблем, связанных с архитектурой может стать юридический комплаенс.

Данное явление слабо изучено в отечественной юридической доктрине и требует пристального внимания. В рамках данного пособия предложено авторское определение, а также упомянуты ключевые компетенции юриста, для работы с комплаенсом.

В результате пособие содержит основополагающие принципы работы современного юриста, а также предлагает широкий инструментарий для решения поставленных задач. Исследуя современные актуальные проблемы теории правового регулирования, необходимо видеть и практическое применение знаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нормативные правовые акты

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 08.12.1994. г. № 238-239. с изм. и допол. в ред. от 08.12.2020

2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Российская газета. 06.08.2020 г. Ст. 173.

3. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ// Российская газета. N 172. 07.08.2019.

4. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ // Российская газета. N 60. 20.03.2019,

5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ // Российская газета. N 165. 29.07.2006 (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2021)

6. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ // Российская газета. N 165. 29.07.2006 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021)

7. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 10.02.2021)

8. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. N Пр-212 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html> (дата обращения: 28.03.2021).

9. Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы «Информационное общество (2011-2020 годы)»» [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/4137/> (дата обращения: 19.03.2021)

10. Тунисское обязательство [Электронный ресурс] // Тунис, 2005 год. URL: <https://www.itu.int/net/wsis/outcome/booklet/tunisru.html> (дата обращения: 19.03.2021)

11. Декларация принципов // Женева, 2003 год. [Электронный ресурс]. URL: https://www.itu.int/net/wsis/outcome/booklet/declaration_Aru.html (дата обращения: 19.03.2021).

12. Окинавская хартия глобального информационного общества от 21 июля 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 19.03.2021).

13. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества // ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/events/pastevents/wsis.shtml> (дата обращения: 19.03.2021).

14. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. N 204 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, (дата обращения: 07.05.2018).

15. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. // Российская газета. 2018.

16. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. N 1632-р [Электронный ресурс]// Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, (дата обращения: 03.08.2020).

17. Положение об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах (утверждено Центральным банком Российской Федерации (Банк России) 16.12.2003 N 242-П). Ранее действовало Указание Банка России от 07.07.1999 N 603-У «О порядке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитных организациях» (в настоящее время утратило силу) // Вестник Банка России. 1999. N 41.

18. Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2017 N 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»

2. Судебная практика

19. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28836/ (дата обращения: 14.03.2021)

20. О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 N 821: Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29.04.2020 № 822 [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28875/ (дата обращения: 11.04.2021).

3. Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии к кодексам

21. Архипов В. В. Интернет-право / В. В. Архипов. - Москва: Юрайт, 2018. - 249 с.

22. Головкин Р.Б. Теория государства и права // Федер. Служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2015. – 600 с.

23. Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере: Монография / А.К. Жарова. М.: Янус-К, 2016. 248 с.

24. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. — М.: Норма, 2013. — 496 с.

25. Рассолов И. М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2009. 383 с.

26. Raysman R. Computer Law: Drafting and Negotiating Forms and Agreements // Law Journal Press. 1984. 2842 p.

3. Диссертации, авторефераты диссертаций

27. Азизов Р. Ф. Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2017. 331 с.

28. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 340 с.

4. Научные статьи

29. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 7. С. 23-28

30. Адыгезалова Г.Э., Чорномидз Ю.Н. Цифровые права и цифровое право: от общего к частному // Форум молодых ученых. – 2018. – № 4 (20). – С. 64-70.

31. Ализаде, В.А.оборот криптовалюты в Европейском союзе: на пороге правового регулирования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 2(37). – С. 316-327.

32. Архипов В.В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. – 2017. – № 5. С. 157-170.

33. Архипов В.В., Наумов В.Б., Пчелинцев Г.А., Чирко Я.А. Открытая концепция регулирования Интернета вещей // Информационное право. 2016. № 2. С. 18-25

34. Архипов, В.В., Наумов, В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике //Труды СПИИРАН. – 2017. – №6(55). – С.46-62.

35. Баранов П.П., Овчинников А.И. Правосознание и правовое мышление в условиях цифровизации общества // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2020. – №2. – С.160-163.

36. Бачило И.Л., Полякова Т.А. На пути к обеспечению информационной безопасности — проблемы формирования государственной информационной политики и совершенствования законодательства // Государство и право. – 2016. – № 3. С. 66-77

37. Бачило И.Л. Развитие законодательства в условиях модернизации государственного управления на основе информационных технологий // Труды Института государства и права РАН. – 2011. – №1. С. 67-74

38. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2019. – №11. – С. 25-42.

39. Бочков С.И., Макаренко Г.И., Федичев А.В. Об Окинавской хартии глобального информационного общества и задачах развития российских систем коммуникации // Правовая информатика. – 2018. – №1. С. 4-14

40. Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И., Насыров Р.В., Васев И.Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах// Юрислингвистика. –2019. –№ 11. – С. 13-18.

41. Варламова Н.В. Цифровые права - новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. – №4. – С. 9-46.

42. Войниканис Е. А. Развитие регулирования информационной сферы и интеллектуальные права: теоретико-правовые аспекты // Государство и право. – 2015. – № 7. С. 91-95.

43. Войниканис Е.А. Парадигмальный сдвиг в современном праве // Философия политики и права: сборник научных работ. — М.: Изд. А. В. Воробьев. – 2010. — Вып. 1. — С. 138—161.

44. Волос А.А. Реализация принципа добросовестности применительно к отношениям сторон смарт-контракта // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 2. – С. 26-31.

45. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 15-30.

46. Головкин Р. Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. - 2019. - № 2(51). - С. 163-167.

47. Головкин Р. Б., Цыганова О.А. Правовые аспекты цифровой идентификационной маркировки некоторых объектов и субъектов правоотношений // Вестник Владимирского юридического института. - 2019. - № 3(52). С. 143-147.
48. Голоскоков Л.В., Абакумова Т.И. Сетевое общество как инструмент инновационного развития России // Финансовый журнал. – 2012. – №3. – С. 53-60.
49. Гришина Т.М. Сетевому праву - сетевое общество // Вестник Международного юридического института. – 2017. – № 2(61). – С. 5-16.
50. Данилова В.С., Кожевников Н.Н. Этапы становления информационной картины мира / В.С. Данилова, Н.Н. Кожевников // Вестник СВФУ. – 2009. – №4. – С. 109-112.
51. Бондаренко Ю. Эффективное управление compliance-рисками: системный подход и критический анализ // Корпоративный юрист. 2008. № 6. С. 29—32.
52. Ермакова Н.А., Ахуньянова Ч.Ф. Комплаенс-контроль в системе внутреннего контроля корпораций // Международный бухгалтерский учет. 2014. №3 (297).
53. Иванова Ж.Б. Комплаенс и отношения права собственности субъектов предпринимательства на объекты культурного наследия // Юрист. 2017. N 18.
54. Кеворкова Ж.А., Сапожникова Н.Г. Концептуальные положения комплаенс как формы внутреннего контроля в экономических субъектах // Учет. Анализ. Аудит. 2020 №7 (2).
55. Малыхин Д.В. Особенности организации комплаенс-контроля в российских банках // Внутренний контроль в кредитной организации. 2009. N 2.
56. Попондопуло В.Ф., Петров Д.А. Антимонопольный комплаенс: современное состояние и перспективы // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2019. N 2. С. 55-64.
57. Рубцова Н.В. Комплаенс как модель нормативного регулирования предпринимательской деятельности // Юрист. 2017. N 18. С. 30 - 33.
58. Соколов В.П., Белокрылов И.В. Проблема комплаенса в психиатрии // Образовательный вестник «Сознание». 2017. №12.

59. Шихвердиев А.П., Оганезова Н.А., Вишняков А.А., Гудырева Л.В. Комплаенс-риски в менеджменте организаций // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2018. №1.
60. Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. – 2018. – Т. 24, № 1. – С.52-70.
61. Зенин С.С., Ижаев О.А., Кутейников Д.Л., Япрынцеv И.М. Практика применения цифровых технологий в законодательном процессе в зарубежных государствах: сравнительно-правовой анализ // Юридическое образование и наука. – 2019. – № 8. – С. 38-42.
62. Камалян В.М. Понятие и правовое обеспечение смарт-контрактов // Юрист. – 2019. – № 4. – С. 20-27.
63. Канюков Н.А., Яхонтова И.М. Международный опыт развития информационных технологий (Окинавская хартия глобального информационного общества) // Colloquium-journal. – 2019. – №3-4 (27). С. 16-19.
64. Кашкин С.Ю., Алтухов А.В., Пожилова Н.А. Платформенное право как инструмент инновационных инвестиционных платформ (краудфандинг) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2021. – №1 (77). – С. 155-164.
65. Ковалева Н.Н. Машиночитаемое право как механизм умного регулирования в области связи // Правовая политика и правовая жизнь. - 2019. - №3. - С. 158-159.
66. Ковалёв Я.А. Информационное общество: эволюция, современное состояние и характер влияния на безопасность государства // Ценности и смыслы. – 2010. – №5 (8). С. 153-164.
67. Любашиц В.Я., Осинский А.С. Цифровое право и информационные технологии в эпоху глобализации: проблемы теории // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – №7. С. 19-23.
68. Ломакин А. Цифровизация права // Жилищное право. – 2017. – № 9. С. 65-74.
69. Мажорина М.В. Право сетевого общества и проблема управления гибридностью // Lex Russica. – 2020. – №9 (166). С. 108-118.

70. Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. –2019. – № 2(147). – С. 107-120.

71. Малько А.В., Солдаткина О.А. Приоритеты Российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации /А.В. Малько, О.А. Солдаткина // Журнал российского права. – 2019. – №9. – С. 5-19

72. Можяева Г.В. Историческая информация в контексте информологического подхода / Г.В. Можяева // Открытое и дистанционное образование. – 2002. – № 4. С. 170-174.

73. Моисеев Н.Н. Информационное общество как этап новейшей истории // Свободная мысль. – 1996. – № 1. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1993-3-2-Moiseev.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).

74. Морхат П.М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. - 2019. - Т. 9. - № 3. -С. 61-85.

75. Нагродская В.Б. К вопросу о совместимости свободных (открытых) лицензий и возможностей их использования в технологии Blockchain // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 11. С. 39-55.

76. Нестеров А.В. Цифровая трансформация юридической деятельности и законодательства // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – №4-1 (62). – С. 43-53.

77. Новоселова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. – 2017. – № 12. – С. 29-44.

78. Овчинников А.И. Право и правосознание в условиях цифровизации общества // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2020. – №2. – С. 131-134.

79. Пирцхалава Х.Д. О некоторых аспектах правового регулирования трансграничных частноправовых отношений в условиях развития сетевого общества // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2019. – №2. – С.93-101.

80. Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в РегТехе, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. –2020. – №9. С. 59-69.

81. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. С. 91-109.

82. Рожкова М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. – 2020. – № 10. С. 10-68.

83. Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? // Хозяйство и право. – 2020. – № 4. – С. 3-13

84. Романов А.Ю. Проблемы перевода норм права в машиночитаемый вид и автоматизации их применения судом / // Круглый стол «Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений». – М.: ИНФРА-М. – 2019. – С. 218-222.

85. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 32-60.

86. Саурин А.А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8. С. 26-31.

87. Сафоклов Ю. «Большой брат» в Интернете. Решение Федерального конституционного суда Германии по так называемому «компьютерному основному праву» // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 5(72). С. 144-156.

88. Слоботчиков О.Н., Кирсанов К.А., Попова С.А. Становление цивилизации знания и риска и проблемы цифровизации в России // Вестник евразийской науки. – 2020. – №1. С. 64.

89. Соколова О. С. Защита персональных данных посредством права на забвение // Современное право. – 2016. – № 9. С. 69-72.

90. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – №2 (254). С. 5-17.

91. Танимов О.В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – №2 (111). С. 11-18.

92. Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. – 2018. – № 2. С. 30-74.

93. Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. — 2019. — № 12. — С. 5—18.

94. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85—102.
95. Чернышов А.Г. Стратегия и философия цифровизации // Власть. — 2018. — №5. С. 13-21.
96. Якунин В.А. Смарт-контракт. Смарт-бухгалтерия? // Факторы успеха. Экономические науки. — 2018. — № 1. С. 128-131.
97. Backer L. C. Economic Globalization and the Rise of Efficient Systems of Global Private Lawmaking: Wal-Mart as Global Legislator // Connecticut Law Review. — 2007. — Vol. 39, no. 4.
98. Berman P.S. Global Legal Pluralism // Southern California Law Abstract. — 2007. — Vol. 80. — Pp. 1155—2007.
99. Cotterrell R. What Is Transnational Law? // Law & Social Inquiry. — 2012. — Vol. 37. — Iss. 2. — Pp. 500—524.
100. Schultz T. Private legal systems: what cyberspace might teach legal theorists // Yale Journal of Law and Technology. — 2008. — Vol. 10. — Pp. 168, 173—176.
101. Schiek D. Private rule-making and European governance — issues of legitimacy // European Law Review. — 2007. — 20 (1). — P. 3.
102. Trakman L. E. From the Medieval Law Merchant to E-Merchant Law // The University of Toronto Law Journal. — 2003. — Vol. 53. No. 3. — Pp. 265—304.

5. Интернет-ресурсы

103. Internet Law: Everything You Need To Know [Электронный ресурс]/ URL: <https://revisionlegal.com/internet-law/internet-law-everything-you-need-to-know/> (дата обращения 21.04.2021).
104. Цифровая Россия: новая реальность. Digital McKinsey [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf>. (дата обращения 10.03.2021).
105. Цифровизация: история, перспективы, цифровые экономики России и мира [Электронный ресурс]. URL: <http://www.up-pro.ru/library/strategy/tendencii/cyfrovizaciya-trend.html> (дата обращения: 01.02.2021).
106. Цифровизация в России и за рубежом: немного истории [Электронный ресурс]. URL: <https://www.big-dataschool.ru/wiki/%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0>

[%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F](#) (дата обращения: 11.03.2021).

107. Интернет и соцсети в начале 2021 года — главные цифры // vc.ru : [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/marketing/221601-internet-i-socseti-v-nachale-2021-goda-glavnye-cifry> (дата обращения: 10.05.2021).

108. Комиссаров А. Четвертая промышленная революция [Электронный ресурс] // Ведомости. Октябрь 2015. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/10/14/612719-promishlennaya-revoljutsiya> (дата обращения: 14.02.2021).

109. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/events/pastevents/wsis.shtml> (дата обращения: 28.10.2020).

110. Бевзенко Р. Как я победил судебного робота-юриста. И почему это будет длиться недолго [Электронный ресурс]// Закон.ру URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/21/kak_ya_pobedil_sudebnogo_robota-yurista_i_pochemu_eto_budet_dlitsya_nedolgo#comment_464408. (дата обращения: 15.04.2021).

111. Писаревский Е.Л. Цифровизация юридической деятельности в социальной сфере [Электронный ресурс] // ЮрФак URL: <https://urfac.ru/?p=1652> (дата обращения: 18.03.2021).

112. Криптовалюта глазами российских судей [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalrights.center/blog/kriptovalyuta-glazami-rossiyskikh-sudey/> (дата обращения: 10.04.2021).

113. Способен ли искусственный интеллект заменить судью? [Электронный ресурс]. URL: https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2019/09/23/sposoben-li-iskusstvennyy-intellekt-zamenit-sudyu_3f00_.aspx (дата обращения: 23.02.2021).

114. Law&Code: о проблемах автоматизации права [Электронный ресурс]. URL: <https://sk.ru/news/law-code-o-problemah-avtomatizacii-prava/> (дата обращения: 08.03.2021).

115. Радченко М.Ю. Цифровое право будущего [Электронный ресурс] // Информационное общество и общество знаний. URL: <https://ifap.ru/pi/02/r09.htm> (дата обращения: 11.04.2021).

116. Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-ros-siyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 14.03.2021).

117. ЦБ определился с форматом ввода цифрового рубля как новой формы денег [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/08/04/2021/606dd6c49a7947c8d84009ed> (дата обращения: 15.02.2021).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Федеральный закон «Об искусственном интеллекте»

Глава 1. Общие положения.

Статья 1. Предмет регулирования настоящего Федерального закона

Настоящим федеральным законом определяются цели и основные задачи развития и использования искусственного интеллекта в Российской Федерации, а также меры, направленные на предотвращение его бесконтрольного видоизменения.

Статья 2. Основные понятия.

- Искусственный интеллект — это сложная информационно-вычислительная система, использующая заложенные в нее обучающиеся алгоритмы для решения конкретных задач.

- Идентификатор ИИ – официальное электронное удостоверение, выдаваемое уполномоченным органом, в котором закрепляется режим использования ИИ и его номер государственной регистрации.

- Режим использования ИИ – устанавливаемый данным федеральным законом порядок применения ИИ в повседневной жизни в зависимости от оказываемого влияния на отдельные сферы общественной жизни.

- Архитектура ИИ - конфигурация, состав и принципы взаимодействия (включая обмен данными) элементов вычислительной системы.

Статья 3. Правовые основы деятельности ИИ.

Искусственный интеллект регулируется данным федеральным законом в области его государственной регистрации, контроля и защиты прав владельцев.

Во всех иных случаях отраслевое законодательство воздействует на собственника ИИ.

Статья 4. Основные принципы

Основными принципами развития и использования технологий искусственного интеллекта являются:

а) защита прав и свобод человека: обеспечение защиты гарантированных российским и международным законодательством прав и свобод человека, в том числе права на труд, и предоставление гражданам возможности получать знания и приобретать навыки для успешной адаптации к условиям цифровой экономики;

б) безопасность: недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта;

в) целостность инновационного цикла: обеспечение тесного взаимодействия научных исследований и разработок в области искусственного интеллекта с реальным сектором экономики;

г) разумная бережливость: осуществление и адаптация в приоритетном порядке существующих мер, направленных на реализацию государственной политики в научно-технической и других областях;

д) поддержка конкуренции: развитие рыночных отношений и недопустимость действий, направленных на ограничение конкуренции между российскими организациями, осуществляющими деятельность в области искусственного интеллекта.

Глава 2. Режимы использования ИИ.

Статья 5. Правовое положение ИИ.

ИИ не может выступать участником правоотношений от своего лица. Он выступает лишь как техническое средство, применяемое для решения различных задач.

Право собственности распространяется на всю Архитектуру ИИ. Результатами деятельности ИИ свободно распоряжается собственник.

Статья 6. Классификация собственников ИИ.

Полный собственник – человек, создавший и активно использующий ИИ, осуществляет абсолютное господство над ним. Его права начинают защищаться с момента постановки на учет ИИ.

Заказчик ИИ – лицо или организация, заказавшие разработку ИИ и принявшие результаты работы. Переход права собственности осуществляется по договору. В данном случае право собственности может быть разбито между несколькими субъектами.

Владение ИИ – устанавливается в момент государственной регистрации ИИ, и осуществляется лицом или организацией, заявившей свои права.

Пользование ИИ – извлечение полезных свойств, обусловленных Архитектурой ИИ. Пользование осуществляется с согласия владельца, а также должно соответствовать режиму использования ИИ.

Распоряжение ИИ – возможность определять судьбу ИИ в рамках его Архитектуры и режима использования.

Статья 7. Перечень режимов использования ИИ.

- Государственный
- Социальный
- Коммерческий
- Технический
- Частный

Статья 8. Государственный режим использования ИИ.

Государственный режим использования ИИ характеризуется постановкой ИИ на баланс государственного органа как нематериальный актив. Используется в рамках деятельности, осуществляемой государственным органом.

Разработка и внедрение может производить сторонними производителями, однако для этого необходимо получить согласие вышестоящего государственного органа, а также предоставить экономическое обоснование такого решения.

В случае установления государственного режима использования ИИ, запрещается использование ИИ для получения прибыли.

Ежегодно уполномоченный орган проводит внутреннюю программную проверку на наличие дефектов системы, либо несогласованных изменений, позволяющих злоупотреблять ИИ.

Статья 9. Социальный режим использования ИИ.

Социальный режим использования ИИ характеризуется постановкой ИИ на баланс некоммерческой организации. Используется только в рамках основных направлений деятельности НКО и не может использоваться для получения прибыли.

Архитектура ИИ ограничена лишь решением определенных социально – значимых задач и не может выходить за эти рамки. Любая модернизация запрещена.

Социальный режим использования ИИ может устанавливаться для некоторых отдельных государственных учреждений. Для этого разработчик должен предоставить развернутую Архитектуру ИИ и уточнить в какой области его можно применять.

Ежегодно необходимо предоставлять в уполномоченный орган сведения об ИИ в установленной форме, а также результаты программной проверки на предмет наличия дефектов или незаконных модернизаций.

Статья 10. Коммерческий режим использования ИИ.

Финансовый режим использования ИИ осуществляется юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в целях, не противоречащих закону. Для этого они обязаны предоставить все данные об ИИ в уполномоченный государственный орган для постановки на учет и получения Идентификатора ИИ, в котором указываются возможные направления использования ИИ.

Также необходимо получить согласие Федеральной антимонопольной службой на использование ИИ, которое не нанесет вреда рынку и честной конкуренции.

Любые технические изменения производятся самостоятельно и в конце года предоставляются данные о них. В случае, если внесенные изменения существенно изменили Архитектуру ИИ, необходимо снова подать заявление на получение Идентификатора ИИ.

Раз в полгода уполномоченный орган запрашивает всю системную информацию и отчеты о работе ИИ. Раз в год происходит программная проверка ИИ. В случае возникновения нарушений, действие ИИ приостанавливается до устранения нарушений.

Статья 11. Технический режим использования ИИ

Технический режим использования ИИ связан с дальнейшим развитием данной технологии. Для постановки на учет, необходимо предоставить вариант первоначальной Архитектуры ИИ, план возможных изменений и опытов. ИИ ставится на учет либо созданного исследовательского комплекса, либо на имя лица, заявившего о проведении экспериментов.

В ходе проведенных экспериментов, все полученные данные являются собственностью лица, проводившего эксперименты. Государство обеспечивает защиту данных прав.

Проведение технических изменений не может быть больше 6 месяцев. По истечении срока ИИ должен быть поставлен на учет для иного режима использования.

Если в ходе производимых изменений будут внесены существенные изменения в Архитектуру ИИ, не позволяющие его использовать, то необходимо предоставить отчет о причине случившегося.

В случае, если изменения проводились для государственного или социального режима использования, а в их ходе ИИ было существенно повреждено, государственно возмещает часть средств для восстановления Архитектуры ИИ.

Статья 12. Частный режим использования ИИ

Частный режим использования ИИ характеризуется совокупностью нескольких факторов: собственником выступает физическое лицо, которое и разработало данное ИИ, не используется в целях получения выгоды, а также доступ к нему имеет ограниченное число пользователей.

В данном случае не требуется регистрация, только если собственник хочет защитить свои права на данное ИИ. В этом случае выдается Идентификатор ИИ.

В случае, если часть Архитектуры ИИ была продана для дальнейшего коммерческого использования, собственник ИИ, находящегося в частном режиме использования, должен предоставить данные о функциональном назначении проданной части. Это позволит защитить права разработчика, если ИИ в дальнейшем будет технологически модернизировано.

Глава 3. Публичные сферы применения ИИ.

Статья 13. Применение ИИ в государственных сферах.

Искусственный интеллект, имеющий государственный режим использования, может применяться в строго определенных отраслях, установленных данным законом.

Среди них:

1. Судебная сфера
2. Правоохранительная сфера
3. Законодательная сфера

Статья 14. Применение ИИ в судебной сфере.

Применение искусственного интеллекта, имеющего государственный режим использования, может применяться для автоматического составления решений по делам, не требующим проведения судебного заседания (согласно Гражданско-процессуальному и Арбитражно-процессуальному законодательствам).

Применение должно быть регламентировано внутренними актами судебной системы и опираться на инструкцию Верховного суда РФ «О применении искусственного интеллекта в судебном производстве и подготовке судебных постановлений». Контроль за применением данной технологии поручается Судебному департаменту при Верховном Суде РФ.

Отмена постановлений, составленных и вынесенных с участием искусственного интеллекта проходит по процедуре, установленной законодательством, с участием ответственного судьи.

Не допускается применение ИИ при разрешении дела, согласно КАС и УПК.

Статья 15. Применение ИИ в правоохранительной сфере.

Искусственный интеллект возможно применять в рамках правоохранительной деятельности для сбора и подготовки доказательств с разрешения суда. Контроль за применением ИИ в правоохранительной деятельности осуществляет

УПК конкретизирует случаи применения ИИ в процессе сбора и анализа доказательств, а ведомственные акты устанавливают необходимую квалификацию и способ фиксации.

В случае возникновения спора о правильности доказательств, собранных ИИ, необходимо повторить процессуальное действие с участием эксперта, для установления достоверности.

Статья 16. Применение ИИ в законодательной сфере.

Искусственный интеллект способен создавать и анализировать законопроекты, в процессе их принятия.

При создании законопроекта с участием ИИ, к установленному пакету документов, прикладывается техническая справка об искусственном интеллекте. В ней указывается заложенные команды, вычислительная мощность и конфигурация ИИ. Данный законопроект проходит дополнительный анализ от профильного комитета по искусственному интеллекту.

Анализ законопроектов с помощью ИИ осуществляется, созданным на базе Федерального собрания, искусственным интеллектом, база данных которого содержит разработанные правила и средства юридической техники.

Анализ законопроектов с помощью ИИ проводится в обязательном порядке при участии другого искусственного интеллекта в процессе создания данного законопроекта, либо он затрагивает сферу применения технологии. В остальных случаях анализ и подготовка отчет производится при наличии инициативы со стороны Государственной думы.

Статья 17. Особенности применения ИИ в публичных сферах.

Для применения искусственного интеллекта в судебной, правоохранительной и законодательной сферах, необходимо, применение Кодекса «Машиночитаемого права», который содержит набор правил, необходимых эффективной работы ИИ. Контроль за обновлением и интеграцией данного кодекса в ИИ, государственного режима использования, осуществляет Роскомнадзор, совместно с экспертным центром «Цифровое право» Сколково.

Глава 4. Государственный контроль.

Статья 18. Органы, осуществляющие надзор

Контролем и надзором за деятельностью разработчиков искусственного интеллекта занимается Федеральная антимонопольная

служба, Федеральная налоговая служба, а также Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Федеральная антимонопольная служба контролирует коммерческий и технический режимы использования на предмет злоупотребления правом для создания дисбаланса в рыночных отношениях и формирования монополий. Контроль осуществляется согласно локальным актам ведомства.

Федеральная налоговая служба осуществляет контроль за коммерческим и социальным режимами использования. В случае необходимости, субъекты, использующие ИИ в заданных правовых режимах могут подать заявление на получение налоговых каникул в течение года с момента регистрации, а также трех месяцев после существенной модернизации Архитектуры ИИ. Размер налоговых льгот устанавливается ежегодно Приказом ФНС, который должен быть доведен до заинтересованных лиц.

Введение реестра ИИ и надзор за техническим и частным режимами использования осуществляет Роскомнадзор. Также, в случае обнаружения нарушения иных режимов использования сообщает уполномоченным органам. Проведение анализа технического состояния ИИ проводят сотрудники Министерства. Также осуществляет прямой контроль всех государственных режимов использования ИИ, ежегодно подтверждая их статус, и внося необходимые изменения в идентификатор.

Статья 19. Государственная помощь

В случае предоставления информации об архитектуре ИИ в уполномоченный орган, оно дополнительно облагается государственной защитой и частично софинансируется поддержка и дальнейшее улучшение.

Статья 20. Техническая помощь.

Собственник ИИ имеет право обратиться за технической поддержкой в Роскомнадзор вне зависимости от режима использования в следующих случаях:

- Главный специалист и его уполномоченные лица самостоятельно не смогли решить, возникшую проблему.

- Вследствие возникшей аварии, решение может продолжаться длительный период времени, что нанесет непоправимый ущерб.
- Из – за возникшей опасности незаконного доступа в Архитектуре ИИ связанным базам данным, необходимо усовершенствовать протоколы безопасности.

Глава 5. Заключительные положения

Статья 21. Пределы использования ИИ

Искусственный интеллект не может считаться субъектом общественных отношений. Презюмируется, что в случае совершения каких – либо юридических действий, права и обязанности возлагаются на собственника, либо на иное лицо, обладающее контролируемыми полномочиями.

Он подлежит использованию в тех случаях, когда не умаляются права граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, в особенности право на жизнь и личную безопасность.

Статья 22. Сфера действия.

Данный закон распространяет своё действие на все субъекты, так или иначе осуществляющих разработку, поддержку и продажу ИИ на территории Российской Федерации.

Статья 23. Урегулирование споров.

Во всех спорах, связанных с ИИ, обязателен досудебный порядок, а также обращение в Роскомнадзор, с требованием дать оценку возникшим разногласиям.

В случае, если спор не будет урегулирован, все данные об Архитектурах ИИ и связанных базах данных должны быть защищены и быть доступны только в виде общих отчетов экспертов.

Статья 24. Судопроизводство

Споры, связанные с ИИ, обладают подсудностью аналогичной спорам, касающимся защиты интеллектуальных прав.

Учебное электронное издание

ГОЛОВКИН Роман Борисович
КРАЙНОВА Екатерина Романовна
МАНОХИН Виталий Сергеевич

МЕХАНИЗМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКИЙ
КОМПЛАЕНС

Учебное пособие

Издается в авторской редакции

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader;
дисковод DVD-ROM.

Тираж 25 экз.

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Изд-во ВлГУ
rio.vlgu@yandex.ru

Юридический институт
i@vmanohin.ru